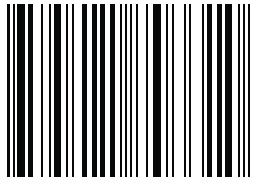

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИСТИКА УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Учебное пособие

ISBN 978-5-4217-0331-0

9 785421 703310

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр

41-71-07

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИСТИКА
УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Курган 2015

УДК 93
ББК 63.3
И90

Рецензенты:

Татауров С.Ф., канд. ист. наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, зав. сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН;

Кошкаров Д.А., канд. ист. наук, начальник аналитического отдела Курганской областной Думы.

Историческая локализация Урала и Западной Сибири : учебное пособие / отв. ред. В. В. Меншиков. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. 172 с.

Печатается по решению методического совета Курганского государственного университета.

Учебное пособие предназначено для обучающихся по образовательной программе магистратуры «Историческая локализация Урала и Западной Сибири», реализуемой на историческом факультете Курганского государственного университета. Пособие может быть интересным и полезным для студентов-историков и культурологов, аспирантов, преподавателей высших и средних учебных заведений, краеведов и для всех, кто изучает историю регионов России.

УДК 93
ББК 63.3

ISBN 978-5-4217-0331-0

© Курганский государственный университет, 2015
© Авторы, 2015

ВВЕДЕНИЕ

С введением в отечественном высшем образовании уровневой системы в центральных и региональных университетах начали лицензироваться магистерские программы образования. Не стал исключением и Курганский государственный университет, в котором в течение второй половине XX в. сложилась научная школа по комплексному изучению истории Урала, Западной Сибири и Зауралья. Работы курганских историков в области аграрной, политической и культурной истории уралосибирского региона стали хорошо известны в России. В аспирантуре по отечественной истории подготовлены несколько десятков специалистов высшей квалификации, ставшие кандидатами и докторами исторических наук. С 2013 г. в Курганском государственном университете началась реализация магистерской программы по истории.

Данное учебное пособие предназначено для обучающихся по образовательной программе магистратуры «Историческая локализация Урала и Западной Сибири», реализуемой на историческом факультете Курганского государственного университета. Пособие включает в себя материалы по ряду дисциплин профессионального цикла учебного плана ООП магистратуры (базовой и вариативной частей). Материалы представляют из себя краткое изложение содержания преподаваемой дисциплины (прежде всего, лекционной части). В конце каждого раздела содержатся методические материалы – методические рекомендации по изучению дисциплины, основные понятия, вопросы для самоконтроля и литература по дисциплине.

Авторами пособия являются ведущие курганские историки, кандидаты и доктора исторических наук, специализирующиеся в областях исторического знания, представленных в разделах пособия. Авторы глав: I – В.В. Менщиков, II – Т.В. Козельчук, III – Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябина, IV – В.В. Пестерев, V – С.В. Путилин, VI – М.Ф. Ершов, VII – Г.Г. Павлуцких и С.Г. Федоров, VIII – И.С. Менщиков и С.Г. Федоров, IX – С.С. Коновалов. Окончательное редактирование методических разделов глав осуществлено Б.В. Архиповым.

*В.В. Менщиков, отв. редактор, доктор исторических наук,
профессор Курганского государственного университета, руководитель
ООП магистратуры «Историческая локализация Урала и Западной Сибири»*

I АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

В.В. Менщиков

I.1 Методологический переход, функции и особенности исторического познания

Сегодня разговоры о кризисе исторической науки, прежде всего, отечественной, стали общим местом. Уже двадцать лет историки и представители других гуманитарных наук пытаются дать характеристику, найти истоки и пути выхода из этого кризисного состояния. Не отказываясь принципиально от данной характеристики, все же предложим иное определение, на наш взгляд, более точно отражающее состояние исторической науки в России – *методологический переход*.¹ Как говорил известный литературный и кинематографический персонаж, разруха, прежде всего, в головах людей. И кризис, ощущение дискомфорта от осознания его – это субъективная реакция историков на изменившиеся социальные и методологические условия, центральное место среди которых занимает теоретико-методологический плюрализм. Освоение новых подходов требует времени, и если расширение тематики исследований – дело довольно быстрое, то реализация новых исследовательских практик (т.е. собственно методологический переход) требует действительно много времени, по сути смены целого поколения исследователей.

В рамках осмысления указанного методологического перехода, как нам кажется, решающее значение имеет определение места истории в научном познании, функций исторической науки. При всем многообразии выделяемых исследователями функций большинство сводит их, по определению известных отечественных специалистов И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, к четырем ключевым понятиям: поддержание образцов, легитимация, идентификация и открытие *Другого*.²

¹ Существуют и иные характеристики этого состояния. Например, «историографическая революция». См.: Могильницкий Б. Г. История на переломе: некоторые тенденции развития современной исторической мысли // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. М., 2004.

² Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. СПб., 2008. С. 362.

К первой функции можно отнести «морализацию и накопление социального опыта».³ Ко второй относится то, что связано с потребностью в самоутверждении. «Становление национальных государств, формирование национального самосознания, подъем национализма – все эти процессы стимулировали легитимизирующую функцию истории».⁴ Третья реализуется через стремление к удовлетворению «потребности личности и общества, вплоть до «человечества», в самопознании».⁵ И последняя связана с бескорыстным стремлением познания и погружения в иную социальную реальность, отличную от современной.

Любопытно, что выделенные функции известными отечественными исследователями почти совпадают с четырьмя современными задачами истории, отмеченными американским историком А. Мегиллом. Он формулирует их следующим образом: формирование идентичности, которую он считает основной; проповедование (евангелизация); развлечение; быть полезной.⁶ Обращает на себя внимание то, что большая часть функций или задач исторического познания так или иначе связано с потребностями современного состояния общества, его потребностей. Именно это и является отправной точкой в процессе конструирования исторического знания.

Не случайно известный отечественный медиевист А.Я. Гуревич считал, что «историческое знание есть неотъемлемая форма общественного самосознания»,⁷ в другом месте он определяет историю как «средство самосознания общества».⁸ Оставив в стороне проблему соотношения понятий «форма» и «средство», в общем виде согласимся с этими утверждениями. Исходя из этого, А.Я. Гуревич формулирует и ведущий метод получения исторического знания: «историческое исследование всегда и неизменно продиктовано запросами современности и представляет собой диалог между настоящим и прошлым. Мы задаем людям прошлого НАШИ вопросы и добиваемся от них ИХ ответов».⁹ Эти рассуждения известного историка вызвали возражения исследователя русского средневековья А.Л. Юрганова в связи с оценкой опричнины Ивана Грозного: «Если

³ Там же.

⁴ Там же. С. 367.

⁵ Там же. С. 370.

⁶ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 440.

⁷ Гуревич А. Я. История историка. М., 2004. С. 182.

⁸ Цит. по: Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М., 2003. С. 315.

⁹ Там же.

иметь в виду.., что опричнина была своеобразной «мистерией веры», а опричные казни иконой (образом) Страшного суда на земной тверди, наказанием людей за их грехи и одновременно спасительной миссией царя, то следует признать: ни в моем «настоящем», ни в «настоящем» А.Я. Гуревича никогда не было и не будет такой реальности, которая спровоцировала бы соответствующие вопросы». ¹⁰ Представляется, что А.Л. Юрганов чересчур категоричен. Формулирование вопросов современным сознанием вопросов к источнику не ведет напрямую к «плоскому» презентизму, но получается, что в скрытом виде историк упрекает А.Я. Гуревича в модернизации прошлого. В конечном итоге, благодаря чему А.Л. Юрганов пришел к соответствующей характеристике опричнины? Под воздействием чего он формулировал свои вопросы? Либо, полученное им знание носит трансцендентальный характер, либо является результатом диалога с источником, обусловленного вполне определенной историографической традицией. А.Л. Юрганов же отмечает, каким современным историографическим фактом вызван его интерес к опричнине: «...сама их постановка (*вопросов* – В.М.) заставляет еще раз задуматься над интерпретацией истории XVI в., предложенной В.Б. Кобриним». ¹¹ Нетривиальность исследовательского результата А.Л. Юрганова в значительной мере оказалась обусловлена тем, что исследователь смог «услышать» ответы людей ушедшей эпохи. «Понять субъективный смысл грандиозного мероприятия царя – значит рассмотреть в сумерках опричнины ее искомую направленность», – формулирует А.Л. Юрганов свою важнейшую исследовательскую задачу. ¹² Реальностью же, которая «спровоцировала соответствующие вопросы», является указанный нами выше взгляд на прошлое как на *Другое*. Именно следование концепту *Другого* позволило понять субъективный смысл опричного мероприятия царя как факта религиозной жизни, а не социально-политической, поэтому выводы автора оказались свободными от модернизаторского влияния современного социологизированного знания.

Появление же концепта *Другого* в историческом знании было обусловлено, по нашему мнению, с одной стороны, реакцией современного общественного сознания на процессы всеобщей унификации и стандарти-

¹⁰ Там же. С. 316.

¹¹ Там же. С. 69.

¹² Там же.

зации глобализирующегося мира, с другой – парадоксальным увеличением фрагментарности мира (этнической, социальной, религиозной и т.п.), выражающейся в многочисленных конфликтах идентичностей. Как ни странно, но обе тенденции властно пытаются превратить историческое познание в свою «покорную служанку», пытаются осовременить историю, сделать ее близкой. В результате «теряется фундаментальный для истории разрыв между прошлым и настоящим».¹³ Концепт *Другого* как раз способствует преодолению этой потери. Можно согласиться с утверждением американского историка А. Мегилла, что «в глобализованном обществе, где (по крайней мере, на некоторых уровнях) имеет место гомогенизация, чрезвычайно важно артикулировать такие репрезентации, которые отражали бы представления о мире, отличные от наших собственных».¹⁴ Не является ли подобной репрезентацией и указанная в начале характеристика опричнины?

Развитие науки в XX веке убедительно показало принципиальную зависимость результатов познания от исследовательского инструментария познавательной деятельности. Не случайно один из наиболее оригинальных отечественных философов Г.П. Щедровицкий еще в 1980-х гг. назвал грядущий XXI век веком методологии. Современное состояние естественного, в особенности гуманитарного, знания подтверждает это пророческое высказывание. Наиболее актуальные и эвристически плодотворные дискуссии в сфере социогуманитарных наук идут в области методологии. Процесс познания сложен сам по себе, а особенно прошлой исторической реальности, которая не дана нам непосредственно, поэтому теоретико-методологическая составляющая любого конкретного исследования приобретает самостоятельное значение.

Описание прошедшей исторической реальности производится современным языком, историки используют современный понятийный аппарат. Это приводит к формированию серьезной проблемы адекватности исторического знания. Ретроспективный характер исторического познания неизбежно создает интеллектуальные ловушки модернизации и архаизации реконструируемых (конструируемых) образов исторической реальности. Историк в процессе познания обречен идти, как по лезвию бритвы, стараясь, с одной стороны, не впасть в соблазн презентизма, а с другой – не раствориться в изучаемом объекте (архаизироваться), иначе, к примеру,

¹³ Мегилл А. Указ. соч. С. 449.

¹⁴ Там же.

древнеегипетскую цивилизацию можно было бы описать исключительно древнеегипетским языком. Таким образом, возникает вопрос: до каких пределов, а главное – каким образом мы можем элиминировать влияние современных представлений на конечный адекватный результат исторического познания? Не претендуя на всеохватный ответ, скажем, что проблема должна быть не только вербализирована, но и раз за разом артикулироваться с целью выявления все новых и новых аспектов и нюансов ее понимания.

Еще одним истоком исторического конструирования может выступать то обстоятельство, что сама социальная реальность, изучаемая историками, является результатом осознанной целенаправленной деятельности людей. Это довольно убедительно показано в работах ряда отечественных историков: П.Ю. Уварова, Н.Е. Копосова и др. Весьма показателен в этом смысле сборник, вышедший в 2001 г., под названием «Конструирование социального».¹⁵

Так, А.Ю. Согомонов и П.Ю. Уваров пишут, что «в эпоху Великих географических открытий столь же неожиданно, как и Западные Индии, Европа открыла для себя материк “социального”».¹⁶ Для специалистов традиционной социальной истории данное утверждение казалось по меньшей мере странным. Авторы сами формулируют это недоумение: «Но неужели раньше европейцы не подозревали, что они живут в обществе? Не задумывались о том, как оно структурировано...?».¹⁷ И сами же дают сколь откровенный, столь же и провокационный ответ: «Осмелимся предположить, что *не* подозревали и *не* задумывались... такое возможно и даже более того, было всегда!.. Вплоть до XVI в.».¹⁸ Все ранее существовавшие социальные представления о средневековой Европе оказались очень зыбкими. Авторы делают «убийственный» для традиционной социальной истории вывод: «Представление о незыблемости социальных групп и прочности социальных барьеров, о жесткости социальных перегородок, о четкой структурированности средневекового общества и репрезентации всего перечисленного в культуре *подвергается пересмотру*. Все чаще медиевисты указывают на один и тот же рубеж в возникновении всех: как иллюзорных интеллектуальных конструктов, так и новых кон-

¹⁵ Конструирование социального. Европа. V-XVI вв. / сост. П. Ю. Уваров, И. В. Дубровский. М., 2001.

¹⁶ Согомонов А. Ю., Уваров П. Ю. Парадоксы вывихнутого времени, или как возникло социальное// Конструирование социального. М., 2001. С. 136.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

структов социальной реальности – рубеж XVI и XVII вв.».¹⁹ Но что же существовало до этого рубежа, какую характеристику обществу в Европе мы можем дать, не опираясь на конструкты, как уверяют нас авторы, более позднего времени. А.Ю. Согомонов и П.Ю. Уваров и на этот вопрос дают ответ: «Европа, какой ее застал XVI в., была сложным и фрагментарным обществом, целостность которого обеспечивалась связями сугубо персонального характера. Человек был одновременно включен в различные холистические общности, которые на деле находились между собой в чрезвычайно запутанных отношениях соподчинения, соперничества, конкуренции, противоречия... Главным фактором поддержания равновесия внутри этих солидарностей – а равно и между ними – была метафора *единого мистического тела*».²⁰ Только на указанном рубеже XVI-XVII вв. происходят радикальные изменения. «Именно в этот период мир приобретает будущие контуры «простой» современности с присущими ей формами современной социальности... Возникает «нормальное» общество, для которого справедливы и марксистская теория, и теории всех остальных «отцов» социологии».²¹ И, что очень важно именно для нашего повествования, «начиная с рубежа XVI-XVII вв. общество не только *впредь будет иным, но и свое прошлое оно будет конструировать по своему новообретенному образу и подобию*».²²

Однако не только социальность, или, по крайней мере, то, что мы сегодня под ней подразумеваем, но и ряд других феноменов могут быть результатом конструирования. Тот же П.Ю. Уваров в другой своей статье с присущей ему изящной категоричностью утверждает, что «национальная идентичность может рассматриваться как конструкт, а не как сущность».²³ И вновь речь идет о рубеже XVI-XVII вв. Поэтому очевидно, что «превращение национальной идентичности из важного, но сугубо контекстуального и ситуационного качества в абстрактную самодостаточную категорию произошло в одно и то же время и по одним и тем же причинам, что и рождение социальных категорий».²⁴ Одним из обстоятельств этого,

¹⁹ Там же. С. 145-146.

²⁰ Там же. С. 148.

²¹ Там же. С. 146.

²² Там же.

²³ Уваров П. Ю. Конфессиональные идентичности и рождение социальных классификаций во Франции конца XVI - начала XVII вв. // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время. М., 2008. С. 88.

²⁴ Там же.

как пишет П.Ю. Уваров, стало то, что «метафора единого мистического тела рассыпалась».²⁵ И вот здесь мы вновь сталкиваемся с ключевым понятием для самого процесса конструирования – *метафорой*. Рождается новая пространственная метафора (картезианско-ньютоническое пространство). Об этом довольно обстоятельно писал Н.Е. Копосов.²⁶ П.Ю. Уваров так характеризует его в высшей степени оригинальное исследование: «Пространство, которое само является конструктом сознания, используется как материал для конструирования других объектов, среди которых особое место занимают абстрактные понятия (общество, государство). Влияние на них пространственных паралогик – основное содержание книги».²⁷ Что же касается метафоры пространства, то «пространственные образы обладают силой принуждения по отношению к мышлению, метафоры суггестивны. Конституирование истории как абстрактного объекта, как интеллигибельного целого неразрывно связано с работой пространственного воображения».²⁸

Но не только сама социальная реальность, ее феномены могут выступать объектами конструирования, но и образы конкретных исторических персонажей, что кажется более очевидным. Отметим в связи с этим одно из наиболее ярких, на наш взгляд, за последнее время исследований о выдающихся личностях отечественной истории. Это книга немецкого историка Ф.Б. Шенка об Александре Невском.²⁹ Трансформация образа князя определялась преобладающими смысловыми установками общественной среды в каждую эпоху, что довольно четко отражено в названиях глав книги: «Сакрализация Александра (XIII-XV века)», «Россиезация Александра (XV-XVII века)», «Этатизация Александра (XVIII век)», «Национализация Александра (XIX век)», «Советизация Александра: 1937 год» и т.д.³⁰

Завершая наши предварительные рассуждения об историческом конструировании, отметим, что мы придерживаемся той позиции, что «подобно миру, история существует лишь в нашем воображении. Это не

²⁵ Там же. С. 95.

²⁶ Копосов Н. Е. Как думают историки. М., 2001.

²⁷ Уваров П. Ю. Думают ли историки? А если думают, то зачем? Заметки о книге Н.Е. Копосова «Как думают историки» (М., 2001) // Одиссей. Человек в истории. М., 2003. С. 309.

²⁸ Там же. С. 324.

²⁹ Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000). М., 2007.

³⁰ Там же. С. 587-588.

значит, что ничего из того, о чем рассказывают историки, не происходило в действительности. Это значит, что происходившее в действительности становится историей лишь в той мере, в какой попадает в область разума и преобразуется в ней. Разум определенным образом полагает эмпирическую действительность, превращая ее в свое собственное произведение – в историю».³¹ Дальнейшее наше повествование как раз будет связано с тем, как в ходе определения разного рода рамок исследования (пространственных или территориальных) и самого процесса *писания истории* эмпирическая действительность превращается посредством сознания в историю.

I.2 Историческая и географическая локализация как проблема

XX век в гуманитарном познании был ознаменован рядом глубоких интеллектуальных кризисов, в том числе и идеи универсализма. Социальные катаклизмы, кризис идеи прогресса и ряд других не менее масштабных и сложных явлений дали импульс к развитию неклассических философских концепций. Все, что ранее рассматривалось как частное, случайное, а потому не существенное, оказалось в центре гуманитарного исследовательского интереса. Еще одной достаточно очевидной характеристикой современной эпохи является то, что глобализирующееся человеческое общество становится все более фрагментированным, что привело к появлению довольно парадоксального для «классического» мировоззрения неологизма – глокализация. Глобальный и локальный аспекты оказались равноправны в исследовательской востребованности. В данном контексте становится актуальным содержание понятий «локальность», «локальный объект» и их операциональные возможности в рамках исторического познания.

Историк С.И. Маловичко (один из руководителей центра «Новой локальной истории») замечает, что «сам вопрос о предмете и объекте локальной истории является не вполне прояснённым»³². Тем не менее, в том или ином виде акцент делается на пространственно-географическую составляющую. Но не только на нее. С.И. Маловичко отмечает, что «локальная история позволяет составить коллективную биографию локальной общности любого уровня от семьи до страны... Речь идёт о социальной

³¹ Копосов Н. Е. Указ. соч. С. 8.

³² Маловичко С. И. Современная историческая наука и изучение локальной истории. URL: <http://www.worldhist.ru/qual/fpk/TheorMethHist-04/ref/Malovichko>.

роли индивидуума, стереотипов поведения в социокультурном, бытовом, природно-географическом и геополитическом контекстах обживаемого им пространства. В то же время важной стороной исследования новой локальной истории является изучение истории изменения форм, структур и функций самого локального пространства в единстве вышеуказанных контекстов»³³.

Истоки локальности как объекта исторического исследования заключены в том, что «национальному тождеству, основанному на континуитете с прошлой мифологизированной историей, бросила вызов коллективная память локальных сообществ, не вписанных в эту национальную историю, но стремящихся выйти на глокальный уровень».³⁴ Это и привело к формированию так называемой «новой локальной истории», предмет которой – «это субъект исторического действия, не тождественный государству и его существованию как в историческом (собственно историческое знание), так и в коэксистенциальном (социокультурная или социолого-культурологическая составляющая) пространстве».³⁵

Таким образом, «локальность» может пониматься не только в территориальном, человеческом (индивидуальном) измерении, но и в темпоральном аспекте. Эта всесторонность, в известном смысле универсализм, может придавать локальному историческому объекту самостоятельный онтологический статус.

Однако наиболее привычным для нас является пространственный, или даже более определенно – территориальный, смысл термина «локальность». Тем более, что термин происходит от латинского «locus» – место. Территориальные (пространственные) рамки являются одним из наиболее важных параметров значительной части, а в имплицитном виде, пожалуй, всех исторических исследований. Можно выделить несколько уровней исторического пространства, становящегося предметом изучения. Современные исследователи И.М. Савельева и А.В. Полетаев выделяют четыре таковых: всемирная история, региональная, страновая и локальная.³⁶ Однако в конкретно-историческом контексте, как нам представляется, терри-

³³ Там же.

³⁴ Маловичко С. И. Глобальная (г)локализация и практика контекстуализма новой локальной истории // Национальные образы прошлого: Этническая доминанта в историографии и философии истории. Третьи Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2008. С. 144.

³⁵ Там же.

³⁶ Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. СПб., 2008. С. 175.

ториальные рамки (пространство) становятся самостоятельно действующими в трех масштабных единицах: страновая (национально-государственная), субстрановая (административно-территориальная единица, регион) и локальная (город, село, местность и т.п.). С одной стороны, определение территориальных рамок исследования выглядит довольно банальной, даже в чем-то рутинной операцией, относящейся, скорее, к «ритуальным» действиям (в первую очередь это касается диссертационных работ). С другой стороны, эта процедура тесно связана с корректным определением предмета (рамок) исследования и соответствующим набором исследовательского инструментария. В данном случае уместно обратить внимание на теоретико-методологическую составляющую указанных выше процедур. Как отмечает современный исследователь С. Каспэ, «способы производства интеллектуальных операций крайне редко становятся предметом авторской рефлексии и еще реже эксплицируются... Но ведь только такая рефлексия и экспликация сообщает той или иной науке статус *дисциплины*, то есть мысли строгой, подчиненной известным нормам и правилам...».³⁷

Обращаясь к смысловому анализу территориальных рамок (параметров) исторического исследования, в качестве ключевого понятия мы выделяем категорию «пространство». Применительно к исследованиям социальной сферы эта категория выступает, как мы уже отмечали в предыдущей главе, в качестве метафоры. Как только человеческое сознание в осмыслении или описании социальной реальности начинает использовать категории «вертикальности» и «горизонтальности», можно смело утверждать о переносе качеств физического пространства на общественное, то есть происходит своеобразное конституирование понятия социального пространства. Указанная выше процедура определения территориальных рамок в большей степени или, по крайней мере, первоначально связана с механизмом соединения или взаимодействия социального и физического (географического) пространств. «Историческое пространство мы понимаем, – считают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, – как взаимодействие социального пространства с географическим применительно к прошлому».³⁸ В зависимости от характеристик предметной области иссле-

³⁷ Каспэ С. И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М., 2007. С. 7-8.

³⁸ Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. СПб., 2008. С. 160.

дования формируется соответствующая модель данного взаимодействия: либо социальное пространство является доминирующей составляющей, а физическое (географическое) пространство выступает в качестве пассивного начала, испытывающего конструирующее воздействие первого, либо – наоборот. В значительной части работ западных и отечественных исследователей, посвященных анализу этих взаимодействий, «физическое пространство последовательно предстает как сравнительно пассивный объект социальных – и прежде всего властных, сакральных и политических – воздействий, как подлежащий и поддающийся обработке материал».³⁹ С другой стороны, как утверждает А.В. Ремнев, «не стоит подменять историю регионов историей народов, в них проживающих, стоит взглянуть на регион как на целостную социокультурную, экономическую и политико-административную систему».⁴⁰ Данный выбор определяет, на наш взгляд, конкретный характер территориальных границ исторического исследования – политические (административно-территориальные) или региональные. И вновь предмет исследования влияет на выбор конкретного типа территориальных границ. По мнению современного российского географа В.Л. Каганского, «страна и государство — онтологически разные образования, которые не могут состоять из одних и тех же частей... Страна – реальный («естественный», в некотором смысле) макрорегион культурного ландшафта, государство — институциональная конструкция, ее проекцией в пространство является государственная территория».⁴¹ Уточняет данную позицию утверждение екатеринбургского историка К.И. Зубкова: «Принято думать, что регион и классическое национальное государство соотносятся между собой как «часть» и «целое»... Чисто феноменологически это выглядит именно так, но только феноменологически... Поэтому исследования истории государства и истории региона лежат в разных аналитических проекциях и соотносятся с *разным бытийным наполнением исторического времени*».⁴² Тем самым можно выделить новые структурные оппозиции, характеризующие изучаемое историческое пространство. Это страна – регион и государство – административно-территориальная единица. В связи

³⁹ Каспэ С. И. Указ. соч. С. 41.

⁴⁰ Ремнев А. В. Региональные параметры и имперская «география власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab imperio*. 2000. № 3-4. С. 343-358.

⁴¹ Каганский В. Л. Страна как проблема. URL: [http://www.strana-oz.ru/print.php? type= article&id=285&numid=7](http://www.strana-oz.ru/print.php?type=article&id=285&numid=7).

⁴² Зубков К. И. Структурный метод в региональных исторических исследованиях// Историческая наука и историческое образование на рубеже XX-XXI столетий. Екатеринбург, 2000. С. 22.

с этим является возможным изучение тех или иных исторических явлений, к примеру, в рамках Тобольской губернии или Западной Сибири. Хотя «значительная часть понятийного аппарата современного регионоведческого дискурса связана с пространственными категориями», причем, «как правило, эти термины употребляются для описания процессов, разворачивающихся вне официальных, формальных границ государств».⁴³ Для этого есть вполне определенное методологическое обоснование, вновь идущее от «новой локальной истории»: «Новая локальная история – это «способ видеть» локальные и региональные объекты не в традиционных границах, а наблюдать связи, выходящие за административные, политические и культурные границы. В отличие от традиционного подхода к изучению местной истории, новая локальная история сама определяет объект своего изучения, так как он не задан ей заранее территориальными рамками».⁴⁴

В этой связи возникает еще один вопрос: происходит ли искажение исторической реальности в зависимости от избранных пространственных рамок? Думаем, что нет, и в данном случае вообще неприемлем такой подход. В зависимости от предметно-исследовательского конструкта территориальные рамки задают масштаб и характер взгляда на соответствующий фрагмент исторической реальности. В результате возникают разные образы этой реальности. Корректность устанавливаемых пространственных границ определяется, по нашему мнению, лишь смысловыми акцентами в формулировке предмета исторического исследования.

Выше мы не случайно использовали понятие «образ», ибо, как нам представляется, одной из наиболее эвристически плодотворных в исторической регионалистике (локалистике) может стать теория историко-географических и геоэкономических образов, активно развиваемая географом и культурологом Д.Н. Замятиным.⁴⁵ По его мнению, «мощность и структурированность конкретного геоэкономического образа, по существу, зависит от его историко-географического фундамента»,⁴⁶ то есть от возраста территории и ее места в генеалогическом древе территории. Д.Н. Замятин совершенно справедливо отмечает, что «сама специфика

⁴³ Макарычев А. С. Глобальное и локальное: меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием// Политическая наука. Пространство как фактор политических трансформаций. М., 2003. С. 8.

⁴⁴ Маловичко С. И. Указ. соч. С. 145.

⁴⁵ Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006.

⁴⁶ Замятин Д. Н. Историко-географические аспекты региональной политики и государственного управления в России// Регионоведение. 1999. № 1. С. 167.

освоения пространств России привела к слабой структурированности ее регионов и неоднозначности различного рода геоэкономических границ».⁴⁷ Именно вследствие этого в отечественной традиции принято оперировать такими неопределенными и семантически размытыми понятиями, как Зауралье, Забайкалье и т.п. «Нечеткость границ геоэкономических пространств способствует выделению своеобразных геоэкономических образов, которые выступают в данном случае как их устойчивые ядра».⁴⁸ Поэтому оказывается легче выявить основное ядро региона, чем определить его конкретные границы. Большая часть российских историко-географических областей осознаются как ярко выраженные ядра с весьма расплывчатой периферией – Прикамье, Приобье, Приамурье, Поволжье (территории вдоль соответствующей реки); Предуралье, Забайкалье, Зауралье, Закавказье, Приморье (территории, прилегающие к горам или крупным водным объектам) и т.п. Но где границы всех перечисленных территорий, где заканчивается Забайкалье и начинается Приамурье, оказывается, определить очень сложно. К примеру, историко-географические образы в большинстве европейских стран носят не относительный характер (отношение к какому-либо географическому объекту – реке, озеру, горам и т.п.), а абсолютный и вполне определенный содержательный характер, уходящий, порою, своими корнями в античность. Французы точно знают, где заканчивается Прованс, а где начинается Гасконь или Лангедок, причем современное административно-территориальное деление на департаменты не соответствует границам исторических областей Франции.

В этой связи весьма любопытна и поучительна история ойконима «Зауралье» (справедливости ради отметим, что настоящая подробная история его до сих пор не написана). Опишем лишь ее основные вехи. Сам термин, по некоторым данным, появился ориентировочно в начале XIX века и первоначально обозначал восточные сельскохозяйственные уезды Пермской губернии, в каком-то смысле выступая пространственно-смысловой оппозицией территории горнозаводского Урала. Однако ни в это время, ни значительно позже (на рубеже XIX-XX вв., в первой половине XX в.) он широкого распространения не получил. С большим трудом этот ойконим можно найти в литературе того времени. Своеобразный ре-

⁴⁷ Замятин Д. Н. Историко-географические аспекты региональной политики и государственного управления в России // Регионоведение. 1999. № 1. С. 167.

⁴⁸ Там же.

нессанс произошел во второй половине XX в. «Зауралье» оказалось «присвоено» Курганской областью, возникшей в 1943 г. Но действительно термин стал ассоциироваться с данной областью с 1990-х гг. Еще в советское время главная областная газета получило название «Советское Зауралье», также называлось и ведущее издательство. На рубеже 1950-60-х гг. курганский историк А.А. Кондрашенков вводит термин «Зауралье» в научные исторические тексты.⁴⁹ В новейшее время производные от этого наименования стали возникать повсеместно, приобретая институциональный статус. Главная информационная программа – «Вести Зауралья», газеты «Зауралье», «Зауральский курьер», издательство, Зауральский отдел Русского географического общества, курганский ЦУМ был переименован в «Зауральский торговый дом», многочисленные коммерческие организации – банк «Зауральский бизнес», «Зауралинвест» и т.д.

В настоящее время сложно сказать, какую роль в этом сыграли интеллектуальные сообщества, насколько целенаправленно и с какой степенью осознанности проходил процесс присвоения этого ойконима. Но именно с начала 1990-х гг. курганские историки начали целую серию исследований, в которых «Южное Зауралье» и «Зауралье» стали основными территориальными единицами научных изысканий.⁵⁰

В массовом сознании «Зауралье» практически совпадает с Курганской областью, территориальное содержание историко-географического района (региона) в данном случае тождественно административно-территориальной единице, границы которой всегда довольно условны и имеют особенность постоянно перекраиваться. В научных текстах, конечно, такого отождествления не происходило. В большинстве случаев территория региона описывалась лишь как частично или в основном совпадающая с современной Курганской областью. Но именно в этом постоянном упоминании границ современной области в исследованиях, посвященных истории XVII – начала XX в., когда этой административной единицы и в помине не было, ярко проявляется, скорее всего, обратное воз-

⁴⁹ Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII веках. Челябинск, 1966.

⁵⁰ Менщиков В. В., Павлуцких Г. Г., Никитин В. А. Заселение Южного Зауралья в XVII-XVIII вв. Курган, 1992; Менщиков В. В., Павлуцких Г. Г., Никитин В. А. Освоение Южного Зауралья в XVII-XVIII вв. Курган, 1993; Менщиков В. В., Павлуцких Г. Г., Никитин В. А. Социально-политическая история Южного Зауралья в XVII-XIX вв. Курган, 1994; Менщиков В. В. Русская колонизация Зауралья в XVII-XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган, 2004; Менщиков В. В., Кислицын В. А., Совков Д. М. Курганская область: Зауралье, Урал или Сибирь? // IV Зырянские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган, 2006.

действие установок массового сознания на научное, а в конечном итоге, презентистская (модернизаторская) трансформация исторического знания. Ибо современные территориальные рамки «опрокидываются» в прошлое, когда их не существовало, что создает сложно преодолимый соблазн подбора «нужного» фактического материала. Это своеобразный ретроспективный презентизм. Ведь если сегодня существует область с конкретными границами, то должно ведь что-то быть в прошлом, что являлось некоторым прообразом или истоками ее современного состояния. Вроде бы логично, но именно здесь кроется возможная интеллектуальная ловушка исторического обоснования идентичности, о которой пишет американский историк А. Мегилл, что «...формирующая идентичность история имеет дело только с тем, что она понимает как «нашу» идентичность»,⁵¹ а затем предупреждает о том, что в итоге создается ложное впечатление: «...поскольку история пошла именно по этому пути, мы склонны думать, что другого пути не было».⁵² Но в итоге теряется фундаментальный для истории разрыв между прошлым и настоящим, а задача историков помимо всего прочего «показать, что в прошлом содержится разнообразный набор альтернатив, неиспользованных возможностей, невыбранных путей».⁵³

Все вышесказанное, конечно же, не отменяет возможность использовать современные понятия (в том числе территориальные) при описании прошлого, когда этих понятий не существовало. Но их использование должно подчиняться строгим правилам. В частности, они (понятия) должны носить операциональный характер, и мы всегда должны помнить об опасности реификации, то есть придания онтологического (бытийного) статуса этим идеальным конструктам.

Становление исторической локалистики (локальной истории) тесно взаимосвязано с появлением так называемой микроистории, получившей развитие с 1970-х гг. Приведем слова известного французского историка Ж. Ревеля, посвященные этому направлению, довольно точно отражающие наши представления о различных пространственных контекстах в исторических исследованиях: «микроистория, вводя разнообразные и множественные контексты, постулирует, что каждый исторический актер участвует прямо или опосредованно в процессах разных масштабов и раз-

⁵¹ Мегилл А. Указ. соч. С. 447.

⁵² Там же. С. 449.

⁵³ Там же.

ных уровней, от самого локального до самого глобального и, следовательно, вписывается в их контекст. Здесь нет разрыва между локальной и глобальной историей и тем более их противопоставления друг другу. Обращение к опыту индивидуума, группы, территории как раз и позволяет уловить конкретный облик глобальной истории. Конкретный и специфический, ибо образ социальной реальности, представляемый микроисторическим подходом, это не есть уменьшенная, или частичная, или урезанная версия того, что дает макроисторический подход, – а есть другой образ».⁵⁴ В конечном итоге существует множество исторических пространств (глобальных и локальных), равноправных в своем объективированном статусе.

Методические рекомендации

Данная дисциплина рассматривается в течение двух семестров (1 и 2), в первом семестре магистранты сдают зачет, во втором – экзамен. Помимо лекций запланированы семинарские занятия, на которых рассматриваются основные проблемы курса. Удачная сдача зачета и экзамена возможна при внимательном изучении представленного текста, ответа на вопросы самоконтроля и изучение литературы. В данном пособии представлены лишь два основных пособия, однако для успешного освоения дисциплины необходимо использовать и другие работы, которые можно найти в списках литературы в представленных пособиях.

Основные понятия

Методологический переход, функции исторического познания, презентизм, историописание, локалистика.

Вопросы для самоконтроля

- 1 Причины методологического перехода.
- 2 Что такое *тематизация Другого*?
- 3 Что такое презентизм и архаизм в историческом познании?
- 4 Что такое глокализация?

Список литературы

- 1 Глебов А. Н., Коков А. И., Менщиков В. В. Конструирование юридического и исторического знания : монография. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. 94 с.
- 2 Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. СПб., 2008.

⁵⁴ Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального. URL: <http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Engl/R/RevelJ/index.html> или Одиссей: Человек в истории. М., 1996.

II АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Т.В. Козельчук

Изучение региональной истории в рамках магистерской программы неотделимо от разработки источниковедческих проблем. Их конкретное содержание обусловлено такими факторами, как степень вовлечённости в научный оборот тех или иных типов и видов источников, научные традиции местных исторических школ в области источниковедческих исследований, активность издательской деятельности архивных учреждений и пр. При этом актуальность всегда продиктована значимостью исторических источников в процессе познания прошлого. Источник как «реализованный продукт человеческой психики», «феномен культуры», «материальный носитель исторической информации» – единственно возможный путь познания прошлого. Отсюда происходит, в свою очередь, значимость источниковедения как науки, предлагающей особый метод – источниковедческий. Его назначение, кроме прочего, – обеспечить статус научности выводам учёного благодаря оценке подлинности и достоверности исторических свидетельств, сообщаемых источником. Поэтому изучение актуальных проблем источниковедения должно опираться на знание этапов источниковедческого исследования, умение применять источниковедческий метод на практике.

Источниковедческий метод и этапы источниковедческого исследования

Источниковедческий метод с практической точки зрения представляет собой систему исследовательских процедур, которые осуществляет учёный в процессе изучения источника. В современном источниковедении эти процедуры подразделяются на источниковедческий анализ и источниковедческий синтез.

В общих чертах этапы источниковедческого анализа (или этапы критики на примере письменных источников) выглядят следующим образом:

- изучение внешних особенностей источника (материал, средство письма, виды шрифта и пр., это позволяет решить вопрос о подлинности текста);

- изучение происхождения источника (датировка, локализация, проблема авторства, причины создания источника и др., что влияет как на подлинность, так и на содержательную полноту документа);
- интерпретация (выяснение смыслов текстов, вложенных самим автором, создание условий для понимания источника);
- работа с фактическим содержанием (выявление конкретных фактов разного рода: от имён, дат, названий населённых пунктов и т.п. до авторских оценок и суждений, проверка достоверности каждого факта в отдельности и мн. др.).

Источниковедческий анализ, подчеркнём ещё раз, решает как минимум две принципиальные исследовательские задачи: 1) проверка подлинности источника, 2) оценка степени достоверности его свидетельств.

Источниковедческий синтез как завершающий этап источниковедческого исследования предполагает обобщённую характеристику изучаемого памятника, в том числе осмысление его в ряду других документов, влияния на общество, судьбу отдельных личностей, оценки современников и т.п. В итоге делается вывод о возможностях использования данного источника в исторических исследованиях.

Классификация источников по истории Урала и Западной Сибири

Источниковедение Урала и Западной Сибири является неотъемлемой частью отечественной исторической науки и в этом качестве решает общие проблемные вопросы как прикладного, так и теоретико-методологического плана, но на региональных материалах. Во многом именно характер местных источников определяет актуальные проблемы источниковедения обозначенного региона, вследствие чего исследователь должен хорошо знать, что представляют собой эти источники.

К источникам по истории Урала и Западной Сибири применяются общепринятые в отечественной науке типовая и видовая классификации.

Согласно такому критерию, как способ кодирования информации, выделяют следующие крупные группы или *типы* источников:

- I) письменные;
- II) вещественные;
- III) изобразительные;
- IV) фонетические.

Учитывая разнообразие исторических свидетельств по истории Урала и Западной Сибири и перманентную эволюцию источников, целесообразно использовать более широкий вариант типовой классификации: к названным выше добавляются лингвистические, этнографические, кинодокументы.

Наиболее разработанной является видовая классификация письменных источников:

- летописи;
- законодательные документы;
- актовые источники;
- делопроизводственные документы;
- статистика;
- периодическая печать;
- публицистика;
- эго-документы;
- литературные памятники;
- научные тексты.

Универсальность представленной классификационной модели имеет свои пределы и не лишена недостатков. Так, документы политических партий, которые объединяют с публицистикой, включают в себя материалы делопроизводственного характера; некоторые акты средневекового периода неотделимы от законодательных источников, так как кроме закрепления договорных отношений в своё время они создавали новые правовые нормы; на страницах газет публикуются источники всех других видов. Таким образом, не все письменные источники в виду их комплексности (например, Окладная книга Сибири 1696-1697 гг. содержит географические, исторические описания, количественные данные о населении и размерах налогообложения и др.) легко классифицировать. Это порождает необходимость совершенствования принципов видовой классификации применительно к материалам местного происхождения, значит, представляет одну из актуальных проблем источниковедения Урала и Западной Сибири.

Классификация, являясь средством для познания сущности источника, имеет огромное прикладное значение, так как делает работу исследователя не только более удобной, но и более результативной. Грамотно

классифицировав источник, историк предварительно знакомится с его «плюсами» и «минусами», выбирает специальные и одновременно наиболее эффективные методы исследования.

Проблемы источниковедческого изучения сибирских летописей

Один из традиционных источников по истории рассматриваемого региона – это сибирские летописи. В источниковедении их принято относить к позднему летописанию, так как первые возникли предположительно в 20-40-е гг. XVII века и не содержали ряда признаков классических летописей; именно XVII век стал веком расцвета местного летописания, которое в дальнейшем начинает угасать, уступая место текстам, далеким от летописного жанра. Отсюда специфика содержания: главным сюжетом всех летописей является поход Ермака в Сибирь или, чуть шире, начало русского периода сибирской истории.

В качестве исторических источников в центре внимания исследователей находятся:

- *Кунгурская летопись* (другое название – Краткая Сибирская летопись; самая ранняя, одна из версий её датировки – конец XVI века; автор (авторы) неизвестен; возникла на основе устных казачьих преданий, свидетельств очевидцев; сохранилась в составе Ремезовской летописи);

- *Есиповская летопись* (написана в 30-е гг. XVII века, представляет официальную линию летописания; считается самой идеологизированной в освящении событий присоединения Сибири; большинством исследователей признаётся основой всего сибирского летописания: результатом редактирования её текста стали Румянцевская, Забелинская, Абрамовская летописи, Сибирский летописный свод как протограф использована Семёном Ремезовым);

- *Строгановская летопись* (написана в 30-40-х гг. XVII века в Сольвычегодске; относится к неофициальному летописанию; большинством специалистов отмечается литературность стиля);

- *Ремезовская летопись* (написана в конце XVII века, другое название – История Сибирская; отличается художественностью стиля; так же, как и Есиповская считается авторской летописью, относится к неофициальному летописанию).

Следует подчеркнуть, что наименование «летопись» используется условно, так как каждая из названных представляет собой комплекс летописных редакций и списков. Например, известны по три редакции Строгановской и Есиповской летописей, при этом летописные списки исчисляются десятками. Всё это определяет специфику источниковедческого изучения летописных памятников.

Наиболее важные аспекты источниковедческого изучения сибирских летописей заключаются в следующем:

1) *реконструкция генеалогии сибирских летописей*: определение соотношения известных на сегодня редакций и списков между собой, выявление протографов и т.п. Так, на сегодня не решен вопрос о статусе Румянцевской летописи, которая является либо сокращённой редакцией Есиповской летописи, либо, напротив, предшествующим кратким её вариантом; продолжаются дискуссии о том, какая летопись первична – Есиповская или Строгановская.

2) *комплекс вопросов, связанных с происхождением летописных текстов*: датировка каждого списка и каждой редакции, их атрибуция, выявление источников текста, целей и обстоятельств происхождения и др. Приведённые выше даты написания летописей не однозначны. Например, Строгановская летопись, возможно, написана позже Есиповской, только в 1668-1673 гг., следовательно, является от неё производной, что в корне меняет её источниковедческое значение.

3) *оценка достоверности летописных свидетельств*. Возможность использования в качестве исторических источников некоторых сибирских летописей до сих пор убедительно не доказана. Так, уже упоминаемая Строгановская летопись некоторыми отечественными учёными признавалась фальсифицированным источником из-за времени и обстоятельств происхождения. Существенным препятствием для доверия к летописным фактам является их тенденциозность, так как каждый автор-летописец преследовал вполне конкретные практические цели. Отсюда принципиальная важность изучения происхождения источника, без чего оценить степень достоверности не представляется возможным.

Разрешение выделенных проблем в конечном итоге поможет грамотно интерпретировать описываемые в летописях события и, учитывая критерий достоверности, определить их информационный потенциал, что позволит дополнить и уточнить принципиальные факты процесса завоева-

ния Сибири, например, роль Строгановых в покорении Сибири, число участников похода, обстоятельства гибели Ермака, детали русско-татарских отношений и др.

Характеристика основных видов письменных источников

Самым многочисленным и разнообразным по составу видом письменных источников являются делопроизводственные документы. В архивах Урала и Западной Сибири представлены все основные разновидности деловой документации местных учреждений: от приказной до министерской, от общей до специальной, включая церковную, судебно-следственную, банковскую, военную. Дозорные и ясачные книги, отписки и расспросные речи служилых людей, формуляры чиновников и посемейные списки, наказы и циркуляры, ведомости о доходах и расходах учреждений, ревизские сказки и окладные книги, журналы и протоколы заседаний, рапорты и прошения, доносы и показания свидетелей, брачные обыски и исповедные росписи, разного рода деловая переписка и многое другое дают богатый фактологический материал для изучения самых разных аспектов истории края – от истории госучреждений до истории повседневности. При этом информационный потенциал документа зависит от его разновидности, сферы возникновения и социальной функции, которую он был призван играть в делопроизводственной системе своего времени.

Материалы текущего приказного делопроизводства, возникшие в крупных населённых пунктах Урала и Сибири в конце XVI века, сосредоточены в настоящее время в центральных архивах страны (например, «портфели» Миллера в РГАДА) и гораздо лучше вовлечены в научный оборот, чем богатые архивные коллекции на местах. Поэтому одна из важнейших источниковедческих задач – это активное освоение архивных фондов исторических архивов регионов. Отложившиеся здесь делопроизводственные тексты позволяют изучать историю Урала и Сибири с начала XVII века (к примеру, самым ранним документом Тобольского архива является документ, датированный 1604 г.; в Пермском архиве – это грамота Лжедмитрия I от 1605 г.) до начала XXI века.

Для изучения социально-экономической истории Урала и Западной Сибири следует привлекать комплекс актовых источников, которые пред-

ставляют собой фиксацию договорных отношений широкого спектра. Это книги для записи сделок, договоров, в частности, духовных завещаний, записи купчих крепостей, доверенностей, закладных, отдельных актов, книги дарственных записей, записей актов на недвижимое имущество, страховые планы с описью и оценкой имущества, страховые полисы, объявления о страховании имущества. Актовые источники исследователь может найти не только в архивных фондах, но и на страницах местной периодики. Важным представляется исследование актов как массовых источников с использованием методов количественного анализа, без чего невозможно проследить масштабные социально-экономические процессы, выявить дополнительную скрытую информацию. Как отдельные документы акты по-прежнему сохраняют свою значимость для реконструкции истории семьи, хозяйственной деятельности населения, перераспределения собственности, генеалогических исследований и многого другого.

Разнообразные сюжеты истории Урала и Западной Сибири отразились в региональных повременных изданиях. Фиксируя сведения общероссийского значения и разнообразные детали повседневной жизни населения урало-сибирского региона, передавая оттенки общественных настроений и точку зрения властей, газеты и журналы сегодня являются достаточно интересным историческим источником. Особую информационную нишу занимают так называемые негизетные жанры периодики, то есть те материалы, для которых страницы периодического издания служат коммуникативным каналом: тексты постановлений местных властей, статистические показатели, рекламные объявления, репродукции картин художников, фельетоны, анекдоты, фотографии, стихи, карикатура и мн.др.

Несмотря на то, что периодика достаточно широко и давно используется в качестве источника, не все газетные и журнальные материалы востребованы в исторических реконструкциях; привлекаемые публикации не всегда подвергаются проверке достоверности, что и определяет задачи источниковедческого изучения повременных изданий.

Эффективное привлечение газет и журналов как источников возможно на основе воссоздания истории самих региональных изданий. Это напрямую связано с проблемой происхождения источника, так как необходимо знать время зарождения региональной периодики (например, первое периодическое издание Сибири – журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» – появилось благодаря типографии тобольского купца В. Кор-

нильева в конце XVIII века); годы выхода той или иной газеты в печать; имена издателей и редакторов, их взгляды; политическую ориентацию и цели конкретного издания (так, не трудно уловить идейную направленность газеты «Красный Курган»), статус газеты (официальные губернские ведомости или частная «Сибирская газета»); тематическую направленность (политическая и литературная газета «Екатеринбургская неделя», торгово-промышленная «Деловой корреспондент» или «Народная газета» Союза сибирских маслодельных артелей); наконец, адресность (журналы «Друг кооператора» и «Голос учительства», газета-однодневка «День служащих»). Именно так исследователь сможет правильно интерпретировать идеи, транслируемые авторами газетных публикаций.

Специального внимания источниковедов требуют документы личного происхождения. В отличие от делопроизводственных они не поступали в архивы регулярно, в лучшем случае сохранились в домашних коллекциях. Это особенно касается дневников и писем рядовых граждан, которые в связи с популяризацией истории повседневности, истории семьи, «истории снизу», становятся достаточно востребованными. Зачастую исследователи делают выводы на основе только одного-двух мемуарных произведений. В связи с этим необходимо выявлять эго-документы и формировать из них представительную источниковую базу.

Актуальной остаётся грамотная оценка такой сущностной черты документов личного происхождения, как субъективность. Современное источниковедение отходит от однозначно негативной характеристики субъективности эго-документов. Эмоции и чувства, высказываемые авторами, напротив, признаются сегодня полезными для изучения исторических процессов в регионе с точки зрения восприятия и переживания их населением. На воспоминаниях, записях личного характера, частных дневниках и эпистолярных источниках жителей Урала и Западной Сибири – очевидцев и современников событий местной истории – можно воссоздать образ жителя нашего региона. Кроме того, содержательно эго-документы выгодно дополняют данные официальных источников. Так, история политических репрессий в нашем крае будет неполной без воспоминаний и дневников самих репрессированных, их переписки с родственниками. Тем более официальная судебная документация, архивы спецслужб, статистические данные не лишены недостатков с точки зрения объективности и информационной полноты. Конечно, на одних эго-документах не

решить дискуссионные вопросы этой темы (допустим, количество репрессированных), но можно «увидеть» эти трагические события глазами очевидцев, значит, глубже понять многие общественные процессы.

По-своему история Урала и Западной Сибири отразилась в литературных памятниках – агиографических текстах, уральских сказках, романах и рассказах сибирских авторов, поэзии, крестьянской литературе и т.п. В широком смысле к этому виду можно отнести полемические сочинения раскольников, записки путешественников, литературу татарского, башкирского и других автохтонных народов, наконец, летописные повести, художественность которых является определяющим жанровым фактором. Многие из перечисленных разновидностей близки по жанру к фольклору (например, героические былины, сказки, казачьи предания), были записаны историками, путешественниками намного позднее своего бытования (например, в «Сибирской истории» С.У. Ремезова или собранные В.В. Радловым), возможно, подверглись редакторской правке. Несмотря на это, как и на характерное для таких текстов образное отражение действительности, историк не должен отказываться от использования литературных памятников как источников. Они сохранили много бытовых, географических реалий, мировоззренческих оттенков, лингвистических данных, этнографических подробностей. Вместе с тем, чтобы получить эту богатую информацию необходимо с помощью источниковедческого метода обосновать возможность использования этих материалов, в частности, интерпретировать, элиминировать сознательные искажения и т.п. Как исторические источники литературные тексты за исключением произведений начального периода истории урало-сибирского региона наименее востребованы, что ставит перед источниковедением задачу наглядно показать их полезность для исторических исследований.

Проблемы источниковедческого изучения неписанных источников

Традиционно для исторических исследований привлекается тип письменных источников. Однако неправильно считать другие источники второстепенными, менее информативными. Статус источника в научном исследовании независимо от типовой принадлежности обусловлен исключительно задачами самого исследования. Так, полноценно изучить мате-

риальную культуру региона невозможно без вещественных источников или дорусский период истории Сибири – без археологических памятников; некоторые сюжеты истории повседневности реконструируется преимущественно с помощью изобразительных источников; переживания простых людей по поводу того или иного события или, образно выражаясь, голос народа историк может почерпнуть из устных источников.

Несмотря на особенности, присущие каждому типу источников, можно выделить общие для каждого проблемы источниковедческого изучения неписьменных источников:

1) *видовая классификация каждого типа*. Так, вещественный тип объединяет самые разнообразные памятники: археологические находки, предметы мебели, одежды, архитектуру и многое другое. Изобразительные источники также разнообразны: картографические материалы, картины уральских и сибирских художников, карикатура и плакаты времён Гражданской войны, фотодокументы, рекламные объявления и др. Многие соединяют в себе признаки источников разной типовой принадлежности, например, открытки, карты, чертежи, реклама – изобразительных и письменных. Для решения обозначенной проблемы необходимо выявление и подробное источниковедческое описание каждого вида. Отсутствие систематизации источников внутри типа порождает трудности использования их как источников.

2) *подробная источниковедческая характеристика разновидностей внутри каждого вида*. Например, картографические источники представляют собой целый комплекс материалов – планы, схемы, чертежи, чертёжные описания, «росписи», разнообразные карты, в том числе рукописные. Каждый экземпляр по-своему изображает историческую действительность. Такое разнообразие и многочисленность (достаточно сказать, что только С.У. Ремезовым было составлено около 240 карт и чертежей, в дальнейшем количество карт только возрастает) породили дискуссию о том, стоит ли выделить комплекс картографических материалов в особый разряд источников, какой признак считать основным в их классификации (территориально-графический, образно-знаковый, хронологический и пр.). Совершенно иная группа изобразительных источников, также требующая особых подходов к классификации разновидностей, – это произведения искусства. Каждое, будь то скульптура, архитектура или живопись, объединяет разные по жанру и иным характеристикам творения. От жанра во

многим зависит и источниковедческая ценность. Так, в ряду архитектурных памятников, сохранившихся на территории Урала и Сибири, особую категорию представляют мемориальные сооружения, в частности, посвящённые Великой Отечественной войне. В свою очередь, они объединяют мемориальные доски, ансамбли, памятники, стелы, обелиски, памятные плиты. В комплексе мемориальные сооружения транслируют информацию широкого историко-культурного плана – эстетическую, этическую, научно-техническую, идеологическую. Задача источниковедов – понять границы информационного потенциала, другими словами, вклад каждой разновидности. Здесь историки сотрудничают с культурологами, искусствоведами, музейными работниками. Для решения второй проблемы также необходимо выявление и подробное источниковедческое описание, но уже каждой разновидности.

3) *разработка особых подходов источниковедческого анализа к каждому виду и разновидности.* Вполне объяснимо, что работа историка с бытовым предметом и картой, фотодокументом и устным свидетельством будет отличаться ввиду разных обстоятельств их происхождения, способов закрепления и передачи информации, социальных функций, выполняемых в прошлом. Так, при исследовании фотокинодокументов для проверки их подлинности используются методы лабораторного анализа (химический, спектральный). Источниковедческий анализ устных воспоминаний начинается уже на этапе их сбора, то есть беседы с респондентом, что порождает уникальную ситуацию, когда историк участвует в создании источника, с помощью своих коммуникативных качеств и психологического анализа проверяет достоверность такого свидетельства. Специальных подходов требуют фонодокументы, методика исследования которых на сегодняшний момент представляется слабо разработанной, что ограничивает использование их информационного потенциала.

Вещественные и изобразительные источники «проходят» все те же этапы источниковедческого исследования, которые применяются к письменным источникам. Так, особую важность имеет характеристика внешних особенностей источника: плохая сохранность (например, отсутствие фрагментов карты, размытость изображаемых объектов) или невозможность работать с оригиналом (так, «Хорографическая чертёжная книга Сибири» хранится в библиотеке Гарвардского университета, отечественным исследователям только с 2012 г. доступно её факсимильное издание)

затрудняет проверку подлинности и возможность извлечь максимум информации из источника. Исключение составляют устные источники, а именно воспоминания, анекдоты, народные песни, при анализе которых некорректно и, как правило, невозможно ставить вопрос о внешних особенностях источника.

Одно из главных отличий источниковедческого анализа неписьменных источников заключается в том, что появляется необходимость вербализации зафиксированной в таком источнике информации. Это требует от исследователя дополнительных усилий и определённых навыков. Специальной методики этой процедуры в настоящий момент не существует, хотя во многом от качества словесной характеристики неписьменного источника зависят масштабы его использования.

4) *оценка источниковедческого значения.* Это позволит более смело опираться на источники неписьменных типов в исторических исследованиях и, безусловно, поможет воссоздать более полноценную историческую картину Урала и Западной Сибири. Для этого необходима активизация источниковедческих исследований и соответственно публикаций их результатов, проведение источниковедческих конференций и т.п.

В источниковедческой оценке нуждаются и такие источники, которые уже введены в научный оборот, изучаются сравнительно давно, например, картографические материалы по истории Урала и Сибири. Уже доказано, что чертёжные книги С.У. Ремезова обладают колоссальным объёмом информации: отражают пространственные представления людей того времени, техническое развитие края, рост городов, этнический и социальный состав населения Урала и Сибири, протяжённость торговых путей, административно-территориальное деление, процессы хозяйственного освоения региона и мн. др. Вместе с тем из-за нерешённости ряда принципиальных моментов их эвристический потенциал до конца не раскрыт. Так, однозначно нельзя сказать, какими материалами при составлении карт пользовался С.У. Ремезов, каков был сам процесс создания картографического источника в то время, включая техническую сторону. Как измерялось расстояние между населёнными пунктами, верны ли были данные, которые картограф получал «пословно», как конкретно он применил составленные до него сибирские чертежи – просто копировал, вносил изменения, какие изменения? Проблема происхождения, таким образом, влияет на оценку достоверности и, в конечном итоге, на возможность ис-

пользования данных источника. Описанная ситуация вполне стандартна. Несмотря на это источниковедческое исследование должно быть нацелено на максимально возможное использование сведений источника.

Задачи источниковедения Урала и Западной Сибири

1) *расширение источниковой базы по региональной истории, в том числе за счёт вовлечения в научный оборот новых источников.* Речь идёт о более активном использовании в качестве полноценных исторических источников фотодокументов, поэзии, рекламы, эпистолярных источников, фольклора, различных вещественных памятников и др. Только минимум из названных сосредоточены в привычном для историка месте – архиве. Поэтому необходима целая эвристическая программа по поиску источников в музейных, частных коллекциях, семейных архивах, по созданию баз данных устных воспоминаний. При этом не стоит забывать про архивные документы, многие из которых ещё не стали предметом внимания историков (например, делопроизводственные документы 20-30-х гг. XX века, материалы фондов личного происхождения, некоторые рассекреченные документы, фономатериалы, статистика). Только благодаря использованию разных источников, каждый из которых по-своему отображает и воплощает действительность, можно сложить как мозаику картину прошлого. Выявление источников следует проводить после определения наименее разработанных тем, сюжетов региональной истории, к примеру, Первая мировая война, детская повседневность, интеллектуальная история, история политических репрессий в крае и др. Требуется также изучение фондов центральных архивов с целью максимального выявления в них свидетельств об Урале и Западной Сибири.

2) *совершенствование методов источниковедческого исследования и расширение информационного потенциала источников.* Применяемый сегодня в исторической науке алгоритм источниковедческого анализа не может учесть всех нюансов всех источников, что, в принципе, невозможно, имея в виду сложную, полисемантическую природу этого явления. Исторические источники одновременно уникальны и разнообразны, поэтому, например, достоверность официальных документов будет иной, чем достоверность устных воспоминаний или произведений искусства. То есть кроме применения обязательных процедур источниковедческого исследо-

вания к каждому источнику необходимы собственные подходы, что позволит, кроме прочего, повысить информационную отдачу изучаемых исторических свидетельств (о чём уже говорилось на примере неписанных источников).

Востребованными сегодня остаются междисциплинарные методы, например, методы описательной статистики (группировка, табличное и графическое представление текстовой информации, определение средних величин). Эти методы применимы к источникам массового характера – анкетам, заявлениям, прошениям, формулярным спискам, метрическим книгам и др. Таким путём выявляется скрытая информация источника, то есть та, которую (в отличие от косвенной) автор и не подразумевал включать в текст. Например, по метрическим книгам можно изучать брачно-возрастные особенности населения; по данным послужных списков чиновников – серьёзные социально-демографические процессы в обществе.

Наиболее сложной процедурой источниковедческого исследования является интерпретация, так как предполагает диалог с автором произведения, погружение в эпоху и т.п. Как расшифровать условные обозначения старых чертежей, правильно понять витиеватые мысли автора публицистического произведения, безошибочно перевести на современный язык устаревшие слова делопроизводственных и актовых документов XVII века, «прочитать» смыслы произведения искусства? Самое главное: как объяснить те или иные оценки и характеристики? Например, почему в фольклоре некоторых сибирских народов Ермак сначала был героем, а потом утратил этот образ, превратившись в хитрого, корыстного человека? Почему первые переписи местного населения возраст указывали приблизительно? Универсального метода интерпретации источников на сегодняшний день не существует; «техническая» сторона применяемого к нарративным текстам метода герменевтики детально не описана. К сожалению, исследователи не всегда серьёзно относятся к процедуре интерпретации, что существенно снижает научный потенциал их работ.

3) *изучение истории источниковедения в регионе и оценка его современного состояния.* Эта задача включает в себя описание процесса вовлечения различных источников в исследования по мере становления исторической науки в крае; характеристику опыта, накопленного местными историками по работе с источниками; оценку вклада в изучение источников и региональной истории отдельных учёных (Ю. Крижанича, И.Г. Гмелина,

П.С. Палласа, И.П. Фалька, А.Н. Зырянова и мн. др.); определение источниковедческого значения и достоверности трудов первых исследователей Урала и Сибири: на какие источники они, в свою очередь, опирались, в каких оценках заблуждались, насколько полно описали те или иные исторические факты и т.п.

Проблемы современного источниковедения обусловлены не только тем, как раньше изучались источники, как создавались исторические труды, но и как сохранялись источники. Например, как известно, в советское время архивы комплектовались преимущественно делопроизводственной документацией госучреждений, что привело к диспропорции источников в ущерб документам личного происхождения; собрание музеями и архивами эго-документов проходило односторонне: это были свидетельства лишь большевиков и людей, лояльных режиму; публикуемые на страницах печатных изданий письма граждан тщательно отбирались. Значит, необходимо осмысление процесса формирования источниковой базы региона, что позволит не только выявить необходимые источники, но и грамотнее оценить достоверность и полноту их сообщений.

Одним из условий развития источниковедения Урала Западной Сибири является обеспечение сотрудничества между историческими кафедрами вузов нашего региона, равно как и между учебными заведениями и архивными, музейными учреждениями в рамках активизации источниковедческих исследований и обеспечения доступа к источникам по истории края. Знакомство с современными источниковедческими исследованиями историков уральских и сибирских вузов, их достижениями поможет не только получить полезный опыт, но и оценить уровень развития источниковедения в нашем регионе, понять существующие проблемы, наметить перспективы его развития.

Методические рекомендации

Изучение настоящего спецкурса не представляется возможным без понимания значения источниковедения в системе исторических наук и источника в процессе исторического познания, знания классификации источников, этапов источниковедческого исследования, системы архивных учреждений Урала и Западной Сибири, владения источниковедческим методом, основами архивной эвристики. Для полноценного изучения спецкурса магистрантам рекомендуется ознакомиться с Интернет-публикациями источников по региональной истории, онлайн-выставками

документов на официальных сайтах местных архивных учреждений, печатными сборниками документов, путеводителями архивов.

Основные понятия

Источниковедческий метод, архивная эвристика, источниковедческий анализ, источниковедческий синтез, типовая и видовая классификация источников.

Вопросы для самоконтроля

- 1 Назовите этапы источниковедческого анализа.
- 2 Каковы основные типы источников по истории Урала и Западной Сибири? Назовите основание типовой классификации.
- 3 Назовите виды письменных источников, приведите конкретные примеры источников по региональной истории.
- 4 Каковы источниковедческие особенности сибирских летописей?
- 5 В чём состоят проблемы источниковедческого изучения сибирских летописей?
- 6 Покажите и проиллюстрируйте примерами информационный потенциал письменных источников по истории края.
- 7 Сформулируйте проблемы и особенности изучения письменных источников по истории Урала и Западной Сибири разных видов.
- 8 Какую роль в изучении неписьменных источников играет классификация?
- 9 Объясните, в чём заключаются проблемы источниковедческого изучения неписьменных источников.
- 10 Определите информационный потенциал вещественных памятников в изучении истории Урала и Западной Сибири.
- 11 Сформулируйте проблемы источниковедческого изучения картографических источников.
- 12 Каковы особенности источниковедческого изучения устных источников?
- 13 Как вы поняли такую задачу источниковедения Урала и Сибири, как расширение источниковой базы?
- 14 Проиллюстрируйте на примерах конкретных источников значимость совершенствования методов источниковедческого исследования.
- 15 Почему оценка уровня развития регионального источниковедения на современном этапе представляется актуальной?

Список литературы

- 1 Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Л., 1960. Вып. 1 : XVII в. 184 с.
- 2 Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. 212 с.
- 3 Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. 258 с.
- 4 Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов – сибирский картограф и географ. 1642 – после 1720 гг. М. : Наука, 1965. 263 с.
- 5 Дергачева-Скоп Е. И. Генеалогия сибирского летописания: Концепция, материалы. Новосибирск, 2000. 94 с.
- 6 Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учебное пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М. : РГГУ, 2004. 701 с.
- 7 Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории : коллективная монография / под ред. Я. Г. Солодкина. Нижневартовск, 2012. Ч.7. 290 с.
- 8 Миненко Н. А. Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX вв. Новосибирск, 1981. 91 с.
- 9 Ромодановская Е. К. Избранные труды: Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. 391 с.

III ТЮРКО-ТАТАРСКИЕ ГОСУДАРСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябинина

В 1207 году начался процесс вхождение юга Западной Сибири в состав Улуса Джучи как части Монгольской империи, а около 1242 года большая часть этих территорий оказалась разделена между потомками Джучи (старшего сына Чингисхана) Орду-Иченом и Шибаном. Если потомки первого фактически не оказали никакого влияния на историю юга Западной Сибири, то потомки второго на протяжении XV-XVI века распространили свою власть на значительные сибирские территории и основали здесь два крупных позднесредневековых государства. Выход Шибанидов на международную арену начался в период так называемой «Великой Замятни» (кризиса в Золотой Орде в 1360-1370-х гг.) и по мере роста их влияния в международной политике постордынского мира способствовал становлению первого тюрко-татарского государства на юге Западной Сибири.

К сожалению, источники не сохранили для нас самоназвание этого государства. По отдельным оговоркам в русских летописях можно предположить, что в Московии его называли «Тюмень». Под этим понимали не только название города, но и саму Тюменскую землю, где под «землей» имеется в виду независимое государство (юрт, ханство). В имеющейся дипломатической переписке титул местных правителей также практически неизвестен, хотя хан Ибрахим, при котором Тюменский юрт достиг своего расцвета, часто именуется «Ногайским царем» или «Шибанским царем». Лишь с воцарением на престоле около 1563 года племянника Ибрахима Муртазы и его сыновей Ахмед-Гирея и Кучума за государством в летописях закрепляется название «Сибирское царство». Это отражалось в использовании по отношению к Кучуму и его сыну Алею в русской дипломатической переписке титула «сибирский царь». Хотя в письме в Москву от Хан-мирзы, сына Уруса, в 1578 году сохранилось титулование Кучума «тюменским и сибирским» ханом, что, видимо, отражает двухсоставной характер владений. При этом «Тюмень» ставилась на первое место, что подчеркивало и ее главенствующий статус. Кстати, на европейских чер-

тежах и картах Московии и Татарии XVI века в качестве города и отдельного юрта отмечены чаще «Тumen» и несколько реже «Sibe(y)r», что также отражает представление о наличии здесь двух земель. При этом Д.М. Исхаков верно обратил внимание на то, что в письме 1597 г. русско-го царя Федора Ивановича хану Кучуму говорится: «... после деда твоего Ибака царя были на Сибирском государстве князи Тайбугина роду...». Исходя из этого, Тюменский и Сибирский юрт уже в конце XVI века дьяками Посольского приказа рассматривались как единое государство. Таким образом, наиболее часто используемыми названиями в более раннее время был Тюменский и позднее Сибирский юрт (земля), которые наследовала «области Сибирь-Ибирь» золотоордынского времени.

При наличии лишь косвенных данных резонно в исследовательской литературе называть расположенные приблизительно на одной территории наследственные владения Сибирских Шибанидов по названию столиц. С 1430 г. по первую четверть XV века это была Чимги-Тура (Тюмень), а затем после смутного времени, связанного с правлением беков из династии Тайбугидов и уходом Шибанидов в степную зону, новая столица юрта с 1563 по 1582 гг. была поставлена в Искере (Сибири, Кашлыке). Таким образом, по формальному критерию можно разделить историю татарской государственности в западной Сибири на два периода. К первому отнести собственно Тюменский / Туринский юрт (ханство, земля), а ко второму – Сибирский юрт (ханство), история которого однако не заканчивается после потери столицы, а продолжается вплоть до пленения сибирского царя Алея русскими около 1608 г., где за ним вплоть до его смерти в 1649 сохранялся титул «Сибирского царя». Лишь в одном источнике указывается на то, что сибирским ханом в 1616 году мог быть и его младший брат Ишим. Сохранение титула при потере столицы отчасти связано с тем, что Шибаниды, как и значительная часть их подданных, вели кочевой образ жизни, который оставался символом престижа и социального статуса. Столица при этом могла быть лишь административным и налоговым центром с постоянным государственным аппаратом. В то время как собственно ханская ставка подкочевывала к ней лишь на время зимовки, что схоже с образом жизни ордынских ханов XIII-XIV вв.

Шибаниды во второй половине XIV – начале XV в.: роль в политике Улуса Джучи и борьба за его наследие

В ходе «Великой Замятни» положение Шибанидов, которые ранее выступали как лояльные правящему клану Батуидов полководцы, изменилось. Привлечение именно их на сарайский престол в условиях дезинтеграции государства вполне понятно с учетом длительной лояльности представителей этой семьи к ордынским династам и наличия у них значительных военных сил. Прекращение династии Батуидов (или потеря ими харизмы), связанное с их отрицательными личными качествами или недостойными деяниями, позволило потомкам Шибана вместе с потомками Орды-Ичена и Тука-Тимура принять участие в борьбе за сарайский престол. Обращает на себя внимание, что в ней участвовали в основном представители старших кланов династии: потомки брата Бахадура Кадака (Хизр и его сын Кара-Ходжа) и дети Минг-Тимура (один из его старших сыновей Ильбек и его младший сын Каанбай, младший сын Беккондиоглана, основателя династии Сибирских Шибанидов, Хасан), а также сам Пулад и его младший сын Араб-шах. По имеющимся данным, большинство из них владели престолом в Сарае ал-Джедид или Гюлистане в Поволжье, что подтверждается чеканкой там монет с их именами, хотя известны монеты Ильбека чекана Сарайчика. События Замятни выдвинули на первое место не только самого наследника престола, но и массу его родственников, что заложило основу для раскола между потомками Минг-Тимура и появления нескольких будущих династий. Еще В.В. Бартольд предполагал, что в условиях разложения династии прежние родовые связи трансформируются в территориальные. Так, например, по данным Абулгази, уже сыновья Пулада Ибрахим и Арабшах, «разделив отцевы владения, вместе с одной земле и кочевали и имели свои станы; лето проживая при вершине Яика, а зиму при устье Сыра». В целом маршрут их кочевания укладывается во владения Шибана, но при этом они имели отдельные «станы», что не характерно для предшествующих Шибанидов.

На данный момент не до конца прояснен вопрос о том, принимали ли участие в борьбе за Поволжье династы, проигравшие в собственном улусе, либо же, напротив, это были формальные лидеры кланов, что позволяло им опереться на объединенные военные отряды. По всей видимости, в каждом отдельном случае ситуация должна быть рассмотрена диф-

ференцировано. Представляется, что для этого и последующих периодов вполне верно наблюдение В.В. Бартольда: «Менее всего затронутые городской культурой, потомки Шибана остались более всего верны воинственным традициям кочевников и потому могли выступать в роли завоевателей в такое время, когда могущество династии Чингис-хана почти везде находилось в полном упадке»⁵⁵. Именно в 1375 году впервые на карте Каталонского атласа появляется упоминание о Чинги-туре («Singuï») (в тюркских источниках встречается только написание Чимги-Тура) как центре Тюменского (Туринского) вилайета. Если это указание верно, то можно констатировать, что в период Великой Замятни на северо-восточной периферии владений Шибанидов, расколотых к этому времени на владения отдельных кланов, существовала особая территориально-административная единица, в рамках которой Чимги-тура была административным центром. Точное название этого вилайета по источникам неизвестно, и скорее всего Чимги-тура была центром Сибирской земли, как это видно из информации летописи об убийстве Тохтамыша («в Сибирской земли близ Тюмени»). По всей видимости, это название идентично «области Сибирь и Ибирь» в сообщениях аль-Омари, арабского ученого, описывающего границы Улуса Джучи периода правления хана Узбека.

Обратим внимание, что венгерский монах Иоганка, который был в Приуралье в 1320-х гг., упоминал татар из Сибири, которые выполняли функции судей, то есть, возможно, были ордынскими наместниками. Резонно предположить, что расположенный на крайней северной периферии ордынского пространства город должен был контролировать обширные лесные пространства как «сокровищницу пушной рухляди». При этом представители Чингизидов (в том числе, возможно, потомки Шибана), ведя кочевой образ жизни, сами не сидели в этом городе, а управляли северной периферией через наместников из числа клановой аристократии. Скорее всего эти земли непосредственно не входили в состав владений Шибана и его потомков. В условиях распада единого политического и административного пространства Золотой Орды в конце XIV – начале XV в. контроль над этим центром мог перейти к тем кланам, из числа которых ранее и назначались хакимы (судьи и наместники).

⁵⁵ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Азии // Сочинения. М.: Наука, 1968. Т.V. С.135.

С появлением в качестве претендента Тохтамыша значительная часть Шибанидов поддержала его претензии, что, возможно, связано с определенными взаимоотношениями представителей этой династии с «хан-оглы» из Тука-Тимуридов. Изначально он обратился за помощью к старшему в роду Каан-баю б. Иль-беку, что подчеркивает сохранение представлений о старшинстве в роду и возможное существование единых клановых интересов. При этом можно отчасти согласиться с В.П. Костюковым в том, что «вследствие чрезвычайной разветвленности родов Шибана и Тука-Тимура, мозаичного расположения владений огланов одного линиджа, несовпадения актуальных интересов различных его ответвлений и других причин вряд ли есть большие основания оценивать Шибанидов и Тукатимуридов как сплоченные кланы, способные мобилизовать все силы и средства для продвижения своего кандидата на сарайский престол. Понятия клановой общности и клановой солидарности, разумеется, существовали, но не исключали ни ожесточенной внутриклановой борьбы, ни альянсов с группировками из другого клана»⁵⁶.

Лишь после отказа Каан-бая Тохтамыш получил помощь от сына Пулада Араб-шаха, который сам до этого претендовал на золотоордынский престол и разгромил московско-нижегородское войско в битве на р. Пьяне 2 августа 1377 года. Араб-шах стал правителем правого крыла, то есть фактически возглавил всех Шибанидов. Утемиш-хаджи об этом пишет: «[Тохтамыш-хан] много оказал разных милостей и сделал пожалований Араб-оглану и повелел: “Да соберется к тебе весь народ, принадлежавший Шайбан-хану, и где бы ни находился раб, бежавший от своего хозяина, и эль, бежавший от йасака...”». В составе военной элиты при Тохтамыше периода его борьбы с Тамерланом также были один из старших сыновей Минг-Тимура Джанта, не имевший наследников, старший сын Ильбека Ильяс и старший сын Бекконди Али. Таким образом, в окружении Тохтамыша оказались представители ряда ответвлений Шибанидов. Их владения, в том числе Притоболье, могли быть использованы в качестве резерва для накопления сил новой коалицией. При этом часть столкновений между войсками Тохтамыша и Тимура произошли именно на территории владений Шибанидов, что косвенно могло повлиять на их

⁵⁶ Костюков В. П. Шибаниды и Тукатимуриды во второй половине XIV века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009-б. № 28. Серия «История». Вып.34. С.42-43.

перемещение к северу и западу и занятие не востребованных территорий Западной Сибири. Недаром после поражения на Ворскле и Тохтамыш отступает в Сибирь, где он и был убит «в Сибирской земли близ Тюмени» в 1406 году ставленником мангытского бека Эдигея, ханом Шадибеком. По всей видимости, сосуществование на территории Сибири уделов Шибанидов и Тука-Тимуридов в лице Тохтамыша неминуемо вело к столкновениям и разочарованию первых в своем «протезе». Несмотря на стремление к контролю над этими землями, что скорее всего связано с заинтересованностью в пушной торговле, у нас нет точной информации о проникновении Шибанидов в Прииртышье в это время. В период войн между Тохтамышем и Тамерланом во владениях Шибанидов располагаются бегущие от «железного хромца» племена из Средней Азии, в том числе аялынды. Важным фактором могло быть появление во владениях Шибанидов значительного числа племен левого крыла во главе с мангытским беком Эдигеем, который, по мнению В.В. Трепавлова, в середине 1390-х гг. кочевал со своим эдем в междуречье Яика и Эмбы. По сути, эти кочевники пополнили людские ресурсы во владениях Шибанидов.

Поражение Тохтамыша и разочарование в нем Шибанидов стало важным фактором борьбы внутри самой династии, в том числе нарушением прямого наследования. В 1420-1430-е гг. уже в новых условиях постепенного распада Золотой Орды в борьбе в бывших владениях Шибана приняли участие Хаджи-Мухаммед (младший сын Али б. Бекконди), Джумадук (потомок четвертого сына Минг-Тимура Суйунч-Тимура), Махмуд-Ходжа (единственный сын Каан-бая), Абу-л-Хайр (потомок старшего сына Пулада Ибрахима), Мустафа (потомок третьего сына Джочи-Буки) и ряд других. Все эти правители в источниках упоминаются с титулом хана, что свидетельствует в пользу окончательного раскола когда-то единого «улуса Шибана» на конкретные клановые или семейные владения, в большинстве своем принадлежащие потомкам Минг-Тимура. При этом, возможно, существовало представление о формальном старшинстве в роду, поскольку источники позволяют утверждать, что лишь со смертью (а чаще убийством) действующего хана титул переходил к следующему претенденту. Очевидно, что сильно увеличившийся род Шибанидов уже не имел единых интересов, и отдельные династии отстаивали, прежде всего, приоритеты собственных семей и поддерживающих их племенных лидеров, что и приводило к периодическим заговорам и военным столкновениям.

ям. В этих условиях значительное влияние в вопросах престолонаследия оказывает не только принадлежность к Золотому роду, но и личные качества претендентов, обеспечивающие поддержку беков, руководивших племенами и участвующих в процедуре утверждения хана на курултае. Увеличение роли племенной элиты в утверждении хана уже ясно видно на примере прихода к власти Абу-л-Хайра и, скорее всего, сохранялось в последующие десятилетия. Изменение самой структуры передачи власти, в том числе с использованием выборных процедур на курултае, также привело к отказу от принципа прямого наследования. Во многом это отражало увеличивающуюся зависимость династов от поддержки племенной верхушки, не только обеспечивающих ханов войсками, но и ожидающих ответных подарков и доли в военной добыче. Недаром после каждой битвы, выигранной Абу-л-Хайром, подчеркивается, что он «отличил и возвысил» султанов и эмиров «вещами, поясом и высокими должностями». По всей видимости, кочевая аристократия стремилась восстановить ряд политических институтов начального периода существования Монгольской империи и Улуса Джучи.

Среди династов первых тридцати лет XV века наибольшую активность проявляли Хаджи-Мухаммед и Махмуд-Ходжа, деятельность которых необходимо четко разделять, хотя в историографии еще со времени работы М.Г. Сафаргалиева говорится о них как об одном хане, что не соответствует действительности. Нельзя не отметить, что с этого времени значительную роль в деятельности Шибанидов играет поддержка ногайского лидера бека Эдигея, а затем и его потомков. Еще в 1412-1413 году он вместе с очередным ставленником Чекре из Тука-Тимуридов совершил поход в Сибирь. Современник и участник этого похода Иоганн Шильтбергер не упоминает о военных столкновениях, а напротив, указывает, что наместник Сибири (должность, возможно, аналогичная судьям более раннего или хакимам более позднего времени, сидевшим в Чимги-Туре) прислал подарки. По всей видимости, этот поход был связан с интронизацией очередного династа и получением поддержки или лояльности от правителей отдельных улусов. Обращает на себя внимание то, что «после покорения Сибири Едигей и Чакра вступили в Булгарию, которая ими также была завоевана». С этого времени сибирские и болгарские владения очень часто будут упоминаться в едином контексте, что отражало их тесные политические и экономические связи в XV веке. Возможно, что это связано

не только с политическим наследием основателя династии Шибана, участвовавшего в завоевании Волжской Булгарии, но и с пребыванием в Сибирской земле Тохтамыша. Последний назван на так называемом «камне Тимура», датированном 1391 г., «булгарским ханом».

В ходе столкновений Эдигея с ханом Кадыр-Берди на реке Илек, притоке Яика, первый около 1420 года позвал к себе Хаджи-Мухаммедоглана, сделав того предводителем войска. Данное приглашение было спровоцировано тем, что манггытский лидер постоянно имел при себе «марионеточных» ханов. Только новый Чингизид мог легитимизировать его борьбу с ханом из потомков Тохтамыша. Все это, на наш взгляд, и фиксируется в обещанном Эдигеем провозглашении Хаджи-Мухаммеда ханом. Обращение именно к нему могло быть связано с тем, что брат и сподвижник Эдигея Иса, будучи беклярибеком при Тохтамыше, участвовал в сражениях вместе с отцом оглана Али. Далее Кадыр Али-бек пишет, что после гибели бека в битве его сын Мансур около 1421 г. провозгласил Хаджи-Мухаммеда ханом, а сам стал при нем беком. Данная схема распределения полномочий использовалась неоднократно наследниками этого хана в отношении с ногаями / мангытами и однозначно фиксируется для его внуков Ибака и Мамука.

После смерти Эдигея основная борьба развернулась между Бараком и новым ханом по имени Мухаммед, которого поддерживал Мансур. Под этим Мухаммедом мы склонны видеть именно Хаджи-Мухаммеда. Ал-Айни указывал, если обобщить его сообщение, что в период между 1421-1425 гг. «была великая неурядица... одержало там верх несколько лиц из рода ханского... каждый из них правил своим краем». Это сообщение говорит о том, что Хаджи-Мухаммед на самом деле мог рассматриваться как золотоордынский хан, продолжающий традицию борьбы Шибанидов за ордынский престол. Причем Кадыр Али-бек пишет о том, что в ходе встречи между Эдигеем и Хаджи-Мухаммедом последний сказал: «Я иду в народ куральский», что схоже с названием «области Корел», отданной во владения Шибана Бату. Данный народ (и область) могут интерпретироваться не только как некие европейские владения (например, в восточных источниках «вилайетом Корал» называют, видимо, Польско-Литовское государство или «немецкий курал»), которые явно были в это время недостижимы для Шибанидов, но и как Булгарский вилайет. По мнению И.А. Мустакимова, «после пресечения династии Бату г.Булгар и Булгар-

ский удел... считались общеджучидским достоянием»⁵⁷, которое могло рассматриваться в качестве Золотого, то есть царского, престола. Этим также мог быть обусловлен интерес Шибанидов как к этим владениям, так и позднее к трону Казанского ханства.

Скорее всего, к этому периоду жизни хана относится и сообщение Утемиш-хаджи, на которое обратили внимание А.-З. Валиди-Тоган и Д.М. Исхаков. Этот автор называет Хаджи-Мухаммед б. Али «великим падишахом», который захватил земли башкир, Алатырь, мокши, а также Булгар, то есть к западу от Урала (башкиры, казанские татары) и Волги (мордва и чуваша). В его время у башкир и в Туре появляются ногайские кочевья. Это вполне объяснимо договором Хаджи-Мухаммеда с Эдигеем и затем с его сыном Мансуром. Однако к владениям этого хана источники не причисляют саму Туру. Дальнейшее обострение борьбы с ханом Бараком связано с его поражением от Улуг-Мухаммеда и последовавшим отступлением на восток. Около 1426-1427 гг. хан Хаджи-Мухаммед и Мансур были убиты Баракком.

В 1428/9 году братья Мансура Гази и Науруз убили Барака. После этих событий в степи появляется новый шибанидский династ Махмуд-Ходжа, который, возможно, попытался вмешаться в борьбу за престол, что привело к его монетной эмиссии в Булгаре и Среднем Поволжье. В этом отношении политика Махмуд-Ходжи продолжала политику предшествующих Шибанидов. Однако отстаивать свои интересы в Поволжье ему не удалось, и в результате этого он и оказался на юге Западной Сибири, между Ишимом и Тоболом. Связь Махмуд-Ходжи с Западной Сибирью тем более хорошо заметна, если вспомнить, где находился юрт его отца Каанбая. Утемиш-хаджи писал, что в начале борьбы за Сарай Тохтамыш обратился за помощью к Каан-баю, кочевья которого находились в местности «Кокедей-Йисбуга». Она скорее всего находилась в Западной Сибири или Северном Казахстане. А.-З. Валиди-Тогана по данным Утемиша-хаджи также указывает, что Махмуд-Ходжа совместно с родами Туринского вилайета воевал с кунгратами и салджиутами. После победы над ними хан «объединил вокруг себя всю страну», то есть скорее всего северную периферию улуса Шибана (возможно, что это был именно Тюменский вилайет).

⁵⁷ Мустакимов И. Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографических источников // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. № 1. С.142-157.

Шибанидским лидером в степной зоне был еще один представитель этой династии – хан Джумадук, который, возможно, был ставленником Гази-бия, сына Эдигея. Около 1429 года бии буркутов, мангытов и нукусов, до этого убившие Гази и занявшие его место при дворе Джумадука, подняли восстание и против самого хана, в ходе которого он был разгромлен и убит. Возможно, лидером восставших был шестнадцатилетний племянник хана Абу-л-Хайр. В результате этого в марте-апреле 1430 г. Абу-л-Хайр на курултае кочевой аристократии был провозглашен новым ханом. В период лета-осени 1430 года войска хана отправились на Чимги-туру, центр Туринского вилайета. Статус этого города в сибирских владениях Шибанидов predetermined выбор его в качестве «местопребывания трона государства и средоточия божьей помощи». Хаким города, буркут Ададбек, и его родственник Кибек-Ходжа-бий «со всеми эмирами, вождями и прочими военачальниками» открыли ворота города и уступили власть хану. В дальнейшем представители буркутов занимают одно из первых мест в перечнях соратников хана. Кроме того, союз был скреплен брачным договором, поскольку первая жена Абу-л-Хайра, от которой родились Шах-Будаг-султан и Ходжа-Мухаммед, также была из буркутов.

Тюменское ханство в системе международных отношений XV века

На данный момент письменные источники свидетельствуют, что именно Абу-л-Хайра был первым шибанидским ханом, севшим на престол г. Чимги-Тура. Именно он сделал данный город «местопребывания трона государства и средоточия божьей помощи», в отличие от своих предшественников, которые, видимо, в качестве такового рассматривали болгарский престол. Можно предположить, что с этого события земли бывшего вилайета становятся основой для формирования Тюменского юрта (ханства в русскоязычной литературе), то есть начинается новый этап истории татарской государственности Западной Сибири.

Деятельность первого тюменского хана Абу-л-Хайра началась с разгрома войск его соперника хана Махмуд-Ходжи в битве на р.Тобол весной-летом 1431 г. Владения этого хана, казненного после битвы вместе с одним из сыновей, были непосредственно связаны с западносибирской лесостепью. Ш. Марджани писал о том, что после убийства Махмул-Ходжи Абу-л-Хайр «стал единовластным правителем Дешт-и Кипчака», которо-

му платили ясак как жители Жанги (Чинги)-Туры, так и Булгара, где последним ханом из Шибанидов и был Махмуд-Ходжа. Согласно Фасиху Хавафи и Самарканди, поход узбеков во главе с новым ханом на Хорезм надо датировать 839 г.х. (27.07.1435-15.07.1436). Перечень участников похода показывает, что были собраны все основные силы узбекских племен. Это привело к взятию города. Однако по таким причинам, как «гнилость воздуха Хорезма» (по Кухистани, возможность «чумы и бедствия жары») и приближение многочисленного войска правителя Самарканда и Хорасана Шахруха, наследника Тамерлана, Хорезм был покинут. При этом в «Таварих-и гузида Нусрат-наме» есть упоминание о том, что в возрасте 24 лет (840 г.х. / 16.07.1436-5.07.1437), то есть на следующий год после похода, узбекский хан получил от Шахруха «в удел Хорезм и создал свое государство в Дашт-и Кыпчаке».

Мирное сосуществование с соседями устраивало не всех представителей степной элиты, которая получала от активных внешних завоеваний значительную часть военной добычи. Под 844 г.х. (2.06.1440-6.06.1441) Самарканди сообщает о новом нападении узбекского войска, но при этом указывает: «...временами некоторые из войска узбекского, сделавшись казаклами...», то есть нападение не было совершено собственно ханским войском, что свидетельствует в пользу роста сепаратизма. По всей видимости, одним из новых лидеров на севере степей стал хан Мустафа, далекий потомок внука Шибана Джучи-Буки, владения которого находились на Ат-Басаре, притоке Ишима. Он сумел получить поддержку мангытского бия Ваккаса. Войско Мустафы было разбито в сентябре («в созвездие Весов») 1446 года, хотя сам он сумел бежать. По возвращении из похода Абу-л-Хайр «решил отправиться для зимовки на завоевание Сыгнака», и именно в этом походе осенью 1446 года на первом месте выходит бий Ваккас, который, возможно, стал беклярибеком, подвинув кыйата Бузанджара на второе место. В результате Сыгнак, Ак-Курган, Аркук, Сузак и Узгенд подчинились узбекам. При этом Сузак был отдан в управление ханскому племеннику, руководителю авангарда войска султану Бахтийару, Сыгнак – оглану Мане (потомку сына Джучи Тангута), а Узгенд – бию Ваккасу.

Фактически после этого деятельность Абу-л-Хайра больше не связана с историей юга Западной Сибири. Однако для полноты описания обратим внимание на два вопроса: борьбу с ханами Махмудом и Ахмедом и

проблему передачи власти в Тюмени. Между 1447-1449 гг. войска Абу-л-Хайра при поддержке мангытов Ваккаса разгромили потомков ордынского хана Кичи-Мухаммеда. В историографии существует точка зрения о том, что это были сыновья Хаджи-Мухаммеда, однако в генеалогических списках у этого Шибанида нет сына по имени Ахмед. Разгром привел к захвату Орду-Базара, где располагался «трон Саин-хана», с именем хана была прочитана хутба, и затем проведен чекан монеты. При этом чтению хутбы однозначно придавалось большое значение в создании образа мусульманского правителя в политических реалиях того времени. Термин «ордобазар», скорее всего, обозначал кочевую ставку хана, включавшую его семью, административный, в том числе финансовый, аппарат, а также обеспечивающих их функционирование торговцев и ремесленников. В данном контексте скорее всего Орду-Базар мог располагаться на Яике или в Приуралье. В.В. Трепавлов отмечает, что еще в 1455 году владения Ахмеда, сына Кичи-Мухаммеда, описываются в двух источниках как расположенные в Синеи Орде, то есть за Волгой и Яиком.

При этом «трон Саин-хана», видимо, был реальной инсигнией власти, связанной с периодом Золотой Орды. В качестве такого символа он мог использоваться и Абу-л-Хайром, при котором значительно увеличивается роль кочевой аристократии, восстанавливается курултай, раздачи поясов и халатов как политических символов и ряд иных традиций и практик монгольского и ордынского времени. Следует согласиться с В.В. Трепавловым, что «в «постордынском» мире, в условиях угасания инерции государственного потенциала Золотой Орды, происходила реанимация архаичных учреждений»⁵⁸. При этом хан был вынужден для привлечения лидеров кочевых элей вести многочисленные войны с соседями. Выбор направлений этих походов показывает, что Абу-л-Хайр продолжал политику предыдущих ханов из династии Шибанидов. Для него сибирские земли были важным, хотя и своеобразным «стартовым капиталом», позволявшим сплотить под своей властью «узбеков». Однако при успешной внешней политике западно-сибирская лесостепь становилась периферией, необходимой лишь для извлечения пушнины. Ханская ставка и все основные интересы смещались к западу или югу в более развитые, в том числе земледельческие области, необходимые для существования государства.

⁵⁸ Трепавлов В. В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула: Гриф и К, 2010. С.33.

По этим причинам самым сложным является вопрос о том, кто правил Тюменским вилайетом после ухода Абу-л-Хайра во второй половине 1440-х гг. На наш взгляд, определенную роль здесь в период правления Абу-л-Хайра могли играть назначенные им четверо даруг Чимги-Туры или представители племени буркутов, в частности бек Адад. Список соратников показывает, что буркуты участвовали в походе на Хорезм 1435 года, но затем из перечней они исчезают вплоть до похода на Махмуда и Ахмеда. В историографии традиционно считается, что власть здесь была передана сыновьям Хаджи-Мухаммеда Сайидеку и Махмудеку, однако мы должны признать, что подтвердить это предположение источниками невозможно, если, конечно, не считать упоминания о последовательности правления ханов в Тюмени. Косвенным фактором может быть и указание на их ханские титулы. Однако с учетом наличия у Абу-л-Хайра титула Хан-и Бузург, который может являться калькой тюркского Улуг хан (Великий / Старший хан), их самостоятельное правление было вряд ли возможным. Выход на политическую арену потомков Хаджи-Мухаммеда следует связывать с началом центробежных тенденций после поражения узбеков от калмыков в 1457 году. Причем и здесь источники в качестве еще одного хана из Шибанидов упоминают правнука Араб-шаха Едигера, который взойшел на престол в 862 / 1457-8 г. в результате сговора между его сыном Буреке и наследником Ваккаса Мусы. Появление нового государя связано с разрывом мангытов с Абу-л-Хайром после смерти бия Ваккаса.

В 1468 году практически одновременно умирают два хана Восточного Дешта – Абу-л-Хайр и Едигер, что приводит к началу новой волны степных войн среди многочисленных Чингисидов. События, последовавшие за смертью Абу-л-Хайра, показали, насколько глубок был кризис внутри династии. Мирза Мухаммед Хайдар так пишет об этом: «После его смерти среди его людей начался разброд...». Можно предположить, что Едигер правил чуть дольше, чем Абу-л-Хайр. В «Фатх-наме» Гулама Шади, придворного поэта Шейбани-хана, говорится, что после смерти «Хан-и Бузург» улус одобрил на ханство Едигера. Внуки Абу-л-Хайра успели даже некоторое время послужить в армии под руководством Буреке б. Едигера, причем в одном источнике указывается, что Буреке совместно с одним из внуков умершего хана – Мухаммедом Шейбани пытался отомстить за его смерть, но союз по непонятной причине распался.

Политические лидеры были и среди детей Абу-л-Хайр. Так, после смерти Едигера основным претендентом на объединение узбеков стал пятый сын Абу-л-Хайра, Шейх-Хайдар, что было связано со смертью старшего сына, Шах-Будага. Дети последнего, Мухаммед Шейбани и Махмуд, были спрятаны от противников. В сочинении «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» указано: «Когда в его век перестали чтить достоинство и знатность великих беков и добрых родов его, могущество его стало от дня ко дню уменьшаться». По всей видимости, новый хан не обладал данными своего отца и не мог удержать вокруг себя кочевников.

Среди наиболее активных противников Шайх-Хайдара источники называют следующих: из рода хана Хаджи-Мухаммеда его старший сын хан Сайидек и внук Ибак (Айбак) б. Махмудек (скорее всего, сам хан Махмудек к тому времени умер); потомки золотоордынского хана Барака Джанибек и Кирей; из рода Едигера султан Буреке; из потомков бека Эдигея лидеры Ногайской Орды беки Аббас, Муса и Ямгурчи. Таким образом, союз против узбеков включал в себя лидеров большинства крупнейших кочевых объединений восточной части Дешт-и Кипчака. Источники сообщают, что войска противников на протяжении 1469 г. сталкивались неоднократно, но, несмотря на большие потери, не могли одолеть друг друга. Наконец, «Айбак-хан, приведя с собой войско Ахмад-хана, внезапно напал на Шайх-Хайдар-хана», после чего тюменский хан лично убил Шайх-Хайдара.

Последним совместным действием союзников было выступление в том же 1469 г. против Мухаммеда Шейбани и Махмуда, которые находились на попечении Карачин-бахадур и скрывались в Хаджи-Тархане (Астрахани) у хана Касима. Поход возглавили ханы Ахмед и Ибак и мангытский бий Аббас. Царевичам удалось спастись, и вскоре они решили отомстить за своего дядю Шейх-Хайдара. В результате было совершено нападение на лагерь Ибака, в ходе которого убили его младшего брата и младшего сына; также было совершено нападение на Ахмеда. По всей видимости, около 1469 года Ибак (Ибрахим) стал тюменским ханом и мог считаться одним из наиболее влиятельных претендентов на роль объединителя всей степи, что в дальнейшем и отразилось в его титуле «Шибанский царь».

Около 1473 г. ногаи, в частности Муса, после недолгого кочевания вместе с Шейбани вернулись к идее союза с ханом Ибаком, которого рус-

ские летописи стали называть «царем ногайским». По всей видимости, подчинение ногаев было номинальным и необходимым лишь из-за низкого внешнеполитического статуса их орды. Возможно, что некоторые политические приоритеты также определялись лидерами Ногайской Орды, так как они обладали военной силой для их претворения в жизнь. Можно предположить, что опора хана Ибака на ногаев была вызвана необходимостью стабилизации южных границ, в связи со стремлением казахов к захвату Приишимья, что в принципе было и в ногайских интересах. Судя по всему, союз был закреплен и брачными связями, как это следует из дальнейших наименований в летописях Ямгурчи и Мусы как шуринов Ибака, то есть хан был женат на сестре ногайских биев. Кроме того, по предположению В.В. Трепавлова, дочь хана Ибака была первой женой Мусы, что делало его гурженом, то есть ханским зятем.

Первой пробой нового союза, нашедшей отражение в источниках, стало нападение на кочевую ставку на Северском Донце, где находился их бывший союзник и лидер Большой Орды хан Ахмед б. Кичи-Мухаммед после неудачного стояния на реке Угре в 1480 году. Именно этот политический акт стал основой для сообщения в одной из летописей о том, что в 1480 г. беки Муса и Ямгурчи признали власть Ибака над ногайской Ордой. В «Патриаршей летописи» говорится, что «егда же прибежа в Орду, тогда прииде на него царь Ивак Ногайский и Орду взя, а самого безбожного царя Ахмета убил шурин его Нагайский мурза Ямгурчей». По другим данным, в частности Вологодско-Пермской летописи, Ахмеда убил сам Ибак. Нападение состоялось в январе 1481 году, при этом зимнее время было идеальным, поскольку, по сообщению летописца, «Ахмед хан, готовившись к перезимовке, отправил всех беков на свои земли». Одна из летописей вообще указывает, что хана Ахмед не было в это время в Орде, а Ибак убил его, когда тот попытался отбить своих людей.

Состав и распределение обязанностей в окружении хана Ибрахима фиксируется в сохранившемся в «Литовской метрике» письме крымского хана Менгли-Гирея к польско-литовскому королю Казимиру IV о событиях 1481 г.: «Генваря месяца у двадцать первы пришед цар шибаньски а Ибак солтан его, а Макму князь, а Обат мурза, а Муса, а Евгурчи пришед, Ахматову орду потоптали, Ахмата царя умертвили...». С учетом политических реалий и специфики дипломатической переписки знаки препинания в этом письме должны быть расставлены по-иному: Ибак назван ши-

банским царем, Мамук – султаном, то есть не правящим членом царского рода (возможно, как и иные близкие родственники ханов, он руководил определенным воинским подразделением), а следующий за ним Обат (т.е. Аббас) – князем (на этот момент он был лидером ногайского объединения).

После нападения хан Ибрахим «Орду взя», то есть кочевую ставку хана. Летописец отмечает: «И стоял царь Ивак 5 дней на ахматове орде и поиде прочь, о ордобазар с собою поведе в Тюмень, не грабя...», остальной полон, названный литовским, он перевел за Волгу, к ногаям. Из этой цитаты следует, что тюменский хан забрал с собой всех людей из лагеря Ахмеда и увел в свой юрт. Вологодско-Пермская летопись добавляет, что хан Ибак захватил и дочь Ахмеда. Позволим себе предположить, что с помощью увода «ордобазара» Ибак стремился усилить военную и экономическую мощь своего юрта. Видимо, число людей у самого Ибака было ограничено. Так, в «Архангельском летописце» указывается, что он «привел с собой 1000 казаков», в то время как Муса и Ямгурчи пришли с 50000 ногаев. По этой причине увод людей из ставки Ахмеда был весьма актуален, к тому же Ибак увел в Сибирь и часть войск разбитого хана.

С 1481 года начинается переписка между ханом Ибаком и московским князем Иваном III, которая заложила основу для столетия дипломатических отношений Тюменского / Сибирского юртов с Московским государством. Хан отправил посла к Ивану III с сообщением о убийстве Ахмеда, за что получил от Москвы «теш»-подарок, который в дальнейшем мог быть использован тюменскими дипломатами для обоснования требований ордынского выхода. На установление более или менее стабильных, в том числе торговых, связей между Тюменским ханством Ибака и Русским государством Ивана III может намекать позднее в своем письме Кучум к Ивану IV: «С нашим отцом твой отец гораздо помирился, и гости на обе стороны ход...». В то же время употребление терминов родства не дает реальной хронологической привязки, поскольку является отголоском использования тюркского термина «ата» (отец) в значение «предок» в системе переписки тюркского мира.

Особого внимания в этом контексте заслуживает поход 1483 года. Наиболее раннее известие о нем содержится в Вологодско-Пермской летописи: «В лето 6991. Отпустил князь великий с Москвы на князя на Вогульского на Асыку воеводу своего Ивана Ивановича Салтыка, а с ним

своих детей боярских до Вологжан. А другого воеводу князя Феодора Купрьского, а с ним своих детей боярских да Устюжан, да Вычегжан, да Вымич, да Великопермцев». Маршрут похода прошел непосредственно по границе Тюменской земли по Тавде. Его причины были связаны, прежде всего, с противостоянием между Московским великим княжеством и остяцкими и вогульскими объединениями, в частности Пелымским княжеством Асыки. Противоречия между ними скрывались как в борьбе за контроль над пушной торговлей, так и с попытками христианизации, выразителем которых был владыка Филофей. Поход в Сибирскую землю во многом носил случайный характер. Складывается впечатление, что он не входил в изначальные цели и был организован самими воеводами. По этой причине его нельзя рассматривать в русле русско-тюменских отношений, где он не оставил следов ни до этого в виде якобы имевшегося договора Ибрахим-хана и Ивана III, ни после этого в виде формального подчинения сибирского князя, который впрочем не упоминается среди угорских князей, подписавших шерт.

По всей видимости, после разгрома хана Ахмеда Ибрахим занимался решением внутренних проблем своего юрта. Скорее всего, в это время в качестве одного из методов внутренней стабилизации юрта был выбран политический и брачный союз с бывшими хакимами Чимги-Туры из буркутской династии беков Тайбугидов в лице князя Маром (скорее всего, имевшего мусульманское имя Умар / Омар). Однако вскоре хан «Упак зятя своего уби и градом облада». Таким образом, именно после убийства князя Мара Ибак получает в свои руки Чимги-Туру, которая становится столицей Тюменского ханства, причем указывается, что Ибак правил здесь «и владыке много лет». Сыновья Мара находились в качестве аманатов при хане Ибаке: «Маровы дети Одер да Ябулак живяства во граде Чимгидене у казанского царя у Упака», причем отмечается, что умерли они своей смертью.

Ситуация коренным образом изменяется в конце 1480-х гг., когда хан Шейбани и его брат, внуки Великого хана Абу-л-хайра, стали новыми претендентами на объединение Дешта. Махмуд бен Вали пишет о том, что «... когда в областях Дашт-и Кипчака возникли беспорядки, большая часть узбекских воинов собралась под сенью знамени могущества цариц». В это время они разгромили потомков хана Едигера, в частности Буреке. Сибирские легенды позволяют предположить, что тогда же

был организован поход на Тюменский юрт, замаскированный под исламизацию. В легенде рассказывается, что против шейха Багауддина и воинов Шейбани-хана из Среднего улуса совместно выступили хотаны (татары), ногаи, кара-кыпчаки и остяки, то есть представители наиболее крупных племен юрта. Несмотря на это, война было проиграна, что могло привести к началу исламизации, при этом однако сам хан Мухаммед Шейбани ушел. По всей видимости, Шейбани, не получив поддержки сибиряков и не надеясь более на помощь среднеазиатских городов, вынужден был отступить. По материалам родословной башкир племени табын был сделан вывод, что они также отступили из Тоболо-Иртышского междуречья после борьбы Ибака с Шейбани. Впрочем это не единственная версия, объясняющая уход этого племени. В шеджере говорится о том, что потомки основателя клана табын Асади-бий и Шикарли-бий «очутились под властью хана Шейбанида – Ибака, который приказал их умертвить, от чего они бежали на запад от Урала». Столкновение между двумя Шибанидами привело к внутренней напряженности в Тюменском юрте, разрешение этой ситуации было найдено с помощью традиционного для политики Ибрахима террора. Определенные внутренние проблемы могут быть подтверждены и тем, что «и с устья Сыра пришло много людей, ради него [Мухаммед Шейбани-хана] отделившись от Ибак-хана». Кстати, эта фраза осталась без внимания историков, хотя она говорит о том, что в 1480-е гг. тюменский хан Ибрахим контролировал и земли на самом юге бывших владений Шибанидов в Приаралье, то есть действительно являлся «Шибанским царем». Ибрахим, видимо, являлся скорее продолжателем политики Абу-л-Хайра, чем лишь локальным лидером на юге Западной Сибири.

Возвращение хана Ибака на международную арену связано с событиями вокруг казанского престола. Поводом к указанному возвращению был поход русских войск на Казань в 1487 году и ссылка правившего там хана Али. Вмешательство Москвы в дела одного из крупнейших наследников Золотой Орды серьезно затрагивало интересы всех его соседей, в частности разрывало единство торговых путей, необходимых для нормального функционирования большинства постордынских ханств.

Первое письмо от хана Ибака пришло в Москву в ноябре 1489 года вместе с грамотами от Мусы и Ямгурчя. В одном из изданий оно получило название «... о продолжении дружбы и союза», что подтверждает наличие предшествующей грамоты. В нем говорится: «От Бреима царя ве-

ликому князю, брату моему, поклон. Яз – бесерменский государь, ты – христианский государь, от сех мест меж бы нас добродетель бы наша была». Использование понятия «брат» подчеркивает равноправный статус Ибака и Ивана. Далее в письме излагается просьба вернуть еще одного «брата», то есть казанского хана Алегамы, причем в письме есть элемент угрозы: «впрок братом захочешь бытии, мне моего брата ко мне отпусти». Несмотря на это, Иван III отвечает, что Алегам нарушил братство с русским царем, за что его и покарали. Кроме того, в ответе сибирским послам говорилось, что «нашего недруга Алегамовы люди царевы, которые от нас бегают, Алказый, да Тевекел Сеит, да Касым Сеит, да Багиш с сыном с Утешом и иные их товарищи и тех людей Ивак царь да и мырзы у себя держат». Причем указывается, что и Ибак с мирзами, и с перечисленными выше людьми грабят казанские земли, находящиеся под русским покровительством. В связи с этим предлагается для продления союза все награбленное вернуть, а также казнить казанцев. В письме указывается, что если «Ивак царь захочет с нами дружбы и братства и с моим братом и сыном с Магмед-Амином царем (*ставленник Москвы на казанском престоле – Д.М.*), и мы с ним дружбы и братства хотим», то же самое говорится и в отношении ногайских мирз.

Таким образом, первый виток переговоров сохранил тот «статус кво», который образовался после вмешательства Москвы в казанские дела. Однако было очевидно, что выход из ситуации продолжают искать как сибирские, так и ногайские дипломаты. Уже осенью 1490 г. Иван III дает согласие на брак дочери ногайского бека Мусы с казанским ханом Махмет-Амином, что было вызвано необходимостью заключения союза против агрессивных действий сыновей хана Ахмеда. Практически в то же время, в октябре 1490 г., в Москву приезжает новое посольство, причем в нем были представители тех же Мусы и Ямгурчея, но вместо хана Ибака «Абелек Аминек царя», то есть потомков хана Едигера. В грамоте Ямгурчея говорилось, что «Еще Алгазыя просишь: Алгазыя я не видал, с Ибраимом с царем к Тюмени поехал, от тех мест у Ибреима царя в Тюмени живет». Исходя из этого сообщения, ясно, что хан Ибак кочует отдельно от ногаев у Тюмени вместе с частью казанцев. В связи с этими событиями существует версия о том, что казанцы могли провести церемонию интронизации Ибака на казанский престол, что и привело к его наименованию в части летописей как «казанского царя». Невозможность решить вопрос

дипломатическим путем привела и к военным конфликтам, о которых в частности указывается в грамоте Мухаммед-Амина Ивану III: «...Божиим изволением, на отца своего месте царем ся еси учинил: Ивак, да Мамук, да Муса, да Ямгурчей еже лет на меня войною приходят».

В 1491 году ситуация, судя по материалам переписки, вновь изменилась. По сообщениям слободских татар, посланных Иваном III к Мусе, Опас-князь (Аббас, дядя Мусы) и Ямгурчей с мирзой Мусой «не в миру». В результате первые «... послали в Тюмень по Ивака по царя, и зовут его к себе... Ногаи кочуют под Тюмень против Ивака. А Ивак... идет к ним по их речем». Видимо, размолвка между ногайскими лидерами была связана с разными подходами к решению казанской проблемы. В этот же период Москва вновь требует вернуть все награбленное в Казани, к тому же привлекает к переговорам представителей крымского хана Менгли-Гирея. По мнению В.В. Трепавлова, вскоре после этих событий Аббас умер, и Муса вновь вернулся в Орду, но теперь уже в качестве старейшего из всех потомков Эдигея. Он вновь обратился к хану Ибаку и даже, не желая ссоры с Москвой, сумел остановить совместный ногайско-сибирский поход на Казань, организованный Ямгурчи и Ибаком при посредничестве казанской оппозиции при тюменском дворе.

Видимо, после этих событий на некоторое время переписка была прервана. Однако в 1493 году степи, занимаемые Ногайской Ордой, пережили тяжелую зиму, в результате которой умерло много людей. В том же году из Крыма в Москву сообщили, что «нагаи Муса и Ямгурчей мурзы Ивака да Мамука цари учинити идут, к Астрахани было пошли, и как слышавши назад к Тюмени покочевали...». Причины этого похода могли быть связаны как со стремлением ногаев поставить столицу Большой Орды под свой контроль, сменив там правителей, так и с окончательным уничтожением наследников хана Ахмеда и желанием хана Ибака взять в свои руки большую часть улуса Джучи. Таким образом, ногаи и сибирские Шибаниды вновь пытались повторить успех 1481 года, причем тюменский хан здесь выступает совместно со своим братом Мамуком, который в цитируемом документе в отличие от других источников имеет такой же титул, как и сам Ибак. В то же время в грамоте, датируемой ноябрем 1493 г., от Ивана III к крымскому хану Менгли-Гирею указывается: «...царь Ивак и брат его Мамук и все князи пошли на орду», то есть на момент похода царем был только Ибак. Существует предположение о том, что войска по-

вернули от владений потомков хана Ахмеда, поскольку к ним не подошли на помощь крымские татары. Такая причина не лишена своей внутренней логики, поскольку еще в 1491 году ногайские лидеры Муса и Ямгурчи пытались договориться с крымским ханом Менгли-Гиреем о союзе против наследников Ахмеда, однако реальная причина могла скрываться и в ослаблении самой Ногайской Орды.

Несмотря на провал этого похода, в том же году от хана Ибака в Москву пришла еще одна (последняя из известных нам) грамот: «Ибраимово слово Великому князю Ивану брату моему поклон». В письме говорилось о том, что Ибрахим «Саинский... стул взял.., на отцов юрт к Волге пришед стою», и, кроме того, содержалась просьба опять вернуть Алегама. В данном случае в письме, на наш взгляд, отражаются события 1481 года, о которых Ибак-хан напоминает русскому царю. Обращает на себя внимание указание «саинского стула», уже известного нам по истории Абу-л-Хайра. Рискнем предположить, что этот предмет, захваченный лидером узбеков у Ахмеда и Махмуда в конце 1440-х гг., затем вернулся после убийства Шейх-Хайдара в 1469 г. к Ахмеду, а в 1481 г. был вновь захвачен Ибрахимом. Судя по всему, трону Бату уделялось большое внимание в политических играх XV века. В ответной грамоте Иван III подчеркивал стремление продолжить переговоры и отправить посольство в Чимги-Туру.

Тюмень и Сибирь в системе внешней политики в первой половине XVI века

Периодические неудачи хана Ибрахима во внешней политике 1490-х гг. вели к разочарованию кочевой элиты в его политике, что потенциально и стало причиной «заговора» Тайбугидов. В результате переворота хан был убит сыном Адера Маметом: «князь Мамет воста после смерти отца своего з ближними своими на казанскаго царя Упака». Традиционно убийство принято датировать 1495 г., однако еще исследователи XIX в. сомневались в этом, ведь последнее упоминание Ибак-хана в посольских документах относится к 1493 году. Сам факт смерти тюменского лидера между 1493 и 1495 гг. очевиден, однако А.В. Парунин в одной из работ резонно усомнился как в том, что виновниками этой смерти были именно Тайбугиды, так и в том, что была разрушена столица Чимги-Тура. Если в

историографии прошлого века было принято рассматривать Тайбугидов как независимую княжескую династию⁵⁹, при которой усиливается новый центр – г.Искер, столица Сибирского княжества, то в последние 10 лет подход к истории этой династии значительно изменился. Исследователи отмечают, что сибирские князья не были независимыми правителями, а являлись лишь беклярибеками, которые правили либо «от руки» казанского хана, либо, что более вероятно, какого-либо тюменского династа из Шибанидов⁶⁰. В таком случае события 1490-1500-х гг. приобретают абсолютно иной смысл.

Классическая для историографии версия дальнейших событий, основанная на информации «Сибирских летописей», была изложена еще А. Оксеновым: «Мамет.., чувствую себя достаточно могущественным, чтобы отделиться от Сибирского ханства, он ушел из города Чингидима на р.Иртыш, где и основал княжество...», хотя далее он в отличии от многих авторов XX века, писал «...если не совершенно независимое, то только номинально признававшее верховенство ханского Ибакова рода»⁶¹. При этом летописи указывают, что «по сем... Мамет... град свой Чингиден разруши».

Однако в 1495 или 1496 гг. в Тюменском юрте начинается подготовка и формирование объединенных ногайско-сибирских войск для похода на Казань во главе с ханом Мамуком, который был возведен на престол сразу же после смерти брата. Необходимо заметить, что при подготовке подобного похода Мамук, который в источниках, как и брат, именуется «ногайским» или «шибанским» царем, должен был знать о стабильности тыла. Следовательно, на тот момент, во-первых, столкновений с Тайбугидами не было, а во-вторых, возникают сомнения в разрушении столичного центра Чимги-Туры, что было бы значительным ударом по авторитету местных ханов. К тому же этот город упоминается и в дальнейших событиях. Военные действия на казанском направлении во многом были спровоцированы казанскими князьями, лидерами восточной партии Кальме-

⁵⁹ Нестеров А. Г. Формирование государственности у народов Урала и Западной Сибири: Искерское княжество Тайбугидов (XV-XVI вв.) // Этнокультурная история Урала XVI-XX вв. : материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 1999. С.56-59.

⁶⁰ Трепавлов В. В. Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник. 2007-2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2009. С.386-388.

⁶¹ Оксенов А. Сибирское царство до Ермака // Томские губернские ведомости. 1888. № 14. С.15

том, Ураком и другими. В результате Казань была взята осенью 1496 года. Об этом сообщает «Патриаршая летопись»: «В мае 7004 (1496) казанский царь Магомед-Амина послал письмо Ивану Васильевичу о том, что движется на него Мамук Шибанский с ногайской ордой и с князьями Казанскими. Взял он Казань в лето 7005 (1496)». Однако выбор претендента был весьма неудачен. Мамук, будучи неплохим полководцем, не справился с проблемами внутреннего управления в условиях, отличных от специфики Тюменского юрта. Кроме того, он, видимо, проявлял жестокость по отношению к казанцам и даже своим бывшим союзникам. Впрочем новым правителем были недовольны не только они, но и крымский хан Менгли-Гирей, который пишет в 1497 г. великому князю Ивану III о Мамуке: «Ино то нам лихое имя, а тебе брату моему великая истома», а далее называют его «недругом». Неудача Мамука под Арском в 1497 году позволила казанским князьям совершить переворот и не пустить хана обратно в города. В результате он был вынужден вернуться в Чимги-Туру с частью оппозиционеров во главе с казанским князем Ураком, который затем будет в Тюмени при дворе нового хана Агалака. По всей видимости, на обратном пути хан Мамук умер: «вскоре поиде от Казани в свояси и на пути умре».

После смерти Мамука новым тюменским ханом стал младший из братьев Агалак, о деятельности которого нам практически ничего неизвестно. Уже в марте 7007 (1498) года в Москву пришла весть о походе Агалака и Урака на Казань. В результате, согласно разрядным книгам, в августе 1498 (7007) г.: «Тово же году в августе... послал государь великий князь Иван Васильевич всеа Руси х Козани полем х царю козанскому беречь ево от Урака и от Солтогана, от шибанских царевичев, в конной рати воевод своих». Исходя из этого, в походе могли участвовать и иные царевичи из числа Шибанидов. В Разрядных книгах говорится, что уже в «лета 7007-го (1498) сентября... прислал к великому князю ис Казани Абделетиф царь, что Урак князь хочет быть х Казани с Салтаганом царевичем. И князь великий послал в Казань воевод своих беречь от Урака и от Салтагана». Скорее всего, речь шла лишь о возможной («...хочет быть...») угрозе похода. А.В. Парунин предположил, что и Мамук, и Агалак могли совершить не по одному, а по два похода на Казань, с чем и связана определенная путаница в источниках. В Никоновской летописи под 1500 годом указано, что «... прииде весть к великому князю от Казанского царя Абдыл-Летифа, что на него идет Агалак царевич, Мамуков брат, да с ним

Урак князь Казанских князей. Слышавше же то князь великий и послал к Казани в помощь воевод своих... Агалак же и Урак слышав, что идут ни них воеводы великого князя с силою, и побегоша во-свояси, а воеводы великого князя возвратишася к Москве». По мнению А.В. Парунина, данный поход представлял скорее набег, нежели ставил перед собой реальную задачу захватить Казань, а его инициатором был Урак: «В лето 7008-го, марта, прииде весть к великому князю Ивану, что Урак привел на Казань Авалака царевича». Совершенный почти в то же время ногайский поход на Казань во главе с мурзами Мусой и Ямгурчи был независим от деятельности Агалака и Урака. Возможно, что отсутствие единства между тюменской и ногайской элитой и могло привести к неудачам нападений на Казань. В русских летописях Агалак именуется лишь царевичем, однако в восточных источниках и позднейшей переписке он указывается с титулом «царя».

В 1505 году хан Агалак и его родственник Ак-Курт покидают территорию Тюменского юрта и оказываются в ногайских кочевьях. Личность Ак-Курта может быть идентифицирована двоюродный брат хана, сыном Сайидека б. Хаджи-Мухаммеда, хотя в переписке он называет Агалака дядей (не ясно, является ли это понятие отражением родства или политического статуса). При поддержке ногайских мирз они ведут в период с 1505 по 1508 гг. безуспешные переговоры с московскими князьями Иваном III и его наследником Василием II, пытаясь получить во владения Казань, Мещерский городок или хотя бы Андреев городок в Мещере. Возможно, что некоторое время в начале переговоров с учетом противоречивой политики русского ставленника на казанском престоле Мухаммед-Амина Агалак реально мог рассматриваться в качестве возможной кандидатуры, которая могло бы примирить восточную и русскую партии. В ожидании этого Агалак скончался в 1507 или 1508 гг., а сам Ак-Курт и тем более его сын Ак-Девлет уже не рассматривались в качестве сильных политических фигур. В целом эти дипломатические попытки говорят о крайнем ослаблении как самого Тюменского юрта, так и возглавлявшей его династии, оказавшейся «на обочине» международной политики. Впрочем Ак-Девлету действительно удалось выехать на русскую военную службу, где был первым представителем этой ханской династии. Он и его сын Шах-Али упоминаются Разрядными книгами в период с 1512 по 1541 гг.

Уход Агалака на юг мог быть связан с конфликтом внутри правящей династии. В Вычегодско-Вымской летописи указывается, что «Лета 7014 (1505 или 1506 гг.) пришед из Тюмени на Великую Пермь ратью сибирский царь Кулуг Салтан и без вести приступиша». В Устюжских летописях уточняется, что войско из Тюмени пришло в 7013 году в «понедельник на страстной недели», то есть весной 1505 года. Кстати, в целом выбор именно весны, в частности марта, для начала похода характерен для всех трех лидеров из числа Сибирских Шибанидов. Фактически время этого похода совпадает с предполагаемым уходом Агалака в ногайские степи. При этом для русских летописцев статус нового тюменского властителя Кутлука, сына хана Ибрахима, был не ясен, о чем свидетельствует использование двойного титула (кстати, это первый известный мне случай наименования Шибанида именно сибирским царем). При этом, как и ранее с Агалаком, в походе Кутлука участвовали его братья и дети. Фактический провал внешней политики, в частности на казанском направлении, Мамука, Агалака и Кутлука мог привести к расколу правящей в Тюмени элиты. В этих условиях понятна причина ухода многочисленных шибанских и тюменских татар к детям Буреке б. Едигера султанам Ильбарсу и Бильбарсу, которые затем в 1510-1511 гг. уведут их в Среднюю Азию. Именно это стало еще одним значимым фактором в исчезновении Тюменского юрта с международной арены.

Является ли это признаком исчезновения самого юрта? При всей скудости источников на этот вопрос необходимо ответить отрицательно. Прежде всего, в свете рассмотренных источников по-иному видится политическая сущность так называемого «Сибирского (Искерского) княжества», которое скорее всего было лишь вилайетом, то есть областью, Тюменского юрта. Еще в 1483 году летописи фиксируют так называемого «сибирского князя», который был частью угорского мира Западной Сибири. В середине 1490-х гг., приблизительно в период смерти Ибрахима, бывшие буркутские хакимы Чимги-Туры из Тайбугидов распространяют власть Тюменского юрта к северо-востоку, вплоть до Иртыша, где ранее присутствие Шибанидов не фиксируется. Скорее всего, они стали править в новых владениях от руки тюменских ханов. При этом их правление отнюдь не было спокойным. Сибирские летописи перечисляют местных правителей: «По князе же Мамете княжил Ябалаков сын Агиш. По нем же Маметов сын Казым. По нем Казымовы дети Едигер, Бекбулат». В Лиха-

чевской редакции Сибирских летописей имеется сообщение о том, что Казыма убили собственные близкие люди, его дети сумели отомстить, разорили улусы убийц и стали править всеми.

Постепенное укрепление Тайбугидов могло быть связано с одновременным ослаблением тюменских Шибанидов. К сожалению, источниковая база не позволяет нам досконально реконструировать события, происходившие в Тюменском юрте между 1510-ми и серединой 1550-х гг. Косвенная информация о начальных годах этого периода имеется лишь в иностранных источниках. Такие авторы, как венецианец Франческо де Колло, посол императора Максимилиана I, бывший в Москве в 1518-1519 годах, и итальянец Альберт Кампензе, в письме 1523 г., единодушны в том, что Москва получает значительную пушную дань с северных областей, среди которых указываются «Княжество Югорское, Область Сибирь» или «Югра, Карелы, Башкиры и Черемисы». Практически в то же время (около 1525 г.) информацию в Москве получил Павел Иовий, который пишет: «Далее на Север от Казани живут Шибанские Татары (Sciabani), сильные по своему многолюдству и обширным стадам», но среди русских данников указывают только югру и вогулов.

Однако наиболее полная информация на этот счет содержится у дипломата на службе Габсбургов Сигизмунда Герберштейна, посетившего Россию дважды в 1517 и 1526 гг. Прежде всего, С. Герберштейн четко отделяет Тюмень от Сибири. Относительно Тюмени он пишет: «... Тюмень, которой владеют князья угорские, платящие, как говорят, дань великому князю». Однако в то же время он делает замечание, что государь царства Тюмень татарин и «...он не так давно причинил большой ущерб Московиту, то весьма вероятно, что эти племена, будучи ему соседями, скорее ему и подчиняются». По всей видимости, это говорит о том, что в период между двумя поездками посла Чимги-Тура перешла из одних рук в другие, и Шибаниды ушли в степи. В пользу этого свидетельствует сообщение, пришедшее в Москву в 1536 г., о том, что ногайский мирза Шейх-Мамай «детей отпускает к Асай-мырзе, да Кан-мурзу (*возможно, старший сын Шейх-Мамая Хан* – Д.М.) Туру воевать». При этом Герберштейн уточняет: «Область Сибирь ... не знаю достоверно, есть ли там какие-либо крепости и города. В ней начинается река Яик... Говорят, что эта страна пустынна вследствие близости татар, а если где и обитаема, то там правит

татарин Ших-Мамай», а населена она тюменскими, шибанскими и кайсацкими татарами.

Наличие на территории «Области Сибирь» шибанских и тюменских татар в совокупности с правлением здесь мирзы Шейх-Мамаю, одного из наиболее мощных ногайских лидеров этого времени, говорит в пользу того, что и представители тюменской (шибанской) правящей семьи находились под его покровительством. Ногайский бек Шейх-Мамай являлся родственником этих династий по женской линии, поскольку был сыном ногайского бия Мусы и дочери хана Ибака. В этой связи тем более следует учитывать информацию из письма старшего брата Шейх-Мамаю Сеид-Ахмеда 1536 г.: «княжое слово неправому верою Ивану ... Иваков царев сын (*кто здесь имеется в виду, не ясно* – Д.М.) и тот нам повинился со всеми своими товарищами и слугами».

Исследователи обращают внимание на то, что автор «Казанской истории» пишет об одной из жен Сафа-Гирея (казанский хан, правил с перерывами в период с 1524 по 1549 гг.) как о дочери сибирского царя. По всей видимости, на эту роль на данный момент претендует только Муртаза (традиционно в литературе считается сыном Ибрахима, но, по Абулгази, это сын Мамука), которого ханом называет автор «Джами ат-таварих». При этом сыновья Муртазы Ахмед-Гирей и Кучум воспитывались при дворе Шейх-Мамаю вместе с казахским царевичем Хакк-Назаром б. Касимом. По всей видимости, ногайский лидер хотел посадить в соседних ханствах лояльных правителей и одновременно с этим заручиться их поддержкой в получении титула беклярибека от одного из Чингизидов, тем самым укрепив свой авторитет не только в рамках своего улуса, но и во всей орде. Все три царевича были в разное время наместниками Башкирии, власть их распространялась, в том числе, и на Южное Зауралье, что могло, в частности, рассматриваться в качестве своеобразной политической подготовкой. Преобладание ногаев на этом этапе подчеркивается и характерной фразой из устной легенды о Кучуме, записанной Н.Ф. Катановым: «Пока он (*т.е. Кучум* – Д.М.) рос, народом его управляя султан Ногай».

Внешняя политика Сибирского ханства хана Кучума во второй половине XVI века

Именно в этих условиях в январе 1555 года в Москву прибывает первое посольство от сибирского бека Едигера. Посольство не только «здоровали» царя Ивана IV с покорением Казанского и Астраханского ханства, произошедшим в 1554 г., но и предлагало ему взять Сибирь под «свою руку» и положить на нее дань. По восточным традициям, послы привезли в подарок шкуры белок и соболей. В ответ на это в Сибирь были отправлены посол и дорога Дмитрий Куров сын Шепейцын, который должен был Едигера и землю Сибирскую к «правде привести», провести перепись и взять дань и дорожную пошлину. В окружении Тайбугидов начинает конструироваться многоуровневая легенда, согласно которой именно власть этой династии в Сибири легитимна, в то время как Чингизиды в лице Шибанидов были не более чем узурпаторами. В ответ на это происходит нападение на Сибирь некоего Шибанского царевича (одного из указанных сыновей Муртазы), информация о чем встречается в отчете русского посла, вернувшегося в Москву в ноябре 1556 года. В дальнейших переговорах, которые продолжались с перерывами до 1563 года, участвовали послы князя Едигера, хана Муртазы и его сына Ахмед-Гирея, которые зачастую оказывались в Москве в одно время. По всей видимости, значительную поддержку претензиям Шибанидам оказывали лидеры Ногайской Орды из числа потомков Шейх-Мамаея, в то время как Тайбугиды могли опереться на ногайского бека Исмаила, на дочери которого был женат Едигер.

В сентябре 1563 года русский царь именно Исмаилу выговаривал: «...зять твой был на Сибири на нашем юрте, и дань нам с того юрта не дает. И мы впредь хотим того юрта достигати, и за то ему мстити». Кстати, любопытно, что Исмаил в равной степени заступается и просит отпустить из Москвы обоих сибирских послов Чибиченя (от Едигера) и Ташкина (от Муртазы и Ахмед-Гирея). Правда, Муртазе ставилось в вину и нанесение большого вреда русским данникам в Сибири. Возможно, именно об этом идет речь в жалованной грамоте Строгановым 1564 года: «хвалитца деи сибирской салтан Ишибаны ити в Пермь войною, а преж деи сего он Камские Соли город дважды имывали...».

Судя по всему, некий «захват» Шибанидами Сибирской земли произошел в период конца лета-начала осени 1563 года, поскольку Исмаил,

умерший в конце сентября того же года, еще успел написать грамоту в Москву с просьбой организовать переговоры между сибирским и русским («белым») царем. Кроме того, князь Чигибень, посол Едигера, в сентябре 1563 года был отпущен по просьбе Исмаила вместе с ногайскими послами, что было связано со смертью сибирского бека. Юридически данное событие вообще следует трактовать не как захват, а как присоединение к Тюменскому юрту Сибирских земель по праву приглашения Кучума на престол в Искере: «...сибирские люди царю и великому князю изменили, дани государевым данщиком давати не учили и взяли к себе на Сибирь царевича». Убийство Едигера следует рассматривать как уничтожение поднявшего восстание беклярибека и ликвидацию потенциального центра местного сопротивления, о котором, впрочем, после восшествия Кучума на престол источники ничего не сообщают.

Таким образом, в 1563 году произошло объединение Тюменского и Сибирского юртов в единое политическое целое, которое в связи с наличием столицы именно в Искере (Сибири) можно именовать Сибирским ханством. К сожалению, вокруг этого государства и его правителя хана Кучума долгое время формировался историографический миф о якобы имевшей место постоянно враждебной политике по отношению к Московскому государству, что и привело к необходимости организации похода Ермака и краху этого государства. Однако еще в 1569-1571 гг. международная политика Москвы и Искера по отношению друг к другу характеризовалась как миролюбивая, в частности хан Кучум был готов выплачивать в Москву дань. Тем самым подтверждался более ранний договор Москвы с сибирским беком Едигером, который получил ярлык от Ивана IV. При этом крайне сомнительно, чтобы «замирье» с Москвой было связано с сопротивлением таких групп, как представители «Тайбугина юрта», проживавшие в центре ханского домена. По всей видимости, могли быть значимыми два фактора: участие сибирских войск в столкновениях с казаками Хакк-Назара, о чем говорил сам Кучум, и возможное продвижение его отрядов на северные территории с целью подчинения основных центров добычи пушнины.

Шертная грамота на подписание Кучуму была передана в Москве на государевом дворе сибирскому послу Тамасе и гонцу Аисе в октябре 1571 года. Подписанная Кучумом жалованная грамота не сохранилась до наших дней, хотя в архиве Посольского приказа она видимо была еще в

первой четверти XVII века. В перспективе это позволяло действительно считать сибирского хана «государевым изменником». По всей видимости, дата получения этой грамоты стала решающим фактором в том, что условия ярлыка не были соблюдены. В мае 1571 года Москва была сожжена крымскими войсками при поддержке ногаев, и осенью еще лежала в руинах. Подобные наблюдения сибирского посольства с очевидностью должны были быть переданы Кучуму и стали признаком резкого снижения статуса Москвы в международных делах. Отказ от выполнения подписанной грамоты в этих условиях стал причиной ухудшения московско-сибирских отношений.

С этого времени наблюдается переориентация Искера на Бухару и в целом именно на южные связи. В 1572 году в Сибирь прибыла первая мусульманская миссия, собранная в Хиве по просьбе Бухары, которая показывает усиление позиций бухарского хана Абдуллы II. Возможно, что уже первую миссию сопровождал (или, по крайней мере, участвовал в ее подготовке) старший брат хана Ахмед-Гирей, который пробыл в Сибири не более года, возможно, по причине необходимости принять юрт в Бухаре из рук умершего отца. Первые действия сибирских войск на территории владений Строгановых и в Перми относятся к 1573 году. Согласно жалованной грамоте Ивана IV Строгановым и Строгановской летописи, эти действия начались с похода самого сибирского хана Кучума на места промыслов Строгановых, где были «побиты» остяки. Одновременно с этим Кучум принуждал перестать платить ясак в Москву данщиков из числа остяков, вогулов и югричей, дойдя до Чусовских городков: «А иных данщиков наших Сибирской имает, а иных и убивает, а не велит... наши дани в нашу казну давати». В данном случае эти события следует рассматривать в контексте стремления Кучума вернуть себе ясачное население и обеспечить активное участие в пушной торговле с Бухарой.

С этим же походом связывается перевод на территорию Сибирского ханства Тахчеи. В источниках этот термин встречается в двух значениях: как территория или юрт (например, «на Тахчях и Тоболе») и как группа людей, улус (например, «посылал Сибирской через Тахчеи и перевел Тахчеи к себе; а преж сего Тахчеевы нам дани и в Казань ясаков не давали, а давали де ясак в Нагаи»). Подчеркивается, что они жили в окружении остяков, которые хотели платить дань в Москву и просили защиты, но при этом, видимо, отличались от них в этническом плане. Из жалованной гра-

моты 1574 года ясно, что территория Тахчеи и Тобола располагалась между Ногайской Ордой и Сибирским ханством. Наиболее убедительной видится точка зрения Е.Н. Шумилова, который считает, что Тахчеи – это территория в верховьях Чусовой, заселенная племенем терсяк, которые на протяжении XVI века покидают свои территории и уходят на юг в земли салджиутов⁶².

Вслед за этим в конце июля 1573 года состоялся поход Маметкула Алтыуловича, племенника и, возможно, беклярибека Кучума, на Пермь: «пришедшу ратью на Пермь Великую, Маметкул ...города и повости пограбил и пожег». В уже упомянутой жалованной грамоте и Строгановской летописи указано: «с Тобола де приходил Сибирского салтана брат Маметкул, собрався с ратью, дорог проведывати, куда идти ратью в Пермь, да многих де наших данных остяков побили, а жены их и дети в полон повели». Отход от пермской земли объясняется тем, что Маметкул убоился значительного числа ратных людей, которые стояли в Чусовских городках. Однако в ходе этого похода был убит московский посол Третьяк Чубуков и сопровождавшие его служилые татары, которые шли к казахам.

Таким образом, столкновения 1573 года в основном шли вокруг двух основных политических пунктов: контроль над ясачным населением, а следовательно, над самым важным сибирским товаром – пушниной, и над крупным торговым путем из Приуралья в Сибирь через верховья р.Чусовая. Краеугольным камнем всех этих столкновений и основой экономической политики Сибирского ханства была пушнина, получаемая в виде ясака. Вопрос о том, чьи данщики жили в Зауралье, решенный Москвой с помощью Строгановых в свою пользу, отнюдь не был столь очевиден для Искера.

В ответ на это Иван IV выдал в мае 1574 года грамоту Строгановым, которая расширяла данные им два года назад полномочия на набор военных людей. Текст документа говорил о том, что земли на Тахчее и Тоболе передаются под их управление, им разрешалось строить там крепости для защиты русских данщиков от ногаев и сибиряков, а также насильно приводить последних к дани русскому царю. Грамота подчеркивала: «в нашей отчине за Югорским камнем, в Сибирской Украине, меж Сибири и Нагаи, Тахчеи и Тобол река с реками и озерами, и до вершин, где збираютца рат-

⁶² Шумилов Е. Н. О местонахождении Тахчеи // Вопросы истории. 2008. № 9. С.141-143.

ные люди Сибирского салтана да ходят ратью». По сути, передавая эти земли, царь юридически подчеркивал то, что ими от его руки владели сибирские князья Тайбугиды, а Кучум рассматривался как незаконный с точки зрения русских правитель.

В результате неудовлетворительности первой исламской миссии Кучум обратился в 1574 году в Бухару с новым письмом с аналогичной просьбой. В Ургенче вновь собрали миссию во главе с тем же Шербатийшейхом и Дин-Али-ходжой, родственником умершего Ярым-сеида. В Бухаре они для защиты в связи с опасной дорогой получили в помощь 100 человек во главе с Ахмед-Гиреем. По приходу в Сибирь Кучум уступил своему брату престол, на котором последний находился вплоть до своей смерти спустя четыре года около 1577 или 1578 г., когда престол вновь занял Кучум. В казахских источниках убийство Ахмед-Гирея связывают с ханом Шигаем, союзником и будущим наследником Хакк-Назара. Конкретные причины убийства Шигаем Ахмед-Гирея были, скорее всего, связаны с противостоянием именно в эти годы Сибирского ханства казахам.

Некоторая активизация деятельности Кучума наблюдается в 1577 году, возможно, после гибели старшего брата от рук казахов. В июле 1577 года в Москву приходит отчет от детей боярских о поездке к ногаям, который видимо, отражает ситуацию весны этого года. В отчете Тимофея Лачинова говорится, что к Ак-мирзе, который являлся лидером Шихмаевичей и играл значительную роль в ногайской политике, приезжал посол Таилак за лошадьми и овцами, которые по договору Кучум должен был получить за свою дочь, выданную замуж за Ака. При этом Таилак встречался с Лачиновым и говорил, что «государь его Кучюм хочет вперед государю Царю и Великому Князю в дружбе бытии, и вперед от Государя не отстаточну быть, и хочет... в том и правду дати по своей вере». Другим послом Семеном Мальцовым было сообщено, что тогда же старший сын Кучума Алей женился на дочери ногайского бия Дин-Ахмата. Летом того же года сам ногайский бий в письме в Москву также пишет о «сватовстве с сибирским царем Кучумом» и далее просит «и хто его будет посол, и тыбе его пожаловал почтил...». В марте 1578 г. ногайскому бию Дин-Ахмеду из Москвы сообщали: «И у нас летом посол Кучюма царя сибирского был. А присылал Кучюм царь к нам бити челом о том, которая наша дань была на сибирской земле издавна от наших прародителей, и он давать хочет, а нам бы гнев свой отложить и держать к нему свое жалова-

нье». Было принято решение отправить в Сибирь с жалованной грамотой дорогу Добычу Лачинова «и дань свою имать постарине».

Еще раз обратим внимание на то, что новые попытки переговоров с Москвой начались только после смерти Ахмед-Гирея, которая условно относится к 1577-1578 гг. Складывается впечатление, что сама попытка смены в Искере Кучума на Ахмед-Гирея была связана именно с московской ориентацией первого и стремлением Бухары изменить это. Возможно, эти политические игры были отголоском возникающих экономических противоречий. Известно, что государства Средней Азии в большом количестве покупали у русских купцов меха пушных зверей, мед и воск. Причем значительная их часть шла из Перми через Строгановых, в том числе это были и меха из Сибири и Югории, отчасти полученные в виде ясака, а отчасти купленные вымичами. В этой ситуации резонно предположить, что Бухара была крайне заинтересована в прямом получении этих товаров от Искера, что и могло спровоцировать некоторые связанные с этим процессы. В этом отношении заслуживает внимания позиция А.В. Матвеева и С.Ф. Татаурова о том, что ожившие при Кучуме северные международные торговые пути послужили причиной падения Сибирского ханства⁶³. Выгодное географическое положение Искера сделало его территорией экономических и военных столкновений Москвы и Бухары.

Особняком здесь стоят действия 1581-1582 гг., которые наиболее удачно, на наш взгляд, реконструировал А.Т. Шашков⁶⁴, причем точная датировка этих событий во многом зависит от даты похода Ермака. На протяжении лета и осени 1581 года во владениях Строгановых под Чусовскими городками и Сылвенским острожком происходило восстание местных вогулов и остяков во главе с вогульским мурзой Бегбелией Ахтаковым, связанное с достаточно жестокой политикой Строгановых по отношению к ясачному населению. Восстание было подавлено, но вскоре в эти же земли подошли отряды пелымского князя Аблай-Герима с вогуличами, причем последние стояли под Чусовскими острогом еще осенью 1581 года. В грамоте от 6 ноября 1581 года Никите Строганову предписывалось объединить силы с Семеном и Максимом Строгановыми и пермскими

⁶³ Матвеев А. В., Татауров С. Ф. Пути сообщения Сибирских ханств // Вестник Омского университета. 2011. № 3 (61). С.96.

⁶⁴ Шашков А. Т. Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581-1582 гг. // Известия Уральского государственного университета. 1997. № 07. С. 35-50.

старостами, но при этом «воевать им не давали, чтоб вам всем от войны уберечись». Следует понимать, что пелымские князья вели перманентную войну с русскими властями еще с середины XV века. Исходя из этого, в походе вполне самостоятельного пелымского князя отнюдь не обязательно видеть влияние сибирского хана Кучума, несмотря на то, что они и могли быть союзниками.

Осенью 1581 – зимой 1582 года отдельные казачьи отряды, участвовавшие до этого в борьбе с ногаями, общей численностью до 540 человек зимовали на Сылве, откуда в течение зимы совершали набеги на вогулов. Столь большая численность отряда могла быть воспринята сибирским ханом Кучумом и рядом угорских князей как прямое вторжение на их территорию. В результате был организован ответный (возможно, совместный) поход в конце лета 1582 года, то есть как раз в то время, когда Ермак увел казаков в Сибирь. Согласно грамоте походом руководил пелымский князь, по Погодинскому летописцу, старший сын Кучума Алей, а по информации Вычегодско-Вымской летописи – сам сибирский царь. Столь же сильно отличается информация о результатах похода и его участниках. В наиболее подробном виде сообщение зафиксировано в Вычегодско-Вымской летописи: «Того же лета... пришедшу с тотары, башкирцы, югорцы, вогулечи, пожегл и пограбил городки пермские Соликамск и Сылвенский и Яйвенский и вымские повосты Койгород и Волосенцу пожегл, а Чердыню приступал, но взяти не взял». Строгановская летопись приписывает все эти действия именно пелымскому князю, однако перечень участников похода не позволяет согласиться с этой точкой зрения: «... з собою сылвенских и косвенских, яренских, инвенских и обдинских татар, остяков и вогулич, и вотяков, и башкирдцев...». Отметим, что все перечисленные группы татар проживали на территории Перми Великой или землях Строгановых по притокам р.Кама и не имели отношения собственно к Сибирскому ханству. На территории Приуралья фиксируются также и все остальные группы населения. Данный список не позволяет в качестве руководителя выделять пелымского князя и не дает однозначного основания для поиска «руки» сибирского хана. Резонно предположить, что речь могла идти об очередном внутреннем восстании, которое совпало с походом сибирских войск, скорее всего, под руководством Алея.

Таким образом, объективных факторов для эскалации именно московско-сибирского конфликта в 1582 года не выявляется. Имеющиеся ис-

точники не подтверждают предполагаемого роста немотивированной агрессивности сибирского хана в рассматриваемый период как возможной причины дальнейшей московско-сибирской войны. На тот момент обе стороны не были заинтересованы в обоюдных военных действиях, а их развитие стало одним из проявлений случайности в историческом процессе. В наиболее явной форме это фиксируется в «опальной» грамоте Ивана IV к Строгановым в 1582 году: «и то зделалось вашею изменою: вы вогуличь и вотяков и пелынцов от нашего жалования отвели, и их задирали и войною на них приходили, да тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас». Помимо этого в литературе существует точка зрения, что «все казачьи походы «по приобретению новых земель» совершались с согласия государства, но по воле казаков». Скорее всего, военные действия 1582 года были во многом спровоцированы, с одной стороны, инициативой Строгановых, которые опирались на царские пожалования к востоку от Урала и, с другой стороны, казаками во главе с Ермаком, которые определили собственно направление похода, ставшего фатальным для Сибирского ханства.

Само поражение Кучума было предрешено особенностями Сибирского ханства, несоответствием между его внутренними возможностями и внешними запросами. Кризис ханства стал одним из звеньев постепенного расширения власти Москвы в лесостепной и степной зоне Западной Сибири. Причины поражения следует искать не в слабости сибирского войска и тем более не в нежелании оборонять якобы незаконного хана, а в том, что татары, вооруженные в контексте степных достижений, привыкли к традиционным войнам и были не готовы к иной тактике. Не менее важным было то, что сибирские лидеры не смогли предложить единой идеологии, которой мог бы быть ислам или более традиционная опора на харизму, способной сплотить «разношерстное» население ханства. Хан Кучум и его потомки, несмотря на почти вековое сопротивление, были обречены в контексте начавшегося общего кризиса степной государственности под давлением расширяющихся оседлых государств. Этот процесс был закономерен для исследуемого периода, и гибель Сибирского ханства стала одним из компонентов постепенного исчезновения феномена кочевого могущества в Евразии.

Поражения от казаков стали основой для последнего этапа истории Шибанидской государственности в Западной Сибири, который характери-

зуется попытками хана Кучума (до его поражения в битве на Оби в августе 1598 г. и последовавшей гибели в 1601 г.) и его потомков Кучумовичей отстаивать независимость своего государства. Его специфика заключалась в том, что теперь русская администрация не была отделена от сибирских дел Уралом, а пыталась разместиться непосредственно в бывших угорских и татарских центрах. Потеря некоторых из них в условиях возможности сохранения кочевого образа жизни рядом сибирских аристократов, в том числе в окружении Кучума и его сыновей, не стала причиной для ликвидации местной государственности. Это видно и по сохранению за Кучумом и затем за его сыном Алеем титула сибирского царя. После пленения Алея в 1608 году иные Кучумовичи уже имели только статус царевичей. Вплоть до 1660-х гг. они еще имели поддержку как среди пришлых калмыков, так и среди местных тюрко-татарских племен. Если первые использовали потомков хана Кучума в своих интересах, то вторые зачастую реально выступали под лозунгом восстановления сибирской государственности, которая становилась идеалом, постепенно уходящим все дальше в прошлое.

Методические рекомендации

Изучение курса включает в себя лекционную и практическую (семинарскую) части, тематика которых разделена по проблемно-хронологическому признаку. Это позволяет охватить даже при условии заочного обучения большинство наиболее актуальных вопросов средневековой истории Западной Сибири. Для прояснения спорных вопросов предлагается также тематика контрольных работ и собеседование по избранной монографии. Самостоятельное знакомство с литературой позволит не только сдать текущий контроль, но и гораздо успешнее подготовиться к семинарским занятиям и экзамену. Однако при работе магистранта над научно-исследовательской темой, близкой к тематике дисциплины, может быть предложен и иной список работ, не противоречащий ее цели и задачам.

В рамках семинаров по спецкурсу предполагается обсудить 4 цикла вопросов: 1) Тюменское ханство в системе международных отношений XV века; 2) Тюмень и Сибирь в системе внешней политики первой половины XVI века; 3) внешняя политика Сибирского ханства второй половины XVI века; 4) поход Ермака и его последствия в условиях международ-

ных отношений. Обсуждение всех этих вопросов должно быть построено на изучении источников базы.

Семинарское занятие подразумевает два вида работ: подготовку сообщения на заданную тему и участие в обсуждении проблемы, затронутой сообщением. Сообщение не является принципиальным моментом семинара, будучи только провокацией, катализатором следующего за ним обсуждения. Сообщение должно занимать по времени не более 10 минут. Основной вид работы на семинаре – участие в обсуждении проблемы. Принципиальной разницы между подготовкой сообщения и подготовкой к обсуждению не существует. Отличие состоит в более тщательной работе с готовым материалом – лучшая его организация для подачи аудитории.

Подготовка к практическому (семинарскому) занятию начинается с тщательного ознакомления с условиями предстоящей работы, т. е. с обращения к планам семинарских занятий. Определившись с проблемой, привлекающей наибольшее внимание, следует обратиться к рекомендуемой литературе. Имейте в виду, что в семинаре участвует вся группа, а потому задание к практическому занятию следует распределить на весь коллектив. Задание должно быть охвачено полностью, и рекомендованная литература должна быть освоена группой в полном объёме.

Для полноценной подготовки к практическому занятию чтения учебника крайне недостаточно – в учебных пособиях излагаются только основы, в то время как в монографиях и статьях на ту или иную тему поднимаемый вопрос рассматривается с разных ракурсов. Если программа занятия предусматривает работу с источником, то этой стороне подготовки к семинару следует уделить пристальное внимание. В сущности, разбор источника не отличается от работы с литературой – то же чтение, конспектирование, обобщение.

Основные понятия

Улус Джучи, Великая Замятня, Тюменский / Туринский юрт (ханство), Сибирский юрт (ханство), Шибаниды, Тайбугиды.

Вопросы для самоконтроля

- 1 Деятельность представителей династии Шибанидов в период Великой Замятни и правления Тохтамышя.
- 2 Шибаниды в борьбе за ордынское наследие в начале XV в.
- 3 Внешняя политика Тюменского юрта при хане Абу-л-Хайре.

4 Расцвет Тюменского ханства при хане Ибрахиме: московско-тюменские отношения и претензии хана на ордынское наследие.

5 Казанский вопрос в истории Тюменского ханства конца XV– начала XVI в.

6 Шибаниды и Тайбугиды в истории сибирской государственности: летописные источники и историографическая традиция.

7 Характер приход к власти в Сибири хана Кучума и московско-сибирские отношения 1560-1570-х гг.

8 Ногайский и бухарский фактор внешней политики хана Кучума.

9 Завоевание Сибирского ханства в 1580-1590-х гг.: характер, причины, основные этапы, последствия.

10 Закономерности и случайности в продвижение России в Сибирь в XVI-XVII вв.

Список литературы

Источники

1 Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / пер. и предисл. Г. С. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М. ; Ташкент ; Баку, 1996. С. 3-186.

2 Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1. 1334-1598 гг. СПб., 1841. 596 с.

3 Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1958. Вып. 4. С.241-270.

4 Дополнения к актам историческим (ДАИ). СПб., 1846. Т.1. 400 с.

5 Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С. К. Ибрагимов и др. Алма-Ата : Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.

6 Сборник Русского исторического общества. Т.41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т.1. СПб. : Типография Ф. Елеонского и Компании, 1884. 631 с.

7 Полное собрание русских летописей. Т.13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб. : Типография Н.Ю. Скороходова, 1904. 303 с.

8 Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа есиповской летописи. М. : Наука, 1987. 255 с.

9 Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489-1508 гг. М. : АН СССР, 1984. 87 с.

10 Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. Махачкала : Дагкнигоиздат, 1995. 356 с.

11 Продолжение древней российской вивлиофики. СПб., 1795. Ч. X. 327 с.

12 Продолжение древней российской вивлиофики. СПб., 1801. Ч. XI. 315 с.

13 Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М. : Тип. Всеволожского, 1819. Т.2. 643 с.

14 Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М. : Тип. Всеволожского, 1894. Т. 5. 202 с.

Литература

15 История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы международной научной конференции. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. 136 с.

16 История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всероссийской научной конференции. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. 148 с.

17 Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани, 2006. 196 с.

18 Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. 168 с.

19 Матвеев А. В., Татауров С. Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань : Фэн АН РТ, 2012. 260 с.

20 Миллер Г. Ф. История Сибири. М. : Восточная литература РАН, 2005. Т. I. 630 с.

21. Небольсин П. Покорение Сибири. СПб. : типография И. Глазунова и Ко, 1849. 264 с.

22 Нестеров А. Г. Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XIV-XVI вв. // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов : материалы международной научно-практической конференции. М. : ИСАА при МГУ, 2003. С.111-114.

23 Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М. : ИНСАН, 1996. С. 280-520.

24 Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск : Наука, 1982. 254 с.

25 Солодкин Я. Г. Ермаково взятие Сибири: загадки и решения. Нижневартовск, 2010. 170 с.

- 26 Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2009. Вып.1. 232 с.
- 27 Средневековые тюрко-татарские государства. Казань : Ихлас, 2010. Вып. 2. 328 с.
- 28 Средневековые тюрко-татарские государства. Казань : Ихлас, 2011. Вып. 3. 212 с.
- 29 Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. 232 с.
- 30 Средневековые тюрко-татарские государства. Вопросы источниковедения и историографии истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань, 2013. Вып. 5. 228 с.
- 31 Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М. : АСТ, 2006. 445 с.
- 32 Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
- 33 Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. : Вост. лит., 2012. 231 с.
- 34 Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4 : Евразийское пограничье. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 8-51.

После работы с источниками необходимо ознакомиться с авторскими точками зрения, чтобы выявить между ними расхождения и выстроить историографическую картину. Для этого помимо использования ресурсов библиотеки КГУ рекомендуется обратиться к авторским страницам и иным электронным ресурсам.

Рекомендованные электронные ресурсы

Электронная версия публикаций А.В. Парунина. URL: <https://independent.academia.edu/AlexeyParunin>

Электронная версия публикаций Д.Н. Маслюженко. URL: <https://kgsu.academia.edu/DenisMaslyuzhenko>

Электронная версия публикаций И.А. Мустакимова. URL: <https://kpfu.academia.edu/IlyasMustakimov>

Электронная версия публикаций А.К. Бустанова. URL: <https://uva.academia.edu/AlfridBustanov>

IV РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В РЕГИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В.В. Пестерев

История изучения организации населения в пространстве – от античных этногеографических описаний до современных формализованных социогеографических построений – насчитывает не одно столетие. Вместе с тем универсальность форм человеческого общежития привела лишь к относительно небольшому разбросу вариантов социопро пространственной организации и соответственно небольшому количеству моделей описания этой организации.

Сегодня изучением пространственной организации населения занимаются преимущественно в рамках исследований систем расселения или поселенческих (селитебных) структур. На организацию населения, впрочем как и на весь спектр процессов и структур, имеющих пространственное проявление, неизбежно проецируются современные геометризованные и гомогенизированные представления о макропространстве.

Будучи «прозрачным», пространство выступает для общества, ограниченного поверхностью геоида, в виде некой абстрактной двумерной «подкладки». В принципе, это дает возможность описания социума средствами понятийного аппарата, употребляемого по отношению к физическому пространству, однако границы, в пределах которых такое описание будет научно корректным, очень узки. Терминологическим и операционным инструментарием теории физического пространства (по сути, средствами геометрии) могут быть отражены (как правило, графически) лишь наиболее формальные стороны социальной структуры: ее конфигурация, локализация ее элементов и их соотношенность на поверхности геоида, их плотность и концентрация, векторы информационно-вещественных потоков или взаимосвязей, и некоторые другие. Объяснены эти формальные аспекты, не говоря уже об аспектах содержательных, в рамках физического пространства быть не могут, поскольку физическое пространство на макроуровне изотропно, т.е. тождественно самому себе в любой своей точке, в то время как социальная структура предполагает нахождение свое в пространстве анизотропном (иначе не может быть объяснена ее дифференцированность). Теория физического пространства так и не стала ни

распространенной, ни даже сколько-нибудь известной среди концептуальных основ, используемых для описания пространственных проявлений реальных социальных организмов. Хотя отдельные признаки ее (примат формы над содержанием, описания над объяснением, дихотомичность социальной структуры и ее пространства и др.) в неявном виде наблюдаются сегодня в большинстве социально-географических направлений и школ.

Несомненно, определяющей для историографии проблемой (в плане различия подходов к ее решению) стали разногласия по поводу географического пространства как возможного фактора организации населения. Большинство из имеющихся на сегодняшний день версий решения этой проблемы либо признают в географическом пространстве искомый фактор («географический детерминизм»), либо не признают («географический индетерминизм»), либо занимают промежуточную, «компромиссную» позицию («географический POSSИБИЛИЗМ»). Однако полноценный анализ их аргументации все же заставляет констатировать, что единой концепции, корректной теоретически и методологически, относительно организации социума в пространстве на сегодняшний день так и не появилось.

История изучения русской колонизации Сибири являет собой пример, когда недостаточно выверенная семантика ключевых терминов (освоение и колонизация) делала малоубедительными любые попытки теоретического осмысления этого процесса. Для Г.Ф. Миллера, одного из первых крупных историков, обратившихся к данной теме, присоединение Сибири (термины «освоение» и «колонизация» им не использовались) было актом завоевания. В соответствии с этим и выстраивание колониальной структуры трактовалось им как следствие соображений военно-политического характера. Вместе с тем для историков последующего периода стало очевидным, что концепция «завоевания» не годится для описания уже ставшей к тому времени органичной частью Российского государства Сибири. В XIX – начале XX в. в работах С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и М.К. Любавского возникает принципиально новый взгляд на колонизацию как на едва ли не основной способ существования и развития русского народа. Причем «освоение», хотя и в традиционно узкохозяйственном значении, предстает здесь в качестве неременного атрибута колониационной деятельности, понимаемой как «заселение».

В советской историографии после непродолжительного возврата (в 20-30-е гг.) к концепции «завоевания» сколько-нибудь продуктивной мо-

дели колонизационно-осваивающей деятельности так и не возникло, показателем чего стала семантическая неупорядоченность в использовании базовых терминов. В настоящее время предпринимаются отдельные попытки разобраться с терминологией, однако результаты их малоубедительны. Для историков, не участвующих в терминологических спорах, характерен некоторый возврат к дореволюционной концепции колонизации, понимаемой как заселение, сопряженное с хозяйственным освоением. Терминологическая неразбериха и по сей день является фактором, препятствующим созданию «работающей» модели колонизационного процесса. А это, в свою очередь, отражается на полноте и достоверности наших представлений о конкретно-исторических проявлениях этого процесса, в том числе и об организации населения в осваиваемом пространстве.

Итак, отсутствие серьезной теоретической проработки ключевых терминов стало серьезным препятствием появлению комплексных и при этом целостных исследований русской колонизационно-осваивающей деятельности в Зауралье и Сибири в целом. В качестве теоретической основы для ее изучения мы предлагаем информационную теорию. Причем под последней понимается комплекс наиболее общих положений, используемых сегодня в рамках различных научных дисциплин и еще не упорядоченных в общую систему.

Состояние неопределенности, в котором пребывает сегодня общая теория информации, заставляет уделить особое внимание используемому нами теоретико-терминологическому инструментарию. Следует определить семантический объем используемых терминов, правила оперирования ими, а также базовые теоретические положения (аксиомы), задающие основу изложения и объяснения конкретно-исторического материала.

Несомненно ключевым является понятие информации. Если опустить его обыденные и узкоспециальные трактовки, то под информацией понимается: во-первых, мера организации системы («внутренняя», структурная информация; допускает только качественное измерение); во-вторых, мера модификации субъекта восприятия («внешняя» информация, допускающая количественное измерение; ее тем больше, чем значительнее изменения, претерпеваемые воспринимающей ее системой). Иными словами, первый аспект характеризует внутреннее состояние субъекта, его структуру; второй же отражает степень устойчивости/неустойчивости

этой структуры во взаимодействии с объектом (другой структурой или средой).

С информацией, вернее, с процессом ее восприятия тесно связано понятие информационного фильтра. Фильтры играют роль трансляторов и модуляторов информации. Собственно только благодаря им информационная система «видит» в мощном потоке неупорядоченных внешних сигналов что-то осмысленное. А поскольку процесс восприятия внешней информации есть процесс «уподобления» объекту, само существование системы зависит от наличия у нее мощных фильтров, т.к. ее «открытость» информационному шуму внешней среды неминуемо вызовет обвал деструктивных процессов. Только узость в восприятии среды и трансформация ее «по образу своему и подобию» (от чего зависит степень допустимой «открытости» среде) делают само существование системы возможным. Самым надежным фильтром является структура самой информационной системы. Поэтому можно говорить, что поступающая извне информация (внешняя) является во многом производной от информации структурной (внутренней). Воспринято может быть только то, что «знакомо», что поддается интерпретации и может быть как-то использовано.

Пространственное измерение информационных процессов придает последним некий объем, протяженность. Внешняя среда здесь становится основной частью информационного пространства, соответственно и реакция на него информационной системы (в данном случае мы имеем в виду социальный организм) приобретает пространственное содержание. Необходимо помнить о том, что внешняя информация есть производная от структуры воспринимающего ее субъекта, под информационным пространством будет пониматься прежде всего «пространство-для-субъекта». А поскольку последнее является основным фактором пространственной организации населения, наше исследование будет представлять собой попытку реконструкции того информационного пространства, остатки материально-вещественных и знаковых (документальных) порождений которого выступают для нас в качестве исторического источника. Подобная реконструкция в идеале должна воссоздать в полном объеме тот контекст, без которого адекватное понимание исследуемых процессов и структур не представляется возможным.

Из понятия информационного пространства нами выводится и концепт пространства осваиваемого. Вообще «освоение» обычно рассматри-

вают в его хозяйственном аспекте, как присвоение ресурсов жизнеобеспечения. Такое неоправданно узкое понимание не отражает всего богатства семантики термина и приводит к реальному сужению области научных исследований по этой проблематике. Предположение об информационном характере процесса освоения значительно расширяет эвристическую базу и, следовательно, пространство деятельности исследователя в этом направлении.

С точки зрения информационной теории любая внешняя информация для воспринимающей структуры есть ресурс (материально-вещественный, энергетический, информационно-технологический, временной). Освоение или присвоение (делание «своим», на что указывает и этимология термина) этого ресурса означает, таким образом, что субъект освоения «увидел» в осваиваемом объекте что-то «знакомое», некие черты самого себя. Иными словами, мерой освоения может быть названа степень «узнавания» объекта, нахождения в нем «знакомых» черт. Причем, основывается ли эта «знакомость» на реальных структурных аналогах воспринимающего и воспринимаемого или на превратно интерпретируемой, недостаточной или недостоверной информации, большого значения не имеет (если, конечно, эта ошибка не фатальна для осваивающего субъекта). Кроме того, все это делает принципиально возможным резкое увеличение степени освоенности объекта путем направленного увеличения его «похожести» на субъект, вплоть до их полного слияния.

Не следует, однако, воспринимать процесс освоения как процесс односторонний. Многочисленные информационные фильтры, конечно же, ограничивают возможности серьезной модификации субъекта освоения в его столкновении с объектом, но не могут быть гарантом полного отсутствия мутаций. По-настоящему серьезным фактором качественной модификации осваивающей социальной структуры в процессе восприятия новой информации является рост хаотичности этой структуры, влекущий за собой слом или ослабление информационных фильтров и, как следствие, значительно более полное соответствие осваивающего субъекта осваиваемому объекту. В этом случае «освоению» со стороны внешней среды подвергается сам субъект. Таким образом, именно степень хаотичности структуры определяет ту грань между активным по определению освоением и пассивным приспособлением, на которую ставит эту структуру новая информация.

Термин «освоение» является родовым по отношению к термину «колонизация». Под колонизацией понимается процесс максимального преобразования объекта освоения, превращение его в субъект. Как правило, подобная степень освоения достигается путем масштабного переноса структурной информации из метрополии в колонию (заселение) либо путем включения осваиваемых реалий в структуру функционирования осваивающего субъекта, придающих колониальной структуре максимальное сходство со структурой метрополии.

Вместе с тем следует учесть, что начальные этапы колонизации характеризуются наличием особых информационных фильтров (главным образом фильтры цели), что детерминирует узконаправленность в считывании средовой информации и соответственно значительное упрощение колониальной части социальной структуры. Это позволяет решать конкретные задачи колонизации и в то же время свести к минимуму мутационное влияние среды на самоорганизующуюся колониальную структуру. Дело в том, что даже та доля «открытости» среде, которой обладает метрополия, делала бы колонию весьма уязвимой, поскольку последняя в отличие от метрополии обычно не обладает (по плотности информационных носителей, как людских, так и материально-вещественных) достаточной мощности информационным фильтром. В свою очередь, чрезмерная «открытость» среде и относительная слабость информационных фильтров могли обусловить рост хаотичности колониальной структуры, что, с одной стороны, конечно способствовало бы более адекватному ее реагированию на факты среды, но, с другой – и инициировало бы процессы дивергенции (расхождения квалифицирующих признаков) колонии и метрополии.

Процесс колонизации Зауралья конца XVI – первой половины XVIII века очень хорошо иллюстрирует указанные выше теоретические выкладки. Сложное сочетание внешних и внутренних факторов этого процесса позволяет отойти от бытующего представления о мутациях в колонии как прямом следствии тех или иных местных условий. Более того, это позволяет показать условность самого разделения факторов на внешние и внутренние. Факты внешней среды лишь тогда воздействуют на социальную структуру, когда становятся фактами среды внутренней. Поскольку, согласно общетеоретическим соображениям, внешняя информация есть во многом производная от информации внутренней, прямая зависимость со-

циума от внешних условий становится еще более сомнительной. Социальная структура в процессе колонизации новых территорий находит в них прежде всего саму себя, видит в них отражение своих представлений и потребностей. Этот тезис позволяет вычленивать два крайних варианта в процессе пространственной организации колонии. В первом варианте перенос или максимально точное воспроизведение на новой территории структуры метрополии позволяет избежать или свести к минимуму возможные мутации колониальной структуры. Если местные условия не будут препятствовать, колония будет простым продолжением или повторением метрополии. Во втором варианте накопление ошибок или повышение общего уровня хаотичности структуры при переносе или воспроизведении ее в колонии (в том числе и под воздействием местных факторов) неизбежно приведет к такому же ошибочному (отличному от традиционного для данной структуры) восприятию новой среды. Соответственно новые средовые представления будут транслировать и укреплять мутации колониальной структуры, делать ее отличия от метрополии все более устойчивыми и инертными. Реальные колонизационные процессы, в том числе и рассмотренная нами колонизация Зауралья, обычно сочетают в себе признаки обоих вариантов.

Элементарные субъекты поселенческой структуры – конкретные поселения – являются наглядным примером вторичности, производности пространственных представлений от свойств самой структуры социума. Поселения служат одними из основных репрезентантов пространства. Имея в основе своей пространственной локализации по большей части конъюнктурные, и даже просто случайные обстоятельства, населенные пункты, тем не менее, уже самим фактом своего существования изменяли «силовые линии» информационного пространства, конституировали его, делая тем самым свое бытие неслучайным, оправданным. Различия в информационно-пространственной локализации отдельных поселений определяли их различный статус и качественную разнородность. На первом этапе колонизации Зауралья его информационное пространство было слабо дифференцированным и отличалось крайней узостью. В соответствии с этим и начальная поселенческая структура колонии была представлена почти исключительно городами и во многом тождественными им острогами. Функции их также не отличались большим разнообразием: военно-административная, административно-фискальная, транспортно-коммуни-

кационная. Вместе с тем исполнение этих функций было связано с факторами в значительной степени конъюнктурными и не оправдывающими в полной мере существование самих городов. Начинается процесс воссоздания полноценной, иерархически структурированной поселенческой структуры, где городские поселения являются важным и необходимым элементом. Причем первым сибирским городам, являвшимся носителями «зародышей» других типов населенных пунктов: острогов, слобод, монастырей, деревень, заимок приходилось воссоздавать эту структуру «из себя».

Образования низшего уровня организации поселений, названные нами локальными поселенческими комплексами, обладали значительной степенью целостности и являлись более сложноорганизованными субъектами пространственной организации, нежели отдельные поселения. Монастырские поселенческие комплексы, в отличие от подобных образований у городов, острогов и слобод, были менее унифицированы в своих пространственных проявлениях, которые в большей степени зависели от инициативности монастырского руководства. Это давало преимущества такого рода, что монастырские вотчины (дискретного и смешанного типа) имели возможность пользоваться самыми разнообразными ресурсами, чего были обычно лишены целостные комплексы. Однако такая возможность оплачивалась слабой связностью и структурной неустойчивостью монастырских поселенческих образований.

Специфику поселенческих массивов на субрегиональном и региональном уровнях определяли главным образом коммуникационные линии, будь то транспортная инфраструктура или устойчивые материально-вещественные и информационные потоки. Именно коммуникации позволяли существовать столь узкофункциональным группам поселений, как уральские металлургические заводы и линии крепостей на южной границе. Не имея возможности обеспечить себя всеми необходимыми ресурсами, данные поселенческие массивы должны были либо заняться своим жизнеобеспечением самостоятельно (что поставило бы их на грань нефункциональности), либо наладить устойчивые отношения с поставщиком ресурсов – массивом земледельческих поселений, в форме более или менее эквивалентного обмена. В начальный период колонизации Зауралья существование всей колонии зависело от подобной коммуникации. Другое дело, что функциональность этого региона зависела, напротив, от его возможностей к самостоятельному ресурсному обеспечению.

Информационные потоки также оказывали свое воздействие на колониальную поселенческую структуру, причем воздействие это было едва ли не ощутимее потоков людских и материально-вещественных. Условия протекания информации в колонии обусловили появление крайне интересного информационного феномена. Хроническое запаздывание жизненно важной информации привело к неспособности административной структуры колонии к контролю за ситуацией в режиме реального времени. Сопряженное с этим отсутствие механизмов принятия экстренных решений на местах, а стало быть, и неспособность к адекватной реакции, привели к возникновению практики «опережающего отражения» – попыткам поиска в настоящем ростков возможного опасного будущего и их нейтрализации.

Методические рекомендации

Специфика содержания данной дисциплины, во многом построенного на материалах диссертации (2002 г.), монографии (2005 г.) и цикле научных статей (1999-2011 гг.) автора-разработчика, позволяет не только ознакомить магистрантов с основными проблемами научной картины русской колонизации в целом и русской колонизации Урала и Сибири в частности, но и дать им возможность чуть ближе ознакомиться с «кухней» научного исследования, с конкретными примерами постановки научной проблемы, выявления и решения частных исследовательских задач, выбора способов представления результатов своей научной деятельности. Для магистрантов, работающих над своим выпускным квалификационным исследованием (магистерской диссертацией), этот опыт может оказаться небезынттересным и в методическом плане.

В ходе текущего контроля к обсуждению могут быть предложены следующие темы, форма работы – беседа-обсуждение:

1 Проблема типичности – уникальности русского колонизационного процесса.

2 Проблема детерминированности – случайности русской колонизации Сибири и ее воздействия на российскую историю в целом.

3 Проблема оценки эффективности национальной политики российских властей в отношении аборигенного населения.

4 Проблема соотношения процессов организации–самоорганизации в становлении русской колонии в Сибири.

5 Проблема конфликта – сотрудничества государственного и вольнонародного импульсов в развитии русской колонии в Сибири.

6 Проблема факторов тождества – различия между частями российского государства в метрополии и сибирской колонии.

7 Проблема воздействия исторической памяти и регионального сознания на процесс дивергенции метрополии и колонии.

8 Проблема региональной самоидентификации как производной специфики протекания колониальных процессов.

9 Проблема влияния современной региональной самоидентификации на научно-историческую картину протекания колониальных процессов.

10 Проблема соотношения научного – ненаучного компонентов в построении современного обыденного представления о причинах и обстоятельствах колонизации Сибири.

Основные понятия

Колонизация, освоение, заселение, расселение, метрополия, колония, фронт, пространственная организация населения, «внутренняя колонизация», парадигмы пространственного восприятия, репрезентация географического пространства, административное освоение, хозяйственное (промысловое, промышленное, аграрное) освоение, поселенческая номенклатура, поселенческие комплексы, колониальные коммуникации, территориальная связность, территориальная специализация, колониальное информационное пространство.

Вопросы для самоконтроля

1 Перечислите и кратко охарактеризуйте основные теоретико-методологические модели колониальных процессов.

2 Выявите возможности и ограничения в применении той или иной теоретической модели колониальных процессов к феномену русской колонизации.

3 Охарактеризуйте основные направления и проблематику источниковедческого и историографического осмысления феномена русской колонизации.

4 Дайте краткую характеристику основным особенностям восприятия и репрезентации географического пространства в процессе русской колонизации Урала и Западной Сибири.

5 Укажите основные особенности административно-хозяйственного освоения территории Урала и Западной Сибири в период ее активной колонизации.

6 Поясните характер воздействия колониальных коммуникаций на ход колонизации Урала и Западной Сибири.

7 На примере русской колонизации Урала и Западной Сибири охарактеризуйте основные особенности процесса трансляции поселенческой номенклатуры из метрополии в колонию.

8 Перечислите основные факторы организации и функционирования колониальных поселений в процессе русской колонизации Урала и Западной Сибири.

9 Покажите основные сценарии появления и развития локальных поселенческих комплексов в процессе колонизации Урала и Западной Сибири.

10 Охарактеризуйте особенности осуществления информационного обмена в пределах колонии и в ее взаимоотношениях с метрополией; приведите примеры колониционных феноменов, имеющих информационную природу.

Список литературы

Основная литература

1 Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. Иркутск, 2002.

2 Американский и сибирский фронт. Томск, 1997.

3 Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 2000.

4 Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

5 Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

6 Пестерев В. В. Общество колонизирующее: экспансия, диссипация и репродукция целостности // Россия в новое время: единство и многообразие в историческом развитии : материалы Российской межвузовской научной конференции 28-29 апреля 2000 г. М., 2000.

7 Пестерев В. В. К теории колониционных процессов: общество и его информационно-семиотический контекст // Многокультурное измерение исторического образования: теория и практика : Пятое всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2001.

8 Пестерев В. В. Географическая среда и факторная природа социального развития в свете информационной теории // Историческое пространство России: инерция и трансформация : материалы Всероссийской научной конференции (12 мая 2003 г.). Челябинск, 2003.

9 Пестерев В. В. Организация населения в колонизируемом пространстве: Очерки истории колонизации Зауралья в конце XVI-XVIII вв.: монография. Курган, 2005.

10 Пестерев В. В. Этногеографические стереотипы как фактор колонизационных процессов (на примере промышленного освоения Урала) // III Емельяновские чтения: Миграционные процессы и межэтнические взаимодействия в Урало-Сибирском регионе : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 27-29 марта 2008 г.). Курган, 2008.

11 Пестерев В. В. К вопросу о степени развития русской картографии в XVI–XVII веках // Вестник Курганского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2006. Вып. 2.

12 Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: Фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.

13 Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории. М., 2009.

14 Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013.

Дополнительная литература

1 Замятина Н. Ю. Сибирь и Дикий Запад: образ территории и его роль в общественной жизни // Восток. 1998. № 6.

2 Ремнев А. В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004.

3 Ремнев А. В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: Колониализм без Министерства колоний – русский «Sonderweg»? // Imperium inter pares: роль трансферов в истории российской империи (1700–1917). М., 2010.

4 Ремнев А. В., Суворова Н. Г. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. Т. 11 (129). 2008.

5 Ремнев А. В., Суворова Н. Г. «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные культуртрегеры» // Ab Imperio. 2008. № 2.

6 Сандерланд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: роль трансферов в истории российской империи (1700-1917). М., 2010.

7 Сили Ш. Возникновение и источники теории «колонизации» С.М. Соловьева // Вопросы истории. 2002. № 6.

8 Супоницкая И.М. Колонизация земель: Сибирь и американский Запад (вторая половина XIX в.) // Одиссей: Человек в истории. М., 1989.

9 Фадеичева М. Урал в системе «внутреннего колониализма» // Свободная мысль. 2007. № 6.

Базы данных, информационно-справочные и поисковые системы

Сибирская Заимка: История Сибири в научных публикациях. URL: <http://zaimka.ru>

Ойкумена. Регионоведческие исследования. URL: <http://www.ojkum.ru>

Персональный сайт В.В. Пестерева с электронными версиями работ по тематике дисциплины. URL: <http://www.midday.narod.ru>

У ГОСУДАРЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII В.

С.В. Путилин

«Именно служилые люди совершили в XVII в. большую часть географических открытий на северо-востоке Азии и в первую очередь усилиями сибирских стрельцов и казаков были присоединены к Русскому государству новооткрытые «земли». Ратные люди построили в Сибири XVII в. практически все города; первые сельские поселения часто также основывались служилыми людьми (особенно в южных и восточных уездах). До конца XVII в. служилое население превосходило по численности все остальные социальные группы Сибири (исключая аборигенов). Защита русских селений и ясачных волостей от вражеских набегов осуществлялась главным образом силами все тех же служилых людей, выполнявших, кроме того, множество поручений административного характера, без которых не было бы возможно не только функционирование государственного аппарата на колонизируемой территории, но и нормальное экономическое развитие сибирских земель в XVII в. Такой подход...позволяет ...признать, что на раннем этапе колонизации самой заметной фигурой в Сибири являлся служилый человек», – так справедливо оценивает роль служилых людей в присоединении Сибири к Московскому государству известный специалист в данной области Н.И. Никитин [7, 172-173].

Несмотря на очевидную значимость служилых людей⁶⁵ в освоении Западной Сибири⁶⁶ в конце XVI – начале XVIII в.⁶⁷ и изучение разнообраз-

⁶⁵ По нашему мнению, применительно к служилым людям более оправданным является применение термина «социальная общность». Служилая (социальная) общность – это совокупность людей, объединяемых идеей служения государю, которая является их главной ценностью и целью в совместной практической деятельности (службе). Служилая общность разделяется на два социальных слоя по условиям несения государевой службы: высший (воеводы и их товарищи), отвечающий за управление территорией в целом, и низший (дети боярские, казаки, стрельцы), занятые исполнением конкретных разноплановых поручений. Подчеркнем, что главный интерес всех представителей служилой общности – это служба государю, а критерием для разделения всех занятых в этой сфере лиц служат условия и характер службы. Термины «служилая общность» и «служилое население» будут употребляться как тождественные.

⁶⁶ Под Западной Сибирью применительно к рассматриваемому периоду подразумеваются Тобольский, Верхотурский, Тюменский, Туринский, Тарский, Пелымский, Сургутский, Березовский, Томский, Кузнецкий уезды, которые обладали всем богатством единого социокультурного развития. Несмотря на определенные региональные различия, служилые люди выполняли ряд общих для всех них обязанностей, обладали примерно однообразным мировоззрением и социальным статусно-ролевым набором, по образу мыслей и образу действий во многом совпадали.

ных сторон их деятельности, сегодня отсутствует анализ социальной психологии данной категории русского населения. Проведение исследования по реконструкции мировоззрения служилых людей позволит понять механизм функционирования государства через субъективную плоскость – людей. Государь как главное содержание власти и общества является ключевой фигурой для понимания политических и социальных представлений наших предков. Не менее важно выяснить восприятие ими службы.

Для разрешения этой проблемы историко-антропологического плана нам необходимо определиться с методологией исследования. Наряду с использованием в работе традиционных принципов (историзма и научной объективности) и методов (историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический) исторического познания применяются нетрадиционные методики получения знаний о прошлом. Речь идет об историко-антропологическом методе, междисциплинарных связях и контент-анализе.

«История – это наука о людях во времени», – абсолютно правомерно заявляет один из основателей «Школы Анналов», известный французский ученый Марк Блок [1, 18]. Данное утверждение положено в основу авторского видения исторического процесса. Главными субъектами, творцами истории являются живые люди. Это основа историко-антропологического метода. В процессе взаимодействия люди образуют реальность «второго порядка» – социальную реальность.

Человек становится человеком в процессе общения с другими людьми, что обуславливает первостепенную важность изучения, прежде всего, общества. Точнее говоря, представлений об обществе. Его изучение как сложной субъективно-объективной реальности должно опираться на определенные теоретические конструкции. Обратимся к концепции «социального пространства» известного французского социолога П. Бурдьё. По его мнению, люди в своем взаимодействии в физическом пространстве («реальность первого порядка») образуют свое общественное (социаль-

⁶⁷ Хронологические рамки исследования сосредоточены в конце XVI – начале XVIII в. Уже в конце XVI века есть все основания утверждать о существовании специфического мировосприятия и самосознания сибирских служилых людей, поскольку присоединение Западной Сибири идет активным образом и заканчивается в 20-е гг. XVIII века. Происходит процесс непрерывного заселения и освоения огромных территорий. Служилые люди выполняют ряд стратегических функций при осуществлении указанного процесса. В начале (первой четверти) XVIII в. происходят существенные изменения в области организации и государственного обеспечения служилых людей, что повлекло существенную трансформацию служилого населения и изменение их социокультурных представлений.

ное) пространство («реальность второго порядка», «ментальная структура»), более мелкими структурными разделами которого являются «поля», отражающие своими пропорциями реальное соотношение неравномерного распределения «капиталов». «Капитал» – определенные виды благ и ресурсов, вокруг которых складываются социальные отношения во время борьбы за них. Капитал – это социальная характеристика, придающая его владельцу влияние и власть в обществе. «Социальные агенты» – это люди, являющиеся активными носителями социальных практик и способные осуществлять стратегии поведения для сохранения или изменения своей позиции в социальном пространстве. Исходя из вышеназванного, государь будет рассмотрен в работе в качестве социального агента, обладающего определенными капиталами [3]. Речь пойдет, прежде всего, о тех характеристиках (капиталах), которыми наделяют государя разные слои служилой общности.

Для выявления социальных капиталов государя используется методика контент-анализа. «Сущность методов контент-анализа сводится к тому, – пишет один ведущих отечественных специалистов в области исторической информатики Л.И. Бородкин, – чтобы найти такие легко подсчитываемые признаки, черты, свойства документа (например, частота употребления определенных терминов), которые с необходимостью отражали бы его существенные стороны его содержания. В таком случае качественное содержание делается измеримым, становится доступным точным вычислительным операциям. Результаты анализа становятся более объективными» [2, 139]. Главный этап контент-анализа – составление списка интересующих исследователя символов (первичных понятий, индикаторов), затем вводят категории – более укрупненные смысловые единицы (ключевые проблемы), представляющие классы символов. Смысловой единицей должна быть социальная идея, социально значимая тема (одно слово, некоторое устойчивое словосочетание слов или может вообще не иметь явного терминологического выражения, а преподноситься описательно в тексте). Данный метод используется для реконструкции не только качественных характеристик, но и количественной определенности представлений служилого населения. С его помощью отражаются существенные стороны мировоззрения служилого человека по доступным признакам и свойствам источника.

В социальном пространстве Сибири, согласно обобщенным представлениям служилой общности XVII – начала XVIII в. наиболее значимой социальной персоной является государь (царь) (74,9%), все остальные социальные агенты занимают достаточно скромное место и располагаются в следующей последовательности исходя из процентного веса каждого: служилые люди (11,3%), воеводы (9,7%), и, наконец, крестьяне упоминаются меньше всего (4,1%). Иными словами, в сознании служилой общности государь упоминается наиболее часто, несколько реже встречается упоминание служилых людей, еще меньше – воевод и крестьян. Хотя в реальности в социальной структуре сибирского русского общества крестьяне были наиболее многочисленной категорией. В этом и состоит *субъективное отражение* социальной структуры в сознании служилой общности.

В обобщенных представлениях служилой общности XVII – начала XVIII века социальный агент «государь» имеет два главных⁶⁸ капитала: собственность: 50,6% и приказ: 49,4%. Любопытно совпадение их процентного веса почти на одном уровне. Рассмотрим подробно каждый из капиталов государя. Исходя из методологической целесообразности нами произведена типологизация значений государя по обладанию тем или иным капиталом.

Один из главных капиталов государя – это *собственность*. Слово «собственность» означает, как известно, в самом широком смысле право владения, признаваемое обществом. Опираясь на источники, мы смело можем констатировать факт распространения права собственности государя на движимое (деньги, товары, средства производства и т. д., 22,3%) и недвижимое (земля, сооружения, 14,6%) имущество, а также на людей (министериялитет⁶⁹, 11,6%). Рассмотрим подробнее каждый подвид из капитала «собственность».

Применительно к персоне государя – царя чаще всего в источниках встречаются случаи употребления его тесной связи с движимым имуществом. Среди видов движимого имущества упоминаются ясак и казна,

⁶⁸ Нередко государь встречается с эпитетом «великий», который нами не подсчитывается в отдельный капитал. Разве может любой из государей не быть великим? Ответ очевиден: конечно же, само слово «государь – царь» есть обозначение человека, далеко превосходящего по своему уровню и значению обычного рядового гражданина.

⁶⁹ Министериялитет – отношения односторонней зависимости одного человека с совокупностью определенных прав по отношению к другому лицу, имеющего только обязанности. Несмотря на то, что это слово германского происхождения, оно вполне точно характеризует отношения между государем и народом в позднесредневековой России (XVI-XVII вв.).

включающая деньги, различные предметы и вещи. Но именно ясак имеет первостепенное в данном случае значение (13,5%).

Уже в самом начале «присоединения» Сибири ситуация с ясаком получила свое начало. В конце 1581 г. Ермак и его дружина отправили вестников к царю с сообщением о том, что иноземцев «по их вере привели многих, ..., и *ясак*⁷⁰ им давати *царю государю* по вся лета бес переводу ...» [9, 123]. Главная обязанность иноземцев в отношении царя даже в понимании казачьего атамана состоит в выплате ясака. В 1585 г. с Москвы пришел воевода И. Мансуров поставил «городок» на берегу р. Оки, к которому через несколько дней пришло множество остяков. Однако огнестрельное преимущество русских людей перед количественным фактором оказалось решающим. «И от того часа отступиша от городка и отидоша кииждо восвоясы и быша мирны, и начата *государю* давати *ясак* и многия приносить запасы воеводе с товарищи» [9, 252]. Как видим, предварительные мысли Ермака о ясаке – как главном интересе государя в Сибири получил дальнейшее логическое продолжение. Посланный воевода начинает подчинять местные коренные народы Сибири, а в качестве их лояльности русской власти он требует от них «*давати ясак*» царю. В 1675 г. кузнецкий воевода Григорий Волков в отписке томскому воеводе Данилу Барятинскому соглашается с необходимостью «которые *ясашные* люди в прежних давних летех великим *государем ясак* платили и после того были в измене...» не должны подвергаться наказанию «до указу великих государей». Ныне ситуация относительно стабильная, ибо «служилые люди ...посыланы были для *государева ясашиного* сбору» [4, 232]. В 1708 г. остяки Березовского заявили, что «великому государю ... *ясак* платить по прежнему ради» [8, т.1, 325]. Нет, не воеводе, которому привозили ясак, а государю принадлежит собираемый ясак вне зависимости от различных этапов по его сбору и транспортировке.

Исходя из вышесказанного относительно ясака как главного движимого имущества, мы можем констатировать следующее. Первоначально представления русских людей в целом и служилых людей Сибири в частности подразумевали признание за Сибирью богатого пушным краем. И действительно, в сибирских лесах обитало много различных представляющих общемировую ценность зверей. К тому же, коренное население в основном жило за счет звериного промысла. В столице русского государ-

⁷⁰ Здесь и далее курсив в тексте – авторский.

ства сразу же заинтересовались возможностью извлекать ценные меха из Сибири для внутригосударственных нужд и внешнеэкономических связей. Тем более, приводя в подчинение царской власти коренные народы Сибири, необходимо было продумать конкретные формы зависимости последних. Все русское население к тому времени платило в пользу государства различные налоги и выполняло различные физические службы. Подчиняемые сибирские народы было решено, прежде всего, обязать выплачивать ясак представителям русской власти. Это был оптимальный вариант взаимоотношений. В дальнейшем представители коренных народов получили возможность даже служить государю при условии принятия христианства. Источники зафиксировали употребление служилыми людьми понятий «государь» и «ясак» в одной смысловой связке чаще, чем другого вида движимого имущества – казны. Проблема сбора ясака являлась главной проблемой для всех слоев служилого населения. Словосочетание «государев ясак» стало устойчивым. Воевода отправлял «ясатчиков» (непосредственных сборщиков) для сбора ясака, из-за которого часто возникали военные столкновения. Причина довольна проста: местные князцы при каждом удобном случае пытались оппозиционно настроить ясачное население против русской власти. Соответственно, нередко возникали «недоборы» ясака. Но никто из разных слоев служилой общности никогда не считал собираемый ясак своей собственностью. Ясак всегда воспринимался государевой собственностью, что находило выражение в понятии «государев ясак».

Вторым по значимости элементом движимого имущества государя является казна. Если с ясаком в содержательном плане все достаточно просто (это ценные меха, шкурки диких сибирских зверей), то понятие «казна» является более разнообразным (сюда могут входить и деньги, и продукты сельского хозяйства, и любые принадлежности для развития Сибири). Приведем несколько наиболее ярких примеров. «В лета 7088-го году, – сообщает автор Лихачевской редакции, – летом, цар государ и великий князь Иван Васильевич, всеа Росии самодержец, послал в Астрахань на судах казну свою денежную и свинец, и порох; и как будут с казною против реки Самары, и выгребли ис Самары реки в стругах ясаулных многие яицкие казаки и волские со огненным боем, и государеву казну всю погромили, и воеводу князь Григорья Засекина и всех людей побили, и всю казну царскую взяли» [9, 120]. В данном случае мы сталкиваемся с

пониманием казны в качестве денежных и военных запасов. Такое понимание казны встречается наиболее часто. Как видим, в понятие «казна» чаще всего входили, главным образом, деньги.

Низшие слои служилой общности среди видов движимого имущества отдают предпочтение ясаку, а высшие слои служилой общности считают, что и ясак, и казна в равной степени являются составными элементами движимой собственности государя. Иными словами, по мнению рядовых казаков, для государя характерно обладать преимущественно ясаком, а воеводы считают, что для государя имеют одинаковый вес обладание не только мехами (шкурками ценных зверей), но и деньгами в совокупности с различными товарами и продуктами.

Чем объяснить данное различие в представлениях между низшими и высшими слоями служилой общности?

Причина обнаруженного различия, по всей видимости, состоит в различии выполняемых функций между разными слоями служилой общности. Низшие слои отвечали за непосредственный сбор ясака, который нередко занимал продолжительное время (иногда свыше года), и именно такова была главная задача, которая ставилась верховной властью. Высшие слои также отвечали за сбор ясака, но, кроме того, занимались сбором прибыли (в различной форме) в других государственно-важных делах.

Следующим видом собственности государя является недвижимая. Можно ли сказать, что среди видов недвижимой собственности государя серьезные приоритеты на стороне какой-либо из них? Нет, таких данных источники в целом не дают (например, в сравнении с предыдущим видом движимой собственности, где явный перевес на стороне ясака). Здесь примерно одинаковый вес имеют объекты движимой собственности: города (4,5%), государство – вотчина (4,0%), пашни (3,5%) и слободы (2,6%).

В самом начале Погодинского летописца мы находим географическое описание Сибири: «Сия убо Сибирская страна полунощие, отстоит же от Росииского *государства* от царствующаго града Москвы многое расстояние, Суть же промеж Московскаго государства и Сибирские земли облежит Камень превысочаинш, яко инеми холми блиско досязати облак небесных. И сего же Камени многие рекии истекоша, овии поидоша к Росиискому *государству*, а инии поидоша в Сибирскую землю...» [9, 129]. В нескольких предложениях Погодинского летописца обнаружива-

ется два вида недвижимой собственности государя: государство и город. Два раза государство названо Российским, а один раз Московским. Естественно, что и в том и в другом случае речь идет о той территории, на которой действует власть государя. Город царя – это Москва, откуда царь правит страной. Более того, государство в некоторой степени противопоставляется Сибири («Сибирская страна», «Сибирские земли», «Сибирскую землю»), которая первоначально не входила в орбиту влияния российского государя.

В 1631 г. обеспокоенный тобольский воевода Федор Телятевский пишет туринскому коллеге Юрию Волынцову о том, что «...в Туринском остроге туринские пашенные крестьяне объявились многие прожиточные и семьянистые, а *государевы* они *пашни* пахут мало». Что же делать? В качестве решения проблемы предлагается «отделить от туринских от пашенных от семьянистых крестьян на *государеву пашню* на новое на Иванчинское усадище» и далее следуют конкретные имена и фамилии зпжиточных крестьян [6, т.2, 441]. Государь в таких обстоятельствах выступает как собственник пашенных земель.

В 1700 г. томский воевода Григорий Петров-Соловово информирует государя, что «киргизкия князцы и улусныя их люди...в Кузнецкия уезды войною по вся годы приходят беспрестанно,... и под твои великого государя *города* и *остроги* и на *уезды* и в *ясаинья волости* войною приходят...» [8, т.1, 21, 23]. В качестве собственности государя мы имеем города, остроги, уезды и волости.

Получается, что практически вся территория Сибири воспринималась на разных уровнях административного деления (пашня – слобода – города – государство) недвижимой собственностью государя.

Представления отдельных слоев служилой общности иначе распределяют иерархию недвижимого имущества государя. Низшие слои считают государя обладателем, в первую очередь, государства, вотчины (5,8%) как своей собственности, далее следуют слободы (4,8%) и города – остроги (4,5%), а пашни [1,6] занимают последнее место среди видов его недвижимого имущества. Высшие слои, напротив, считают, что государь, прежде всего, владеет пашнями (5,5%), затем идут города – остроги (4,3%), несколько дальше располагаются государство (4,0%), а слободы (2,6%) значат для него меньше всего. Другими словами, в глазах казачества государь – это собственник всей территории, государства – вотчины,

в которой располагаются слободы и города. Воевода считает, что государь – это, прежде всего, владелец пашенных земель и городов.

Чем объяснить данное различие? Рядовые казаки в силу своих обязанностей чаще всего находились в различных разъездах (сбор ясака, военные походы) по всей территории Сибири. Находясь в глубине незнакомых земель (того или иного местного князька), служилый человек хотел чувствовать себя защищенным и правым в исполняемой деятельности. В этом смысле ощущение того, что все сибирские земли принадлежат государю, служило психологической защитой для него во время дальних поездок. Если бы он, будучи постоянно в разъездах, знал, что это абсолютно чужая территория, то свою деятельность он воспринимал как незаконную и находился в психическом состоянии постоянной тревоги. Слободы и города являлись местами дислокации и проживания служилых людей. Поэтому нет ничего удивительного в упоминании их в числе основных.

Высшие слои служилой общности считают пашни первостепенной недвижимой собственностью по причине того, что именно с них они получали существенный источник пополнения государственной казны. Каждый из воевод старался как можно больше привлечь новых крестьян обрабатывать «государеву пашню» и приносить ему доход как в натуральном, так и в денежном виде. Это было одним из критериев успеха воеводской деятельности. На втором месте по степени важности воеводы ставят города как вид недвижимой собственности государя. Это обстоятельство связано напрямую с местом их пребывания, а все мы знаем, что воеводы назначались исполнять свои обязанности в конкретный город, из которого руководили всем уездом.

Подводя итог рассуждениям, выскажем следующие соображения. Каждый из слоев выдвигает на первый план тот вид недвижимой собственности государя, который непосредственно связан с выполнением его профессиональных обязанностей. Лишь на второе место по значимости выходит вид собственности государя, связанный с местопребыванием служилого человека. Казак выполняет свои функции в активной физической деятельности по обширной территории Сибири, и государя он видит собственником государства – вотчины. Сибирь он видит в качестве вотчины государя и с полной уверенностью выполняет разъезды по ней для выполнения воли царя. Воевода одним из главных критериев качества своей деятельности выдвигает количество вновь призванных крестьян для обра-

ботки казенной земли, и государь ассоциируется с собственником пашенных земель.

Следующий вид собственности государя – люди (13,7%). Людские ресурсы как один из видов собственности государя включает различные социальные группы российского общества того времени («всяких чинов русские люди», «крестьяня», «духовного чина люди», «казаки», «воеводы»...). Наибольший вес, судя по источникам, имеют в абсолютном большинстве случаев служилые люди (11,6%) в широком смысле этого слова. При этом и высшие (6,2%), и низшие слои (5,4%) являются примерно в равной мере собственностью государя.

В 1609 г. кетский воевода Григорий Елизаров «челом бьет» государю Василию Ивановичу о том, что в текущем году к нему в острог приходили ясашные «князцы Урнучко да Намак». Они поведали о недружелюбных настроениях среди тунгусов, «что тунгусы твоево государева ясаку давать не хотят и твоих *государевых людей*, которые к ним придут по ясак, хотят побивать». Что делать? – известный русский вопрос, который в данной ситуации, наверняка, задавал себе кетский воевода. Лучший способ узнать о происходящем – узнать из первых уст. «А посыланы были к ним по твой государев ясак твои *государевы служивые люди* сургуцкие казаки Васька Чечуев да литвин Яцко Высоцкой да толмачь Карпик Аманатка..», – сообщает Григорий [6, т. 2, 247-248]. Людской собственностью государя в данной ситуации изображаются служилые люди, которые должны собирать ясак на имя государя. В 1634 году под Кузнецкий острог напали «киргиские люди», а «государевых кузнецких служилых людей, ...было в те поры мало и оборонить от тех киргиских воинских людей Кузнецкой острог некем» [6, т. 2, 297-298]. В 1704 г. томские воеводы Г. и Л. Петровых-Соловово сообщают тобольским коллегам о неоднократных нападениях киргизов и татар, которые «*государских служилых* и иных разных чинов *людей* ... побивали до смерти, села и деревни пожигали ... и всячески без остатку разоряли...» [8, т.1, 237]. Воеводы опасаются за жизнь «государевых людей», под названием которых подразумеваются служивые люди. Они постоянно в рассылках, службах. Проблемой соли должны заниматься также они.

Аналогичная ситуация с воеводами как людской собственностью государя. Наиболее яркий пример подчиненности воевод и служилых людей государю – это сюжет присоединения Сибири. Например, нам извест-

но, что в 1581 г. донские казаки во главе с атаманом Ермаком «вороваху по Волге реке многое время». Убытки терпели не только простые люди и торговцы, но и государь «овогда государские насады и суды, и в них казны грабяху, а людей побиваху да смерти...». Конечно, терпение царя не бесконечно, и в один прекрасный момент, «слыша их, казаков, многое воровство и злое непокорство, посла на них *воевод своих царских* со многими ратными людьми и повеле их, казаков, имати и тамо по рекам вешати... И многих из них по тем вышеписанным рекам воровских казаков поймаху они, царского величества воеводы, и за их воровские вины казняху» [9, 239]. Как известно, часть донских казаков сумела скрыться от правосудия и отправилась в Сибирь подчинять ее, чтобы быть помилованными государем. Это действие имело успех. Погодинский летописец описывает ситуацию в начале 1580-х гг., когда к государю приехала казачья делегация во главе с Черкасом Александровым и сообщила радостную весть о взятии Ермаком с товарищами Сибирского царства. Государь награждает вестников-казаков за столь приятное для сердца государя известие, после чего «*государь послал воевод своих князя Семена Волконского...*» [9, 133]. Налицо подчиненность воеводы, которого просто взяли и «послали», как существо полностью несамостоятельное и всецело покорное.

В 1616 году томский казак Иван Хлопин в своей челобитной к государю Михаилу Федоровичу описывает специфику своей службы и в числе прочих упоминает о том, что «...во 125-м году посылали, государь, нас холопей твоих из Томского города твои *государевы воеводы* Федор Василевич Бабарыкин да Таврило Юдич Хрипунов на твою царскую службу;...» [6, т.2, 278-279]. Для сознания служилого человека само собой разумеется видеть в воеводе лицо, полностью принадлежащее к персоне государя и царя. Конечно, в других случаях связки воеводы и государя может и не быть, в том числе и при обращении к царю, но из всех случаев упоминания о социальных ресурсах царя-государя агент воеводы звучит наиболее часто. В 1645 г. томский казак И. Хлопин извещает государю: «пришел я холоп твой в Якуцкой острог к твоим государевым стольникам и воеводам к Петру Петровичю Головину с товарищи, и твой *государев воевода* Петр Петрович Головин с товарищи мне холопу твоему в Якуцком остроге твоего государева жалованья ... не дали» [6, т.1, 256]. В 1709 г. прикащик Чусовской слободы С. Головков пишет: «*Великого государя царя ... воеводе* Петру Ивановичу Стефан Головков челом бьет» [8, т.1, 256]

и сообщает о нападениях башкир. Здесь важен не предмет разговора, а упоминание воеводы как человека, зависимого от государя. Обращаясь к воеводе как к части царя, он словно обращается к государю напрямую. Аналогичные упоминания воевод в качестве государевых людей встречаются у приказчиков других слобод.

Несмотря на то, что и низшие, и высшие слои служилой общности признавали общую зависимость служилой общности в широком смысле от государя, наблюдаются определенные особенности на степень зависимости каждого из слоев в отдельности. Между тем принципиальные отличия ярко выражены в понимании того, кто в наибольшей степени является собственностью государя: высшие слои (по мнению низших) или низшие (по мнению высших) слоев. Проще говоря, воевода считал казака (9,2%) большей собственностью государя, чем он сам (т.е. воевода) (1,0%), а казак, наоборот, представлял воеводу (11,4%) большей собственностью государя, чем он сам (т.е. казак) (1,6%).

Казак считает государя собственником воевод, а воеводы, напротив, видят государя собственником простых служилых людей. С чем это связано? Вопрос достаточно сложный и скорее всего однозначного ответа не имеет. Попробуем все-таки ответить. Возможно, это обстоятельство связано с определенными психологическими механизмами и потребностями. Каждый человек психологически ощущает потребность в самореализации, в развитии личности. Безусловно, и воевода, и рядовой казак считали своих коллег гораздо большей собственностью государя, нежели крестьян. Однако каждый из слоев служилой общности стремился к всевозможной внутригрупповой и индивидуальной свободе и независимости в разумных границах. Воевода, признавая свою общую (как одного из множества представителей служилой общности) зависимость от государя, стремился к осознанию того, что казак больше принадлежит государю, чем он. Значит у него больше свободы действия и признания собственного Я. Аналогичным образом казак, признавая воеводу более зависимым от государя, осознавал более значимой собственную индивидуальную деятельность. Однако причины данного феномена могли быть несколько иными. В глазах воеводы деятельность казака на пользу государя могла быть более весомой, чем своя собственная (вся черновая работа и фактическое управление на низовом уровне выполнялись на самом деле казаками). Казак же

мог считать воеводу более весомой фигурой, поскольку он был непосредственным представителем (посредником) государя в Сибири.

Таким образом, в суммарных представлениях служилого населения социальный агент «государь» выступает в качестве собственника различных ресурсов и приказчика – распорядителя. Право собственности государя распространяется, прежде всего, на движимое имущество (ясаки и казна), недвижимую собственность (города – государство – пашни и слободы) и на людей (служилая общность). Приказная функция государя реализуется в двух ипостасях: издание различных указаний и организация службы как условие реализации этих указаний. Однако, рассматривая представления отдельных разрядов внутри служилой общности, необходимо заметить ряд особенностей.

Низшие слои служилой общности считают главным капиталом государя его право собственности, распространяющееся преимущественно на ясаки – главный вид движимого имущества, на государство, слободы и города – основные виды недвижимого имущества, на воевод – основной вид людской собственности. Капитал «приказ» реализуется государем путем организации службы. Таким образом, Государь для служилых людей – это собственник ясака, собираемого и распространяемого в его государстве в целом или в слободах и городах в частности, за поставку которого отвечают воеводы – его главные зависимые люди; приказная деятельность государя выражается в организации службы на него (для этих целей государь организует службу). В узком смысле, Государь – это ясаки и служба.

Высшие слои служилой общности видят главный капитал государя в возможности «приказывать» посредством, главным образом, издания различных распоряжений – указов, велений. Право собственности государя – это право распоряжения в равной степени ясаком и казной – главными видами движимой собственности, пашнями и городами – центральными видами недвижимой собственности государя, и простыми служилыми людьми – основным видом людской собственности. По мнению высших слоев, государь – это человек, издающий различные распоряжения, касающиеся преимущественно вопросов сбора и распространения ясака и казны, которые решаются в рамках его пашенных земель и городов с помощью служилых людей – наиболее зависимых от государя лиц. В узком смысле, государь – это «указ» и «ясаки» – «казна».

Случайно ли наличие вышеуказанных особенностей представлений различных слоев служилой общности в отношении социального агента – государь?

Для ответа нам необходимо обратиться к практической деятельности разных слоев служилой общности.

Во-первых, низшие слои находились в постоянном взаимодействии с иноземцем, а главным вопросом из взаимодействия являлся ясак, который должны были выплачивать коренные народы, а служилые люди – собирать. В случае нежелания иноземцев платить ясак служилые люди воевать с ними. Во-вторых, сбор ясака и войны с иноземцами выдвигали необходимость служилых людей ездить по различным территориям, поскольку коренные народы жили на отдалении от русских городов. Постоянное передвижение по обширным территориям Сибири способствовало тому, чтобы признавать за своим государем все эти территории, всего государства как государевой вотчины, в противном случае они передвигались бы по территориям как налетчики и нелегалы. Чтобы осуществлять быстрые поездки в командировки они должны были находиться в слободах и городах – как местах пересылки и форпостов для быстрого продвижения к иноземцам. В-третьих, координаторами практической деятельности выступают воеводы – посредники между государем и ними. Именно воеводы доводили до сведения рядового служилого населения различные распоряжения царя, при этом нередко конкретизируя их в зависимости от нередко непредвиденных сибирских обстоятельств. В-четвертых, вся эта деятельность служилых людей осуществлялась на благо государя, называясь службой и подразумевая различные активные физические действия.

Высшие слои, будучи посредником между местным сибирским (в том числе служилым) населением, должны были получать различные указы по обустройству сибирских территорий. Вместе с тем воевода должен был не только отвечать за доставку ясака, но и следить за сбором и распределением других видов материальных благ, имевших для государя и сибирских административных центров не меньшее значение (скажем, обеспечение хлебом населения или оружием – служилого человека). Особое значение приобретали в таком случае пашенные земли – как источник поступления в царскую казну продовольствия и города – места, откуда легче всего руководить всей подчиненной территорией. Главной опорой в

проведении царских распоряжений, как военного, так и мирного плана являлись служилые люди, исполнявшие всю черновую и опасную работу.

Методические рекомендации

Дисциплина «Служилое население Западной Сибири в конце XVI-начале XVIII в.» преподается в течение одного семестра в виде лекционных и практических занятий, на которых происходит объяснение, усвоение, проверка учебного материала в форме промежуточных и текущего контролей.

На занятиях всех форм обязательно использование иллюстративного материала, в особенности при помощи мультимедийных форм презентаций.

Самостоятельная работа магистранта наряду с практическими аудиторными занятиями в группе выполняется (при непосредственном/опосредованном контроле преподавателя) по учебникам и учебным пособиям, оригинальной современной литературе по профилю.

Специфика дисциплины требует от магистрантов знания различных исторических источников по изучаемой проблеме, специальной антропологической, исторической, социологической, психологической и философской терминологии. К программе также прилагается список рекомендуемой магистрантам учебно-методической и научно-исследовательской литературы.

Остановимся на некоторых содержательных моментах, необходимых для понимания дисциплины.

Подводя итог обзору историографии, можно заметить, что на сегодняшний день нет ни одного комплексного изучения мировоззрения служилых людей, имеются лишь отдельные, не связанные воедино попытки изучения данного предмета (психологии служилого населения). Вместе с тем есть все основания говорить о достаточно глубоком изучении отдельных сторон (военно-политической и социально-экономической) деятельности служилого населения. Значит, мы наблюдаем явное противоречие: с одной стороны, общество и историческая наука на современном этапе ориентируются на раскрытие всех личностных свойств человека в настоящем и прошедшем времени, а с другой – имеются существенные пробелы из-за отсутствия в течение длительного времени пристального должного исследовательского взгляда и соответствующего «инструментария» в по-

нимании психологии людей (служилых), сыгравших значительную роль в истории нашей страны.

Территориальные рамки охватывают Западную Сибирь (Тобольский, Верхотурский, Тюменский, Туринский, Тарский, Пелымский, Сургутский, Березовский, Томский, Кузнецкий уезды), поскольку в силу исторических условий она обладала в наиболее полной мере всем богатством единого социокультурного развития. Несмотря на определенные региональные различия, служилые люди выполняли ряд общих для всех них обязанностей, обладали примерно однообразным мировоззрением и социальным статусно-ролевым набором, по образу мыслей и образу действий во многом совпадали.

Временные границы исследования сосредоточены в конце XVI – начале XVIII в. Уже в конце XVI века есть все основания утверждать о существовании специфического мировосприятия и самосознания сибирских служилых людей, поскольку присоединение Западной Сибири идет активным образом и заканчивается в 20-е гг. XVIII века, происходит «распад служилого сословия», начинается процесс непрерывного заселения и освоения огромных территорий. Служилые люди выполняют ряд стратегических функций при осуществлении указанного процесса. В начале (первой четверти) XVIII в. происходят существенные изменения в области организации и государственного обеспечения служилых людей, что повлекло изменения социокультурных представлений.

Цель курса – дать характеристику главных представлений служилого населения об окружающем мире и принципах социальной организации, которые сформировались в процессе освоения Западной Сибири в конце XVI – начале XVIII века и стали основой для дальнейшего развития региона.

Объектом изучения в курсе является служилое население Западной Сибири. В исторической научной и справочной литературе существуют разные подходы к определению термина «служилые люди». По нашему мнению, применительно к служилым людям более оправданным является применение термина «социальная общность». Это совокупность людей, объединяемая и отличающаяся следующими признаками: условия и образ жизни (общие условия их жизнедеятельности), социальная связанность (устойчивыми связями, нормами, отношениями и институтами), образ мышления (единство ценностей и интересов), взаимные обязательства, взаимная солидарность. Служилая (социальная) общность – это совокуп-

ность людей, объединяемых идеей служения государю, которая является их главной ценностью и целью в совместной практической деятельности (службе). Служилая общность разделяется на два социальных слоя по условиям несения государевой службы: высший (воеводы и их товарищи), отвечающий за управление территорией в целом и низший (дети боярские, казаки, стрельцы), занятые исполнением конкретных разноплановых поручений. Подчеркнем, что главный интерес всех представителей служилой общности – это служба государю, а критерием для разделения всех занятых в этой сфере лиц служат условия и характер службы. Термины «служилая общность» и «служилое население» употребляются как тождественные.

Основные понятия

Служилые люди, Западная Сибирь, социальное пространство, ментальная структура, социальные агенты, контент-анализ, государев ясак, казна.

Вопросы для самоконтроля

1 Согласны ли Вы, что служилые люди были самой заметной фигурой в Сибири на раннем этапе ее присоединения к Русскому государству? Подкрепите свой ответ конкретными примерами. Опишите образ служилого человека.

2 В чем состоит достоинство концепции «социального пространства» П. Бурдые применительно к историческим исследованиям? Можно ли использовать ее в реальной жизни? Каковы особенности Вашего социального пространства?

3 Что Вы думаете о контент-анализе в исторических исследованиях? Насколько важен и возможен точный математический расчет в гуманитарных науках?

4 Сравните представления о «государе» с нашими представлениями о руководителе государства. Что изменилось и почему?

5 Представьте, что служилый человек оказался в нашем времени и по-прежнему воспринимает государя через свои представления. Что сегодня он считал бы движимой и недвижимой собственностью правителя?

6 Каков состав современной «служилой общности» – людей, находящихся на государственной службе? В чем состоят их отличия от людей того времени?

Список литературы

- 1 Блок М. Апология истории или ремесло историка. М. : Наука, 1986.
- 2 Бородкин Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.
- 3 Бурдые П. Социология политики. URL: www.gumer.info
- 4 Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1853. Т. 7.
- 5 Люцидарская А. А. Челобитные XVII в. в контексте коммуникативной культуры своего времени (на материалах документов Сибирского Приказа). URL: www.zaimka.ru
- 6 Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999.
- 7 Никитин Н. И. Военнослужилые люди и освоение Сибири в XVII в. // История СССР. 1980. № 2.
- 8 Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882.
- 9 Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36.

VI СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДОВ ЗАУРАЛЬЯ В XVII – НАЧАЛЕ XX В.

М.Ф. Ершов

Начиная с похода Ермака пространство к востоку от Уральских гор стало постоянно расширяющейся колонизируемой территорией. При движении «встреч солнцу» укрепленные населенные пункты стали этапами освоения этой, пока еще чужой территории. Первоначально официальная власть Москвы ограничивалась острогами. Дальше за их стенами располагалась немирное языческое пространство, лишенное, по мнению русских переселенцев, подлинной православной святости.

Доминирование военно-административной функции у большинства сибирских городов было связано с усилиями Российского государства по сбору ясака. Сибирским воеводам требовалось принудить аборигенное население к изъятию ценной пушнины и оградить его от набегов кочевых «конкурентов» с юга. Соответственно первые русские города располагались возле двух условных осей: юго-запад – северо-восток (движение за пушными зверями, чей мех был гуще и ценнее на севере) и запад – восток (военное прикрытие северного колонизируемого пространства).

Наряду с военно-административной у городов Сибири развивалась еще одна, но уже побочная функция – транспортная. Самым дешевым видом транспорта был речной. После открытия Бабиновой дороги, идущей от Чердыни на Верхотурье, далее магистральный путь в Сибирь пролегал по рекам Туре, Тоболу, Иртышу, Оби. Значимыми вехами на этом пути стали города Верхотурье, Туринск, Тюмень, Сургут, Томск. Их население извлекало немалые выгоды от материального обеспечения транспортных потоков. Речная сеть Урала и Сибири также оказывала существенное влияние на размещение городов и их последующую эволюцию.

В начальный период колонизации Сибири большая часть её городского населения относилась к служилым сословиям и жила, особенно на Севере, в «непашенных» городах. По мере истощения пушных запасов постепенно падало значение северных сибирских городов. У них прекратился рост населения, сокращалась предпринимательская активность. К таким городам относились Пелым, Туринск, Верхотурье, Сургут, Нарым, Туруханск. Постоянные трудности со снабжением гарнизонов северных городов хлебом и военными припасами из Европейской России активизи-

ровали усилия властей по земледельческому освоению Зауралья и Южной Сибири. Шадринск, Курган, Ялуторовск, Ишим, Тара постепенно эволюционировали от военных форпостов к торговым центрам, специализирующимся на перепродаже, а затем и переработке сельскохозяйственной продукции.

Вплоть до начала XX в. Сибирь остро нуждалась в ремесленных изделиях. Долгое время у русского купечества в ходу была поговорка: «Никуда не годно, так в Сибирь!» Ремесленные изделия на сибирскую территорию поступали из Европейской России, либо с юга – из среднеазиатских ханств. В последнем случае посреднической торговлей занимались представители тюркоязычного населения так называемые бухарцы, проживавшие на российской территории, например, в Тобольске. Помимо ремесленных изделий с юга поставлялись животноводческая продукция и фрукты.

С начала XVIII в. государство предпринимало гигантские усилия для создания горнозаводской базы на Урале. Благодаря ей сибирский рынок наполнялся металлическими изделиями из железа и меди. В свою очередь уральское население, работающее на горных заводах, взамен ремесленной продукции покупало хлеб, скот и рыбу. Происходило втягивание патриархального русского и аборигенного населения в рыночные отношения. В частности, предпринимательские слои городов Туринска, Тобольска, Березова, Обдорска, Сургута были заняты выгодной торговлей с коренными народами Севера. Со временем рыбный промысел стал доминирующим. Он отеснил на периферию добычу пушнины.

Постепенное развитие торговых отношений привело к складыванию местных рынков, а затем подключило Сибирь в зарождавшийся национальный рынок. При его формировании первоначально господствовали периодичный (ярмарочный) и развозной (разносной) виды торговли. Особенно они были характерны для небольших провинциальных городов. Здесь сосредоточивались предприимчивые люди, стремящиеся к обогащению. Их усилия поддерживались местными властями, добивавшимися усиления экономического веса своих городов. Однако все это одновременно вело к их зависимости от нестабильного рынка. Без развитой материальной инфраструктуры небольшие города не имели действенных механизмов воздействия на региональную торговлю. По отношению к городам она выступала внешней активной силой, с которой им приходилось считаться и приспособливаться. Несомненно, что в исторической конкре-

тике были реализованы различные варианты адаптации.

«Город не может существовать изолированно. Он обслуживает другие города, о которых можно сказать, что они составляют «торговый район» данного города. Этот район, в свою очередь, обслуживает город», – писал американский географ Дж. Александер⁷¹. Однако город мог и утрачивать свой «торговый район». В таком положении со середины XVIII в. пребывали Туринск, Ирбит и Верхотурье. Освоение новых территорий и смещение торговых путей наряду с закрытием верхотурской таможни привели к угасанию торговой активности. Прежние примитивные рыночные структуры, «прикрепленные» к немногочисленным дорогам, вслед за их переносом «поползли» к югу, «оголяя» северные города.

Предыдущий опыт, приобретенный горожанами, накопленные ими торговые связи не исчезли бесследно. Они сумели трансформироваться. Так, например, капиталы и деятельность крупнейших купеческих родов Походяшиных, Поповых или Зеленцовых в XIX в. уже не были связаны с экономикой Верхотурья, но сохранились доброжелательные отношения и меценатство. Город нашел способ изменить способ существования. Прославлением мощей праведного Симеона Верхотурского и обслуживанием десятков тысяч паломников занимались местный мужской монастырь и частные лица.

Население Туринска, оказавшееся в сходной ситуации, проявляло большую активность в дальней торговой (закупка рыбы на Оби) и местной ремесленной деятельности. Подобно Верхотурью Туринск сумел наладить коммерчески выгодное обслуживание духовных запросов иногородних. Приезжие имели здесь широкие возможности для отправления религиозных обрядов. Так, в середине XIX в. небольшой Туринск располагал 5 церквями, 1 каменной часовней и женским монастырем. Последний специализировался на производстве золотошвейных изделий и обучении девочек.

Особое положение занимала Ирбитская ярмарка, возникшая много ранее города и фактически подчинившая себе Ирбит. Её посредническое положение определялось не столько игрой на разнице «запад – восток» (в наиболее выгодном месте был Камышлов, лежащий на прямой Екатеринбург – Тюмень), сколько дополнительным противоречием «север – юг».

⁷¹ Александер Дж. «Базовые» и «небазовые» экономические функции городов // География городов. М., 1965. С. 81.

Ирбит использовал оба эти преимущества. Севернее его основной жизни населения были присваивающие отрасли хозяйства, южнее – производящие. Поэтому для ярмарки был характерен и местный региональный обмен.

Город находился приблизительно на одной широте с крупнейшими горными заводами Урала: Нижнетагильским и Невьянским. При отправке железа и меди в юго-восточном направлении он занимал промежуточное положение на пути к Тюмени. Для северных заводов линия Екатеринбург – Камышлов лежала в стороне от перевозок их продукции в Сибирь. Возможность использования рек Нейвы и Ницы, текущих к Ирбиту, усиливала позиции ярмарки. В основном же товар перемещался зимним гужевым транспортом.

Немаловажное отличие Ирбитской ярмарки – продажа предметов роскоши. Для товаров, не имеющих отношения к повседневным нуждам, отдаленность ярмарки не играла существенной роли. Согласно теории предельной полезности спрос на вещи высокой стоимости мало подвержен влиянию ценообразования. В итоге, город выполнял несколько функций: связывал Европейскую Россию и Урал с Сибирью, северные малопродуктивные области (вплоть до Европейского Приуралья) – с южными (вплоть до казахских степей). Ирбит, мобилизуя избытки местной товарной продукции, являлся узловым пунктом сбора. Переплавлять их далее, на более крупный оптовый пункт, необходимости уже не было, ведь Ирбит совмещал в себе три типа ярмарок: узловой сборный, оптовый и узловой распределительный, чем пользовались близлежащие местности.

Ирбитская ярмарка имела преимущества и вне рамок экономико-географического положения. Она обладала иной, информационной ценностью, служила индикатором рыночного спроса, помогала налаживать межличностные отношения в торговле. Данные качества в последующем распространились и на другие территории. Так, например, для торговли на рубеже XIX и XX вв. было характерно сокращение оборотов крупных ярмарок, возрастание числа мелких ярмарок, и эволюция оптовых ярмарок «в выставки, а затем в товарные биржи»⁷². Это вело к противоречивости перспектив Ирбита. Город, играя на опережение, ранее других приобрел новые качества. Однако эта его монополия была временной. Она «работала» лишь в условиях неразвитости рынка и дефицита торговой информации.

⁷² Еланцева О. Н. Эволюция основных форм городской торговли в начале XX (на примере г. Тюмени) века XX // Тюменский исторический сборник. Вып. IV. Тюмень, 2000. С. 120.

Поэтому после проведения в 1886 г. железной дороги Екатеринбург – Тюмень движение товаров стало осуществляться вне Ирбитской ярмарки, что вызвало падение её оборотов. Жесткая привязка небольшого города к гигантской ярмарке, второй в России, вела к однобокости его развития, к сезонности и ситуативности экономической жизни. Подавляющую часть своих доходов ирбитчане получали от обслуживания приезжих во время проведения ярмарки (предоставление помещений, складирование товаров, охрана).

Камышлов был, по емкому выражению А.Н. Радищева, «город из деревни». Исторически сложилось так, что в своем развитии он отставал от других городов Зауралья. Его возвышение началось только после переноса транзитных путей с севера на юг. Маргинальное положение города проявлялось в изначальном отсутствии «своего» торгового района. Лишь после получения официального городского статуса в конце XVIII в. он получил возможности для роста. Но к этому времени Камышлов оказался «зажат» более старыми и уже набравшими мощь городами. Негативное пространственное окружение вело к господству иногородних конкурентов в тяготеющих к Камышлову территориях.

В это же время развитие сельского хозяйства в близких местностях подталкивало горожан Камышлова к предпринимательской активности. Самостоятельный выход на рынок вне города для местных предпринимателей оказался предпочтителен в Ирбите. Ведь жители крупнейшего ярмарочного центра поощряли у себя деятельность иногородних торговцев. Сам же Камышлов, расположенный на Сибирском тракте, стал выступать для иногородних торговцев в качестве южной точки доступа к Ирбитской ярмарке, а его жители получать доходы от транспортных услуг и постоянных дворов. Находясь на перекрестке оживленных дорог, город соединял между собой Северное и Южное Зауралье, Урал и Западную Сибирь.

В схожем положении с Камышловом находился Долматов. Как и в случае с Ирбитской ярмаркой, возникновение Долматовского монастыря предшествовало появлению одноименного города. В XVII – первой половине XVIII в. монастырь выступал военным форпостом и центром официального православия в местностях с господством старообрядчества. Выгоды от нахождения на транзитном пути из казахских степей через плодородные местности к горным заводам и пристаням на реке Чусовой привели к появлению здесь ярмарочной торговли. Крупнейшей из ярмарок Долматова была зимняя Никольская.

Однако подавляющая часть жителей Долматова по сословной принадлежности и по образу жизни так и осталась крестьянами. Начиная с середины XVII в. наблюдается периодическое противостояние окружающих крестьян монастырю и городской культуре. Оно проистекало в насильственных («Дубинщина») и в мирных формах. Так, например, прошения крестьян об упразднении города и преобразовании Долматова в село неоднократно фиксируются в документообороте органов государственной власти в 20-е-70-е гг. XIX в.⁷³ Двойственное положение города Долматова отобразилось во многих дореволюционных справочных изданиях. Его поочередно именовали и городом, и селом.

Появление у крестьян излишков зерна, произведенных на продажу, и большая потребность в хлебе способствовали росту торговли Шадринска. Выгода от доставки и продажи хлеба на горные заводы была двойной. В обратную дорогу везли промышленные товары. Такая картина наблюдалась уже в середине XVIII в., когда многие из богатых крестьян и иногородних купцов стали скупщиками, берущими подряды на доставку больших партий хлеба. В противовес им крестьяне-середняки создавали свои товарищества, также вывозя хлеб, и лишь беднота продавала его на местах по самой низкой цене. Помимо горных заводов хлеб поставлялся для южных пограничных крепостей и шел для обмена с казаками.

Связи с екатеринбургскими купцами, через капиталы которых шло приобщение к сфере большой профессиональной торговли, по мере усиления местного предпринимательства начинают слабеть. Уже в начале XIX в. независимой от Екатеринбурга была богатейшая семья Фетисовых. Её глава И.Г. Фетисов был первым шадринским купцом, записавшимся сначала во вторую (1792 г.), а затем и в первую (1807 г.) гильдию. Фетисовы организовали оптовую торговлю хлебом, скотом, щетиной, маслом и салом. Их торговые интересы распространялись до Петербурга и других портов, где закупались промышленные и заграничные товары, сбываемые через посредников в Зауралье, Сибири и казахских степях.

Операции большого масштаба протяженности при транспортных средствах того времени могли осуществляться только эпизодически, при стечении благоприятных условий (богатый урожай в Зауралье – низкие цены на фураж при перевозках – выгодность доставки – рыночная конъюнктура в Европейской России), но их успешная реализация приносила

⁷³ РГИА Ф. 1287. Оп. 38. Д.462. Л. 178-183.

значительный доход. Купец избавлялся от конкуренции зауральских крестьян-поставщиков, продававших хлеб подешевле и сбивавших цены, прибыль не делилась между посредниками, а доставалась одному лицу.

Стремительное возвышение клана Фетисовых трудно объяснить только возможным наличием у них первоначального капитала. Были и иные причины – Фетисовых в погоне за деньгами отличала неразборчивость в средствах. Сохранились сведения об изготовлении Фетисовыми фальшивых ассигнаций, так называемых «шубных денег», которыми они расплачивались при покупке скота у кочевников. Помимо народной молвы о производстве фальшивых денег упоминает и Д.Н. Мамин-Сибиряк в романе «Хлеб», где описывается легко узнаваемый Шадринск. Но если фабрикация фальшивых денег осталась недоказанной, то афера Фетисовых по незаконной перепродаже золота в 1826 г. была подтверждена документально.

Быстрое включение Шадринска во всероссийский рынок во многом способствовали внешние причины. Начало им было положено в 1828 г. Купец А. Попов, выходец из Верхотурья, начал добычу золота на Алтае. Вспыхнувшая золотая лихорадка побудила екатеринбургских купцов-старообрядцев, занятых вытопкой сала, резко сменить свои экономические приоритеты. Их захватило новое баснословно прибыльное дело – золотодобыча в Сибири. «В этом историческая заслуга Екатеринбурга, – писал Д.Н. Мамин-Сибиряк в историческом очерке «Город Екатеринбург», – отсюда вылетали те орлы, которые прошли по Сибири золотым ураганом».

Благодаря ажиотажу шадринцы обрели самостоятельность и сумели занять освободившееся на сальном рынке место. Нужда в животноводческой продукции вынуждала шадринских предпринимателей в их стремлении «уйти» от конкурентов продвигаться на юг, несмотря на опасности и многочисленные препятствия для русских купцов в Средней Азии. Кроме сала городские предприниматели занимались перепродажей шерсти и хлеба. Это создало условия для появления пимокатных и пряничных заведений мануфактурного типа. Возникшее после 1861 г. винокуренное производство, равно как и фабрика Бутаковых, основанная в начале XX в. для производства мешков, также были построены с учетом сельскохозяйственной специализации.

Со временем основным экономическим конкурентом города на Исети стал расположенный южнее Курган, куда и переселились некоторые

шадринские предприниматели. Экономическое преимущество Шадринска перед Курганом было временным – его купечество усилилось раньше курганского – в 20-30-е гг. XIX в. Единая специализация двух городов на самом выгодном экспортном товаре – топленом сале – породила неизбежные противоречия. Близость к границе и разница в ценах на зерно создавали ощутимые преимущества для курганского купечества, также занятого скупкой сала.

Во второй трети XIX в. повторялась ситуация, отчасти сходная с его первой третью: с развитием рыночных отношений северному поселению начинает противостоять южное (Екатеринбург – Шадринск, Шадринск – Курган). Однако существовали и различия – курганское купечество уже в начале XIX вв. почти не уступало шадринскому. Кроме того, после 1861 г. перспективы долгосрочного развития зауральских городов могли быть связаны только с прокладкой железнодорожных путей. Именно эту непростую проблему пыталась решить в бюрократических коридорах самодержавных институтов управленческая элита зауральских городов.

Особенно важным железнодорожное строительство было для городов юга Зауралья. Их гигантский грузооборот настоятельно требовал быстрого, недорогого и надежного транспорта. Но раньше всего в Зауралье железная дорога пришла в Камышлов – уже в 1886 г. (линия Екатеринбург – Тюмень). Город Курган впервые увидел локомотивы в 1893 г., когда к нему приблизилась Великая Сибирская железная дорога. В 1904 г. на Богословской линии появилась станция Верхотурье, правда в нескольких километрах от одноименного города. Долматов и Шадринск были подключены к железнодорожной сети сравнительно поздно – только в 1913 г. В Ирбите дождались поезда еще позднее – в 1916 г., и затем, в мае 1917 г. – в Туринске (линия Екатеринбург – Тавда).

Проведение железной дороги, особенно на осваиваемой территории, содействовало ее быстрому экономическому и культурному росту. Так, например, Курган в начале XX в. стал одним из центров сибирского маслоделия. Здесь располагались закупочные конторы западноевропейских фирм, правление мощнейшего Союза сибирских маслодельных артелей, современный мясокомбинат, гидротурбинный завод, другие предприятия. Быстро увеличивалось его городское население. В Кургане появилось множество высококвалифицированных специалистов, росло число лиц наемного труда. И, напротив, 20-летняя задержка с проведением железной

дороги в Шадринск, превратила его в тихий провинциальный городок.

Переход от торговли к ремесленному, мануфактурному, а затем и к фабричному производству содействовал не только экономической, но и социокультурной трансформации. Ранее торговля выступала в качестве функции, отличительной особенности поселения. В городах Зауралья она развивалась под преимущественным воздействием внешних факторов. Периодичная ярмарочная торговля или развозная и разносная торговля (осуществляемая коробейниками, вязниковцами) от случая к случаю не требовали наличия многочисленного населения и развитой материальной инфраструктуры. Поэтому первоначально зауральские города внешне незначительно отличались от деревень. Получается, что их территория и жители были всего-навсего функциональными дополнениями к внегородским торговым операциям.

Неразвитость внутренней городской экономики соседствовала с внешним господством региональной торговли и ее крупных участников. По отношению к ним небольшие города оказывались на второстепенном положении. Не случайно торговые и промышленные воротилы тогда имели возможность фактически превратить города в свои вотчины. Господство случайностей при извлечении прибыли определялось в то время эпизодическими рыночными связями. Однако многократно упоминаемая «невидимая рука рынка» А. Смита в психологическом плане, напротив, требовала собственного воплощения в хорошо различимом материальном носителе. В сознании людей рыночная непредсказуемость переносилась на места торговли, на города в целом.

Соответственно, города символизировали непознаваемость и даже неадекватность рыночных механизмов. Эти качества во многом определяли повседневное поведение и горожан, и пришлых. В городе человек вынужденно погружался в искусственную среду. Он отчуждался от природного пространства с его привычным для путешественников «естественным» разбоем на дорогах. В городе разбой сменялся иными угрозами. Эти угрозы были не всегда явными и хорошо осознаваемыми. Мошенничество или отсутствие спроса, игра цен, высокие издержки и риски вели к постоянному дискомфорту.

Данное чувство соседствовало с надеждами на скорое обогащение. Не случайно город дарил надежду и лишал покоя. Его отличало символическое смешение святости и греха. И у зауральских городов под покровом

официальной духовности долгое время скрывались пугающие хтонические свойства. Они запечатлены в легендах о подземных ходах. Причины появления легенд были различны. Симптоматично, что народная молва связывала подземные ходы Верхотурья, Ирбита, Долматова и Шадринска с монастырями или с купеческими усадьбами⁷⁴. В фольклорных преданиях источники богатства городов и отдельных удачливых предпринимателей очень часто ассоциировались с тьмой, тайной и преступлением.

Причины существования данной волшебной мифологемы в принципе объяснимы. Для ярмарочных и религиозных центров было характерно преобладание торговли и сферы услуг. В традиционной культуре они воспринимались не в качестве реальной полноценной работы, а лишь как суррогатные действия. Таким образом, источник богатства города ускользал от глаз наблюдателей и смещался в латентную область. Отсюда, видимо, проистекает сдержанное отношение к торговцам не только у населения, но и в среде самих предпринимателей. «В московской неписанной купеческой иерархии, – отмечал В.П. Рябушинский, – на вершине уважения стоял промышленник-фабрикант; потом шел купец-торговец, а внизу стоял человек, который давал деньги в рост, учитывал векселя, заставлял работать капитал»⁷⁵.

У современников присутствовало ощущение, что извлечение городом общественного богатства происходило как бы «само по себе», ниоткуда. Ведь выгоды местоположения города во многом доминировали над созидательной активностью его жителей. Зависимость города от внешних обстоятельств перевоплощалась в зависимость индивида от локального социума. Постепенно здесь формировался мир сложных коммуникативных связей, основанных на взаимной психической подчиненности. Это оборачивалось эффектом своеобразного замкнутого пространства, причем пространства изначально слабого, порочного и не способного существовать без внешнего окружения.

Приходящее извне обогащение горожан могло объясняться мистическими и (или) аморальными причинами, что с неизбежностью порождало фобии в провинциальной среде. Отчасти эти подспудные страхи минимизировались и замещались ритуальными действиями. Ярмарочные приме-

⁷⁴ Слукин В. М. Тайны уральских подземелий: легенды, реальность, поиск. Екатеринбург, 2005. С. 3-56, 228-241.

⁷⁵ Цит. по: Бурьшкин П. А. Москва купеческая: Записки. М., 1991. С. 100.

ты, молебны, пожертвования, демонстративные траты и загулы купцов должны были обеспечить удачу в торговле. Разумеется, со временем у этих действий происходила трансформация и утрата скрытых смыслов. Все вышеизложенное содействовало негативным общественным оценкам городов. Весьма характерно, что для отечественной мысли XVIII–XIX вв. было заурядным признание множества городов «ненастоящими». Торговля, как и сами города, сплошь и рядом подлежала осуждению.

Преодоление данного негативизма осуществлялось как благодаря развитию городской инфраструктуры, в первую очередь материального производства, так и за счет общего повышения культурного и образовательного уровня городского населения. Важнейшее значение здесь имела рецепция европейской культуры. Начиная со времен Петра Великого европеизация русских городов шла со стороны самодержавного государства через принудительное насаждение в среде патриархального населения новых культурных норм.

В первую очередь, официальные власти стремились хотя бы внешне благоустроить города. Планы городов в обязательном порядке утверждались императорами. Общественные здания обычно строились по типовым проектам. Постепенно регулярные прямоугольные «правильные» городские кварталы вытесняли хаос неупорядоченной «деревенской» застройки. Государство обязывало городские общества осуществлять противопожарные и санитарные мероприятия, соблюдать правопорядок и правила торговли. К числу мер воспитательного характера допустимо отнести обязательное для всех государственных служащих ношение форменной одежды (мундира) во всех общественных местах. Официальный мундир не только свидетельствовал о статусе его носителя, но и культурно упорядочивал вокруг своего хозяина близлежащее пространство и социальные отношения.

Со временем ношение формы распространилось и на учащихся. Создание системы образовательных учреждений прошло длительную эволюцию от примитивного домашнего и полудомашнего обучения к начальному и даже к среднему образованию (прогимназии, гимназии и реальные училища). В конце XVIII в. еще многие городские жители сопротивлялись несению расходов на образование и не испытывали особого желания («чтобы не заучились») отдавать своих детей в школу. Менее чем через сто лет положение кардинально изменилось. У большинства родителей уже присутствовал устойчивый интерес к обучению собственных детей, в

том числе и девочек. Привлекательность того или иного провинциального города теперь во многом стала определяться наличием в нем образовательных учреждений.

Индустриальное общество нуждалось в квалифицированной рабочей силе. На рубеже XIX-XX вв. в городах Зауралья фактически было введено всеобщее начальное образование и началось формирование системы профессионального образования. Первыми ласточками были Учительская семинария в Шадринске, железнодорожные «Технические классы службы пути», Лесная и Низшая ремесленная школы в Кургане. Кроме того, в городах Долматове, Камышлове и Кургане действовали духовные училища. В дальнейшем их выпускники получали право быть псаломщиками и чтецами в церкви, могли поступать в духовные семинарии, светские учебные заведения. Нельзя недооценивать цивилизующей роли и иных государственных и общественных институтов в культурной эволюции городских социумов: регулярной армии (в большинстве городов Зауралья находились небольшие постоянные гарнизоны, проживали военные чины в отставке), гражданского чиновничества, церкви, местной интеллигенции, политических ссыльных, путешественников, краеведов.

В конце XIX – начале XX в. в городах Зауралья шло быстрое развитие типографского и фотографического дела, рекламы. Здесь появились технические новинки: кинематограф, электрическое освещение, велосипеды, автомобили. В моду входили маскарады, благотворительные лотереи и подписки, публичные лекции, любительские театральные постановки, посещение библиотек, отправление телеграмм с выражением верноподданных патриотических чувств. В городах начали выходить первые газеты, было сформировано множество добровольных обществ от охотничьих и спортивных, до кооперативных. Постепенно складывались зачатки гражданского общества и партийной жизни. Далекое не случайно, что на сегодняшний день практически в каждом из зауральских городов сохраняются воспоминания о местных жителях начала прошлого века, добившихся в дальнейшем всероссийской известности.

По сути, эти воспоминания не являются «просто» социальной памятью. С их помощью городской социум реконструировал и реконструирует исторические события, связанные с городским прошлым, вырабатывая таким образом собственное специфическое отношение к ним. Благодаря накопленному историческому массиву города постепенно обретали не

только чисто пассивные отличительные, но и субъективно окрашенные активные положительные «личностные» свойства. Менялись имидж и восприятие городов. Из объекта внешних воздействий они начали перевоплощаться в субъектов региональной и общероссийской жизни. Эти изменения также коснулись и самосознания городских жителей: у них выросло чувство собственного достоинства и осознание личной социальной ответственности.

Итак, в XVII – первой половине XVIII в. северные города Зауралья с выгодой использовали преимущества своего расположения на транзитных путях, которые вели первопроходцев «встреч солнцу» за «мягкой рухлядью». В следующее столетие (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) эти города не без успеха расходовали ранее накопленный ими социальный капитал для устойчивого включения в межрегиональную торговлю. Затем (во второй половине XIX – начале XX в.) городские социумы Зауралья решали задачи их вхождения в индустриальное общество, создавали для этого соответствующую инфраструктуру и проводили культурные преобразования.

Какие выводы допустимо сделать из вышеизложенного материала? Успехи и неудачи в развитии зауральских городов не определялись исключительно экономическими факторами. Нельзя сбрасывать со счетов географическое положение, транспортную сеть, позицию официальных властей, активность и менталитет местного населения, наличие иных субъективных моментов. Возрастание объемов внегородской торговли и переход к промышленному производству непосредственно на территории городов требовали от экономически активной части городского населения умения ориентироваться в рыночной конъюнктуре, налаживать связи с властными структурами. Все это объективно меняло социокультурные характеристики зауральских городов.

К сожалению, развитие индустриального общества в России так и не привело к подлинному общественному признанию полноценности провинциальных городов. Да, доминирование торговли постепенно заменялось господством производственной инфраструктуры. Да, нарастающая эмансипация от «внешних» торговых операций вела к росту населения, индивидуализма и новой городской культуры. Но, как показал последующий исторический опыт, до окончательного конструирования новых отечественных индустриальных городов было еще очень далеко. Переход в

новое качество растянулся больше чем на полтора столетия и не завершен до сих пор. Видимо, для городов процесс адаптации к внешним условиям вечен. Проблема «вызова и ответа», вскрытая А. Тойнби, оказалась актуальна не только для цивилизаций, но и для их узловых центров – городов разного уровня. Причем как для городов прошлого, так для городов дня сегодняшнего.

Методические рекомендации

1 Применительно к территории Зауралья, как особой «стыковой» территории между Уралом, Сибирью и Казахстаном, требуется выявление специфики её исторического развития как колонизируемого пространства и, соответственно, отличительной роли местных городов. Здесь обязательно обращение к исторической географии, в частности к картографическим материалам.

2 Следует учесть, что процессы освоения различных частей Азиатской России протекали неравномерно. Это самым непосредственным образом сказывалось на прогрессе (или регрессе) конкретных городов и их экономическом и социокультурном развитии.

3 Максимально объективную картину дает изучение демографических процессов на территории конкретного города: рождаемость, смертность, количество жителей, состав населения, соотношение коренных и приезжих жителей, вертикальная и горизонтальная мобильность.

4 По-настоящему самостоятельная работа требует применения проблемного подхода. Попробуйте выработать предварительные ответы на ряд современных дискуссионных проблем и найти аргументы для обоснования относительно них собственного мнения:

- часть исследователей считает, что для России XIX-XX вв. был характерен феномен так называемой «ложной урбанизации»;
- существует точка зрения, что особенно в наши дни экономически нецелесообразно существование городов на тех территориях, где среднегодовая температура января опускается ниже –10 градусов по Цельсию;
- по-прежнему находятся в процессе обсуждения проблемы соотношения реальной Азиатской России и её образов, распространенных среди различных социальных страт; немалый интерес представляет вопрос о том, какие именно образы города и почему доминировали у внешних наблюдателей.

Основные понятия

Город, городское население, колонизация, провинциальная культура, регион, рынок, урбанизация, функции города

Вопросы для самоконтроля

1 Является ли понятие «город» конкретно-историческим или, напротив, общетеоретическим?

2 Насколько в дореволюционной России горожане были самостоятельными в отстаивании своих прав перед государством, существовало ли у них действенное самоуправление и элементы гражданского общества?

3 Какие именно образы города Азиатской России и почему доминировали у внешних наблюдателей?

Список литературы

1 Баккаревич М. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810.

2 Васильева А. М. Забытый Курган. Курган, 1997.

3 Город старинный – провинции остров. Камышлов: истории, судьбы, события. Екатеринбург, 2004.

4 Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965.

5 Ершов М. Ф. Очерки провинциального мира Зауралья: города и люди конца XVIII – начала XX вв. Ханты-Мансийск, 2010.

6 Ершов М. Ф. Северные зауральские города и региональная торговля в XIX в.: проблема адаптации // Вестник угроведения. 2011 (4). №1. С. 139-153.

7 Ершов М. Ф. Социокультурная эволюция образов очеловеченного пространства: общетеоретические и конкретно-исторические аспекты. Ханты-Мансийск, 2013.

8 Ильин В. Краткие статистические описания окружных городов Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. Тобольск, 1864.

9 Иофа Л. Е. Города Урала. М., 1951. Ч.1.

10 Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000.

11 История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1977.

12 История Курганской области (Города Южного Зауралья в досоветский период). Курган, 1997. Т. 3.

13 Корчагин П. А. История Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург, 2001.

- 14 Куприянов А. Культура городского самоуправления русской провинции. 1780-1860-е годы. М., 2009.
- 15 Люцидарская А. А. Колонизация Сибири: человек и пространство // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 1997.
- 16 Митрофанов А. Повседневная жизнь русского провинциального города в XIX в. М., 2013.
- 17 Мозель Х. Материалы для географии и статистики России: Пермская губерния : в 2 ч. СПб., 1864.
- 18 Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии : в 3 ч. СПб., 1804.
- 19 Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века / Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова, Н. А. Миненко, И. В. Побережников. М., 2003.
- 20 Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – СПб., 1886.
- 21 Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского. СПб., 1842.
- 22 Хитров А. К истории Ирбита и Ирбитской ярмарки. Ирбит, 1872.
- 23 Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этническом и историческом отношении. СПб., 1892.

VII ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

Г.Г. Павлуцких, С.Г. Федоров

Изучение Сибири методом анкетирования началось еще в 1724 г. по распоряжению Петра I. В 1734 г. в Санкт-Петербург пришли ответы на вопросы В.Н. Татищева. В 1734-1742 гг. были разосланы «вопросные пункты для сочинения ведомостей» о городах и уездах Сибири, составленные Г.Ф. Миллером. В 1759 г. была разослана анкета М.В. Ломоносова.

После получения ряда удачных топографо-статистических обзрений в Центральной России в 1784 г. Сенат утвердил анкету для составления подобных описаний по всей стране в целом. И с 1784 г. начинается составление описаний уездов и губерний с учетом их нового территориального деления. Позднее подобные анкеты рассылало Вольное экономическое общество, Императорское Русское Географическое общество, определенные материалы собирали Министерство государственных имуществ, военные ведомства, сельскохозяйственные общества и другие.

Работа по созданию вышеназванных описаний по анкетам 1784 г. началась почти сразу, но часть из них сгорела в 1788 г. в г. Тобольске, в результате чего описание Тобольского наместничества задержалось до 1790 г. Ныне оно хранится в Российском Государственном военно-историческом архиве.

Немногим ранее было составлено и «Описание Пермского наместничества», хранящееся там же. Эти документы интересны тем, что в них содержатся описания Курганского и Шадринского уездов.

В 80-х годах XVIII века администрация сделала попытку подчинить государственному регулированию земельные отношения и само землепользование в Сибири. Указом Сената от 13 февраля 1783 г. полагалось установить должности уездных землемеров, в обязанности которых входило составление карт уезда и доставка их в межевую экспедицию губернии.

В топографических описаниях, составленных уездными землемерами, имеются данные о природных условиях, географическом положении, численным и этническом составе населения, полезных ископаемых, экономике и топографии. В описании Курганского уезда сообщается, что его длина с запада на восток составляет 165 верст, а ширина с севера на юг

168 верст, при чем всей земли «с угодьями примерно 21 852 квадратных версты, а межевания не было».

В описании Шадринского уезда не содержится даже примерная его площадь, а только данные о ширине в 84 версты и длине 145 верст, а также подсчитано количество земли под селениями, поскольку «межевания здесь не было вообще».

По указанию Александра I с 1804 г. в Сибири начала работать губернская канцелярия по проведению межевания и приведению земель в известность:

- 1) для находящихся там ныне казенных крестьян;
- 2) для скотоводства и звериной ловли ясачных и кочующих народов;
- 3) для водворения будущих казенных поселенцев;
- 4) для всякого рода казенных заведений.

Для выполнения этих указаний на землях Тобольской губернии совместно с землемерами работали и чиновники губернского правления, выяснявшие причины недоимочности крестьянских хозяйств. Однако работа землемеров и чиновников Тобольской губернии по составлению точной съемки сибирских земель свелась, в конечном счете, к разбирательству земельных тяжб между волостями и селениями.

В ходе работ было обмежевано 222 932 десятины земли.

Материалы Тобольского губернского управления земледелия и государственных имуществ по Курганскому округу, начиная дня его основания в 1802 г. по 1915 г., находятся в ГАКО в фонде 245 (2341 дело). Там же хранится 1051 дело Курганско-Ялуторовской поземельно-устроительной партии, созданной в 1811 г. Еще 188 дел по землеустроительным работам находятся в Шадринском филиале ГАКО, фонды 283 и 6.

Во время своего короткого пребывания М.М. Сперанского на посту губернатора в Сибири произошло немало положительных изменений. Среди них были и перемены, коснувшиеся и межевого комитета, который признал свою неспособность провести предложенную губернатором съемку наиболее заселенной части Сибири (от южных границ до 60-й широты). Для этих работ набиралась новая экспедиция, состоявшая из начальника, 16 офицеров и 50 топографов. Уже в 1826 году этот проект, как и ряд других проектов, предложенных Сперанским, был приостановлен «до того как позволят приступить к этому финансы». Хотя в Курган-

ском, Ялutorовском, Ишимском округах работа топографов не прерывалась⁷⁶.

В 1831 г. вопрос о межевании этих земель вновь был поставлен на повестку дня, чему способствовала организация Министерства государственных имуществ. Межевание в Западной Сибири возобновилось в 1831 году по представлению преемника М.М. Сперанского генерал-губернатора Сибири П.М. Канцевича, одновременно комитет признал, что: «В Сибири измерение земель составляет одно из самых необходимых дел, а для Западной Сибири особенно нужно для наделения крестьян законною пропорцией земли, для сбережения лесов, для поселения ссыльных и для переселения крестьян из внутренних губерний». Даже в этих коротких строках видно, насколько важно было межевание в Сибири, что оно охватывало самые разнообразные стороны жизни – от экологии до сохранения морально-нравственного облика селян (в том случае, когда регламентировалось расселение ссыльных на свободных землях целыми селениями, но вдали от крестьян-старожилов, «дабы не смущать мирных обывателей зловредными нравами»).

Доказательством того, насколько серьезно относилась администрация к проведению межевых мероприятий, служит пожелание Tobольскому губернатору, сделанное лично Николаем I при высочайшем утверждении журнала комитета по межеванию земель в Tobольской губернии от 6 ноября 1831 года: «При сем поставить на ответственность губернатора бдительно наблюдать за ходом сего дела, дабы не допустить жалобы на притеснения».

Еще одним подтверждением серьезности отношения властей к межеванию может служить и то, что «ведомость надела землей государственных крестьян и переселенцев в Курганский округ» подписал лично начальник межевания казенных земель в Западной Сибири, генерал-майор Будберг и старший запасный землемер титулярный советник Медведев⁷⁷.

В этом же 1831 г. была сформирована рота топографов для обмежевания земель в Сибири. В уезде межевание было возложено на местных землемеров. Уже в 1832 г. они приступили к разграничению участков и отводу наделов; большая часть ранее составленных планов признавались

⁷⁶ Дуров А. Краткий исторический очерк о колонизации Сибири. Томск, 1891 ; Осипов Н. О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа. Т.1-3. СПб., 1890.

⁷⁷ Дуров А. Указ. Соч. С.41 ; ГАКО.Ф.245, Д.1981.

негодными. С возникновением в 1837 г. Министерства Государственных имуществ резко возрос объём работы по выделению земель для поселенцев, но только в 1843 г. штат землемеров был увеличен, и была сформирована четверть-рота топографов, для выделения земли под колонизацию. Результатом 10 лет их работы в Курганском округе стала «Карта Тобольской губернии Курганского округа участков земли для наделения государственных крестьян старожилов и на излишнии земли для переселения из малоземельных губерний» с примечаниями.⁷⁸

Карта округа составлена на основании годовых съёмочных отчетов. Отдельными участками на карте выделены церковные земли, городской выгон, земли частных владельцев и государственные оброчные статьи.

Сибирский Комитет пришел к выводу, что межевание является важнейшим делом «для Западной Сибири, особенно нужно для наделения крестьянина законной пропорцией земли, для сбережения лесов, для поселения ссыльных и для переселения крестьян из внутренних губерний».

В течение нескольких лет создавались топографические карты уездов Тобольской губернии с указанием границ сел и деревень, а также удобных и неудобных земель для занятия сельским хозяйством или промыслами. Затем землемеры приступили к «задаче по приведению в известность окружной черты так, чтобы в каждой волости на каждую душу по седьмой ревизии было по 15 десятин, а излишнюю землю отрезать в казенное ведомство для наделения крестьян 15-десятинной пропорцией, у коих она неполная».

Генеральное межевание в Курганском округе подготовило большие участки свободных земель для переселенцев, которые начали поступать большими партиями сразу же после обмежевания дач, предназначенных для них. Всего для переселенцев в округе было подготовлено около 40 участков земель с картами и планами. В основном это были земли в южных волостях округа.

Кроме межевых книг и полевых журналов в отчетах землемеров встречаются «Топографо-статистические описания» отдельных волостей, в которых содержатся материалы по составу населения, хозяйственной жизни, состоянию климата, почв, растительного и животного мира, путей сообщения, а в некоторых даже нравов и обычаях жителей.

⁷⁸ ГАКО. ф.245, ОП.2, Д.2.

Интересны документы с крестьянскими отзывами о результатах межевания. Изучение крестьянских приговоров позволяет оценить результаты межевания с позиции крестьянских общин. Большинство общин соглашались с новыми границами наделов и разрешением территориальных споров. Но встречались и несогласные с изменениями и требовавшие новых пересмотров границ.

Поземельные конфликты между местной администрацией и крестьянскими общинами находят отражение в делах по разбору земельных споров. Эти документы предоставляют возможность ознакомиться с функциями и персоналиями администрации, установить их взаимоотношения и взаимосвязь.

Для следующего этапа в развитии межевания характерны документы по выделению предприимчивым крестьянам сверх положенной нормы земель за счет общин, освоенных своим трудом. В этих документах содержатся сведения о взаимоотношениях внутри общин. Такими примерами могут служить дела по выделению участков под мельницы, салотопни и мыловарни. В массовом количестве эти дела встречаются после 1855 г.

Важнейшей чертой межевых документов является их содержательность, большая информативность, что делает их незаменимыми при исследовании поземельных отношений в Сибири.

Таким образом, сохранившиеся документы межевых комиссий: полевые журналы, отчеты, присяги, решения крестьянских сходов, прошения, рапорты, карты, схемы, описания и т.д. – позволяют исследовать скрытые ранее страницы истории межевания в Южном Зауралье.

Межевание земель Южного Зауралья началось с «Высочайшего повеления о приступе к нарезке крестьянских наделов» от 06 ноября 1831 г. Согласно этому постановлению планировалось формирование волостных фондов, из которых на одну ревизскую душу старожилов предусматривался надел в 15 десятин, а на излишних землях планировалась организация переселенческих деревень. В 1832 г. начался такой отвод земель крестьянам девяти волостей Курганского округа. Основанием для отвода земель послужили данные седьмой ревизии. Межевые комиссии подтверждали верховное право собственника: устранялась черезполосица, выделялись земли для переселенцев, а с 1844 г. излишки вымежевывались в оброчные статьи, с 1848 г. из крестьянских владений отрезались леса и передавались в казну. Даже такое межевание проводилось очень медленно и было за-

кончено лишь к середине XIX века. Нередко земли Курганского округа приобретались новыми владельцами с учетом интересов государства-собственника. Рента за пользование наделами становилась единой.

После губернской реформы 1775 г. ряд провинциальных контор был упразднен. Уже в этих инструкциях предусматривалось обязательное присутствие при межевании 12 понятых, дававших клятвенное обещание. Вот как выглядело это обещание в 1847 г. при межевании земель Курганского округа: «Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом перед святым его Евангелием в том, что в деле сем, к которому я призван свидетельствовать, имею показать самую сущую правду и всею ясностью, сколько о том по истине знаю, ни мало из всего того ни под каким видом не утаивая и никому никак не норовя ни для вражды, ни для страха, ни для подарков или какой либо корысти, но со всею истиною и как перед Богом и судом Его страшным ответ в том дать должен, в заключении же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь. Подпись.»⁷⁹. Правда, с подписями выходило не всегда гладко, поскольку даже уважаемые и знающие люди, выбираемые в понятые, нередко были неграмотны. Типичной иллюстрацией этого факта могут служить соответствующие записи в межевых документах: «к сему плану вместо крестьянина деревни Новой Антона Пушкарева за неимением его грамоте по личной его просьбе ... поверенный от деревни Новой Платон Загурской руку приложил» или «к сему плану вместо волостного правления от волости Смолинской Ивана Шушарина и вместо понятых сторонних людей Падеринской волости разных деревень государственных крестьян всего 12 человек имена коих написаны в присяжном листе, приложенном при полевом журнале за неумением их грамоте по личной просьбе крестьян деревни Новой и Речковой государственный крестьянин Платон Попов руку приложил»⁸⁰.

Особенностью выбора понятых было то, что крестьяне выбирали их по 2 критериям. Первый разряд понятых – это те, которые участвуют в работе по общему межеванию волостных угодий, казенных дач, частных владений. Эти понятые работали с экспедициями почти все теплое время года, нередко выполняя роль подсобных рабочих и выбирались либо по жребию, либо из плохих ленивых хозяев. Если же решался вопрос о непосредственно общинном владении, тем более если это владение было спор-

⁷⁹ ГАКО. Ф. 245, ОП.1, Д.1779, Л.2.

⁸⁰ ГАКО. Ф. 245, ОП.1, Д.3.

ным, то здесь избирались наиболее грамотные, опытные и знающие люди, способные отстаивать свои интересы, поскольку межевание было не столько измерением земли при помощи цепи или веревки или сажени, сколько, по сути, являлось судом по делам о земельной собственности, особенно в исследуемый период. И не случайно даже совпадение числа 12 (апостолов, присяжных заседателей в суде, понятых при межевании). Тем не менее, нередкими были случаи, когда на помощь землемерам приходилось присылать полицию. Примером может служить спор между елымскими и каминскими крестьянами курганского округа по поводу замежеванной в общее пользование территории на правом берегу Тобола. Спор принял характер военных действий. Скот, переходивший реку, изымался или убивался, крестьяне дрались. Землемер Андриан Данилов, присланный для проведения межевания и разрешения спора, отказался его проводить «дабы не учинилось смертоубийства» крестьян этих волостей, от которых уже пострадали и писарь, и священник и ряд выборных. Такие случаи, конечно, были, и, употребив власть, правительство привело крестьян к смирению, но чаще все-таки дело решал межевой чиновник, который, по сути, являлся судьей о земельной собственности, причем от его честности и компетентности зависело очень много. Хотя нельзя забывать двух вещей, столь характерных для исследуемого периода: во-первых, взятка не только не считалась грехом, а была почти обязательным атрибутом, сопутствующим общению крестьянской общины с чиновничеством, а во-вторых, нередко слабой специальной подготовкой чиновников, особенно в такой сфере как измерение земель. В результате этого законодательство было вынуждено особенно строго следить за соблюдением справедливости⁸¹.

В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» от 15 августа 1845 г., в главе 11 наличествует отделение, посвященное проступкам и преступлениям должностных лиц межевой части. Хотя согласно «Учреждению для управления губерний Всероссийской империи» от 1775 г., в главе 3, пункт 69, было отмечено: «В губернию губернский, а в уезде уездный землемеры определяются сенатской межевою экспедицией», что подразумевало тщательный подбор кадров. Тем не менее, во втором отделении «О преступлениях и проступках чиновникам по делам межевым» было 10 статей, предусматривающих наказание межевиков. Остановимся на них особо, поскольку они отражали существовавшую действитель-

⁸¹ ГАКО. Ф. 245, ОП.1, Д.1-10.

ность. Их можно поделить на 4 категории. Первая – это неумышленные ошибки, которые приводили к несправедливому и неправедному межеванию. Вторая – это умышленные притеснения владельцам или крестьянам, требование подарков и взяток, размежевание казенных земель в другое владение, составление неправильных планов и т. п. Третья – это небрежение и незнание, вызвавшее неверности при межевании. Четвертая – это использование своего служебного положения при межевании своих земель или родственников. Наказание же было весьма строгим, от минимума – штраф по 3 коп. за каждую неправильно перемеренную десятину до лишения всех прав состояния и ссылки в Сибирь на поселение⁸².

Работа землемеров была регламентирована до предела, как в принципе и все в России во время «бюрократической империи». Под регламент попадали: нормы расходных материалов «на одного землемера годовой выдачи бумаги – 3-4 дести, карандашей – 1 дюжина, перьев – 2 пучка, клея – 2 куска весом 5,3 золотника, туши китайской – 2 куска, резины – 2 куска», прогоны, нормы питания, соблюдение инструкций. За ошибки платили, кроме перечисленных выше статей, выговорами, лишением права на ордена, гауптвахтами, арестами и снятием с должности. Так землемер Завьялов, сделавший очень много в межевании Курганских земель получил 8 суток гауптвахты «за нарушение грани 1783 г» и межевание против 15-десятинной пропорции.⁸³

В ходе Генерального межевания в России было размежевано 275 млн десятин, составлено более 200 тыс. планов владений, на основе которых были созданы впоследствии уездные планы, губернские атласы. Приложением к этим атласам и планам были экономические примечания, включавшие в себя статистические сведения (в Зауралье по 8 ревизии) о числе жителей, дворов, количестве усадебной и пашенной земли, покосов, удобий и неудобий, лесов, дорог, водоемов и т.д., и топографических примечаний, в которых приводились сведения о качестве почвы, качестве лесов, водоемов, животном мире, доходности промыслов, ремесел, урожайности, ценах и т.д.

Таким образом, в рассматриваемый период государству удалось основательно реализовать свои права собственника и в Зауралье. Из некогда свободно захваченных земель предполагалось выделить для государ-

⁸² Российское законодательство X-XX веков. Т.5, С.179, Т.6, С.294-294, 404-405. М., 1984.

⁸³ ГАКО. Ф. 245, ОП.1, Д.3, 567, 678, 924.

ственных крестьян-переселенцев 400 967 десятин, из них 395 706 десятин удобной для занятий сельским хозяйством, для водворения пятисот семейств бедных дворян – 41 270 десятин, из них 40 000 десятин удобной, 35 607 десятин было выделено в казенно-оброчные статьи, 129 210 десятин – в лесные дачи казенного ведомства и 212 десятин для «государственных преступников». У крестьян-старожилов Курганского округа оставалось 1 253 014 десятин, из них удобной – 819 078 десятин на 42 814 д.м.п., что составило по 19,1 десятины удобной земли на д.м.п. Данные цифры были получены в результате анализа более 100 дел, содержащихся в 245-м фонде ГАКО.

В Зауралье так же, как и в других регионах были составлены общие «топографо-статистические примечания», особенностью которых стало то, что кроме вышеперечисленных проблем они включали в себя даже социально-психологические характеристики крестьянских характеров с натуры. Таким образом, на землемеров, работавших в межевых комиссиях, ложились самые разнообразные задачи. Правительству они служили для выполнения фискальных задач, наделение крестьян положенной земельной нормой, выделение излишних земель в казенно оброчные статьи и для приема переселенцев. Тем самым решались проблемы малоземелья в центре, снималась социальная напряженность. На местах землемеры являлись представителями местной администрации в земельных спорах, проводниками подушного наделения землей, но благодаря своему образованию им приходилось быть и социологами, биологами, географами, почвоведками, экономистами, юристами и психологами. Конечно, те их отчеты, которые дошли до нас неоднозначны. Одни из них пользовались заготовленными трафаретами, что доказано документально, другие подходили действительно творчески. Тем не менее, тот блок документов, который остался нам как результат работы межевых комиссий и комитетов дает возможность характеризовать жизнь зауральских крестьян совершенно новых, ранее неизвестных сторон, а данные, сохранившиеся в них, явились отражением уровня развития социально-экономических отношений в регионе.

Во второй половине XIX в. в связи с дальнейшим переселением в Южное Зауралье Генеральное межевание продолжилось. Одна из главных проблем, которую вызвала переселенческая политика, – это проблема

«земельного голода» и земельные споры между переселенцами и старожилами в Южном Зауралье.

Обратимся к архивным документам.

Осенью 1862 г. Тобольская казенная палата выделила 1800 десятин из дачи Утятской и участка Патраковского Меньшиковской волости. Однако крестьяне, владевшие данными участками крестьян д. Обуховой, «пользоваться тою землею не допускают»⁸⁴.

«Главным возбуждением споров между крестьянами означенных 3 волостей служит, сколько недостаток угодий, так и не уравнильный раздел между ними угодий по общественным сходам, а правильного и миролюбивого раздела угодий не было». Поэтому Тобольская казенная палата предлагала провести очередной раздел угодий с помощью «землемера, земского чиновника, волостных начальников и крестьян, как посторонних волостей, так и особо избранных от каждого общества разделяющихся селений». Если при проведении передела «последует спор, который не кончится полюбовно между крестьянами, то спорные селения оставить в общем владении с предупреждением их, что жалобы на неуровнительность угодий уже не будут принимаемы начальством»⁸⁵.

Другой пример: Тобольская казенная палата 4 марта 1865 г. рассмотрела вопрос о стеснении в пользовании землей переселенцев старожилами д. Гагарьей Сычевской волости.

Переселенцы в количестве 70 душ были водворены в д. Гагарью из Смоленской губернии в 1857 г. и получили земли «со старожилами д. Гагарьей узаконенную 15-десятинную пропорцию на каждую ревизскую душу, а потому должны вместе со старожилами искать общее уравнильное пользование в земельных угодьях». В результате рассмотрения жалобы 10 августа 1865 г. крестьяне-старожилы уступали переселенцам «во владение часть хлебопахотной и сенокосной с лесом земли». В результате состоявшегося передела переселенцы остались «наделом земляными угодьями довольны»⁸⁶.

Однако далеко не всегда вопросы по землепользованию решались удовлетворительно для всех сторон. Нередко административные органы не могли разрешить возникший спор. 30 апреля 1868 г. крестьяне д. Стро-

⁸⁴ ГАКО. Ф. 245, Оп. 1, Д. 34, Л.21.

⁸⁵ Там же, Л. 74-75.

⁸⁶ ГАКО. Ф.245, Оп.1, Д.122.

евой Сычевской волости подали прошение об изменении границы, «разделяющей наше и крестьян с. Дубровского владение». Крестьяне д. Строевой заявили, что переселились из Псковской губернии в 1847 г. и были «водворены на озеро Строево с наделением 15 десятинной пропорцией земли». В результате их деревня оказалась на расстоянии 125 саженой от наделов села Дубровского и скот крестьян д. Строевой постоянно заходит на эти наделы, и крестьяне с. Дубровского «взыскивают за то значительные деньги и имеют с каждой лошади от 1 руб. до 1 руб. 50 коп.». По этой причине крестьяне д. Строевой просили изменить границу их наделов, уступая взамен другую землю. Крестьяне с. Дубровского 18 марта 1873 г. на общем собрании постановили «уступить земли 400 десятин от грани, находящейся близ д. Строевой из участка нашего Дубровского в местности, прилегающей к упомянутой границе, мы не желаем». Решение данного вопроса относится к 16 сентября 1876 г. (!), когда в конечном итоге старая «граница между участком Строевским и Дубровским уничтожена, а взамен ее утверждена новая»⁸⁷.

3 августа 1872 г. крестьяне д. Верхне-Глубокой старожилы и переселенцы, окружной землемер, Лебяжьевский волостной голова, и 12 человек понятых постановили передать «спорный вопрос о разделе угодий между крестьянами д. Верхне-Глубокой на обсуждение волостного схода». Старожилы и переселенцы д. Верхне-Глубокой пользовались угодьями раздельно друг от друга, что не удовлетворяло старожилов, «потому что в отведенный участок переселенцев вошли самые лучшие пахотные земли, а также и водопои». Переселенцы отказывались объединить свои угодья со старожилами, потому что они «отделены уже 20 лет и хотят, чтобы к участку им отведенному было дополнено, то количество земли, рядом с их участком сполосно». Решение спорного вопроса могло произойти только по мирским приговорам, но «оба общества от составления приговоров отказались», и вопрос должен был быть передан на решение волостного схода⁸⁸.

Таким образом, во второй половине XIX в. правительству не удалось навязать крестьянству Сибири передельно-уравнильный принцип владения землей. В Сибири, в том числе в Южном Зауралье, было распространено индивидуально-подворное землевладение, предполагавшее за-

⁸⁷ ГАКО. Ф.245, Оп.1, Д.114.

⁸⁸ ГАКО. Ф.245, Оп.1, Д.638.

хватную форму землепользования внутри волостей и передачу земель по наследству.

Тем не менее, волостные и сельские общества выступали достаточно часто в виде коллективных челобитчиков в борьбе за пашенные земли. Но формальное закрепление земель за волостью, селением было лишь этапом, предваряющим реальное овладение этой землей наиболее крепкими («лучшими») обуржуазившимися товаропроизводящими хозяйствами.

Проводившие межевания чиновники при отсутствии какого-либо контроля сверху преследовали в свою очередь корыстные интересы. Давая им взятки, наиболее богатые крестьяне получали при отводе лучшие земли, вследствие чего конфликтные ситуации в ходе межевания только учащались. «Земельные конфликты могли привести к поджогу усадьбы, к другим видам столкновений. В 1831 г. крестьяне д. Белой Петуховской волости Ишимского округа силой изгнали, разрушив постройки и вытравив посеы Ивана Пережогина с товарищами, принадлежавших к ведомству Соколовской волости Петропавловского округа. Судебное дело 1850 г. зафиксировало факт «бития Мостовской волости крестьян Гавриловых с товарищами таковыми же крестьянами Саламатовской волости на спорных землях» (Ялуторовский округ). Свидетели показывали, что «с давнего времени происходят на спорных местах ссоры и самая драки, отчего происходило взаимное причинение убытков через вырубку и увоз леса, дров, хлеба, распашку земель»⁸⁹.

Вместе с тем споры по землепользованию возникали и внутри сельских обществ. Так, крестьянин Д.З. Пичугин 23 августа 1869 г. подал прошение о запрещении крестьянам д. Волчьей Утячьей волости пользоваться арендованным Д.З. Пичугиным Щучанским участком. В своем прошении Д.З. Пичугин писал, что отправленные им работники на Щучанский участок были прогнаны крестьянами д. Волчьей, «самовольно выкосивших траву, которой по свидетельству волостного головы и понятых, оказалось накошено 856 копен». Д.З. Пичугин просил предоставить в свою собственность накошенное сено и принять меры для «устранения возможных беспорядков»⁹⁰.

⁸⁹ Мамсик Т. С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. Новосибирск, 1987. С. 45-46.

⁹⁰ ГАКО. Ф.245, Оп.1, Д.1126.

Таким образом, переселенческое движение вызывало в южнозауральском регионе нехватку земли и земельные споры не только между старожилами и переселенцами, но и внутри старых крестьянских общин. Все это ускорило процесс перехода от совместного общественного владения несколькими общинами земельных, лесных и других угодий к раздельному. Причем переход к раздельному владению землей отдельными обществами и поземельное устройство крестьян путем «полюбовного соглашения» было практически невозможным. Основной причиной этого явления была юридическая неоформленность понятия земельной частной собственности среди государственных крестьян. Земля в подавляющем большинстве оставалась государственной собственностью, и на административные органы ложилась вся ответственность за решение проблем наделения землей каждого сельского общества. Все это, естественно, не могло решить межобщинных, а часто и внутриобщинных споров крестьян. Административные органы имели лишь один способ решения споров – наделение крестьянских обществ дополнительным количеством свободных казенных земель. Однако такой способ решения снимал остроту земельных споров лишь на время.

Рост земельных споров можно объяснить и важными социально-экономическими изменениями, происходившими в России на рубеже XIX-XX вв. (это и отмена выкупных платежей, и реформа Столыпина, и строительство Сибирской железной дороги, и другие модернизационные процессы).

Решение земельных споров на новой основе предполагало передачу государственной собственности на землю в руки отдельных домохозяев. Начало данному процессу во второй половине XIX в. положил указ 24 ноября 1866 г., в котором впервые предоставлялось право продажи наделенной земли как сельскими обществами, так и отдельными домохозяевами после 3 лет владения всем заинтересованным в ее приобретении лицам. Указ 31 марта 1867 г. распространил право владения землей на более широкие слои крестьянства с выдачей владенных записей, в которых указывалась «полная сумма оброчной подати», необходимая для выкупа надела в собственность, для тех же, кто уже свои угодья выкупил, владенные записи не составлялись, а заменялись выданными на выкупленные земли купчими. Указ 12 июня 1886 г. заменил выплату государственной оброчной подати выкупными платежами, срок внесения которых устанавливал-

ся в 43 года с 1887 по 1931 гг. Непосредственное проведение данных реформ началось в Южном Зауралье с западных волостей, входивших в Оренбургскую и Пермскую губернии.

Так, 1 января 1874 г. была составлена владенная запись крестьянам с. Куртамыш Куртамышской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии. Во владенной записи сообщалось, что в с. Куртамыш «числится 524 ревизских душ крестьян», которые имеют во владении 8 244,8 десятин земли, состоящей в общинном уравнительном по числу ревизских душ пользовании селения», за это крестьяне «обязаны вносить государственной оброчной подати со всего селения 1 884 рубля 45 копеек»⁹¹.

Нередко государственные чиновники во владенных записях стремились завысить цену на землю, переводя ее в более высокий разряд по плодородию и качеству, с целью увеличения выкупных платежей.

2 декабря 1890 г. крестьяне д. Шутихи Петропавловской волости Шадринского уезда подали прошение старшему чиновнику по выдаче владенных записей о неправильном отмежевании в 1859 году 1019 десятин «земли нашего Шутихинского общества, которой ныне пользуется Першинское общество». Крестьяне также указывали на разное качество пашенных угодий, «между тем, выкупные платежи были назначены в одинаковом размере»⁹².

Владенные записи выдавались как отдельным хозяевам, так и сельским обществам.

В 1893 г. производитель работ по составлению и выдаче крестьянам владенных записей в присутствии уполномоченных от крестьян вручил крестьянам с. Редутского Каминской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии владенную запись на пользование землей. В записи говорилось о том, что в с. Редутском «числится ревизских мужского пола душ крестьян 394 и отставных чинов 1, во владении которых 6 360 десятин земли». Земля состояла «в общинном по числу ревизских душ пользовании с. Редутского, ежегодная сумма выкупных платежей составляла 890 руб. 21 коп., означенная сумма должна была вноситься по 1 января 1938 г.». Крестьяне с. Редутского участвовали в общинном владении землей и были ответственны «круговую порукой в исправном взносе причитающихся с них выкупных платежей».

⁹¹ ГАКО. Ф.245, Оп.1, Д.1688.

⁹² ГАКО. Ф.245, Оп.1, Д. 3.

Владенные записи выдавались не только крестьянам-старожилам, но и крестьянам-переселенцам. Например, 19 мая 1899 г. производитель работ по составлению и выдаче крестьянам владенных записей вручил владенную запись семье переселенцев Ожгибасовых, проживавших в с. Куртамыш. Во владенной записи было указано, что в семье Ожигбасовых «числится мужского пола 3 души крестьян, которые имеют во владении 17,5 десятин различного качества земли». Ежегодная сумма выкупных платежей Ожгибасовых составляла 6 руб. 84 коп., и они обязаны были вносить ее «в узаконенные сроки по 1 января 1941 г.»⁹³.

Данный документ примечателен также еще и тем, что он наглядно свидетельствует о сокращении нормы удобных пахотных земель, приходящихся на оброчную мужскую душу. Если еще в середине 80-х гг. XIX в. «в Зауралье существовало четыре варианта такой нормы – 15; 18; 18,75 и 21 десятина на душу (ревизскую или наличную мужского пола), из которых 15-десятинная пропорция была самой распространенной и установленной законодательно, то уже в конце 90-х гг. XIX в. эта норма значительно сократилась, что, несомненно, связано с ростом миграционного населения»⁹⁴.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1 Документы по генеральному межеванию в Южном Зауралье довольно обширны и носят самый разнообразный характер: от полевых журналов и карт до крестьянских сходов и прошений.

2 Данные документы обладают несомненной исторической ценностью. В них представлены всевозможные сведения от географического и топографического описания Южного Зауралья до социально-психологических характеристик крестьянских нравов с натуры.

3 На землемеров, работавших в межевых комиссиях, ложились самые разнообразные задачи. Правительству они служили для выполнения фискальных задач, наделения крестьян положенной земельной нормой, выделения излишних земель в казенно-оброчные статьи и для приема переселенцев. Тем самым решались проблемы малоземелья в центре, снималась социальная напряженность. На местах землемеры являлись предста-

⁹³ ГАКО. Ф.245, Оп.1, Д.1702.

⁹⁴ Осипов Н. О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии. СПб., 1890. Т. I. 1892. Т. II.

вителями местной администрации в земельных спорах, проводниками подушного наделения землей, но благодаря своему образованию им приходилось быть и социологами, биологами, географами, почвоведом, экономистами, юристами и психологами.

4 В конце XIX века в Южном Зауралье наблюдается стремление крестьян приобрести землю в частную собственность, о чем свидетельствует рост числа владенных записей. Этот процесс был неразрывно связан с переселенческим движением, с начавшимся «земельным голодом» в Южном Зауралье и желанием старожилов сохранить свои наделы неприкосновенными.

5 Правительство в лице ответственных чиновников и сельской администрации, составляя владенные записи, стремилось повысить цену на землю, переходящую в крестьянскую собственность путем перевода земли в более высокий разряд по качеству и ценности. Это в свою очередь вызвало естественное противодействие крестьян, которые обращались с прошениями в вышестоящие органы власти.

6 Многие сибирские земледельцы воспринимали межевание как нарушение их традиционных прав.

7 Землеустроительные работы приводили не только к упорядочиванию земельных отношений и землепользования в Южном Зауралье, но и к усилению противоречий между волостями и внутри крестьянских обществ, особенно во второй половине XIX в.

8 Недовольство рядовой массы крестьян деятельностью землемеров, волостной администрацией выражалось в повседневных формах протеста, прежде всего в коллективных, групповых, индивидуальных жалобах и прошениях в вышестоящие административные органы власти, а также в судебных тяжбах и разных конфликтах между собой.

Методические рекомендации

Изучение настоящего спецкурса не представляется возможным без понимания значения поземельной государственной политики в ходе освоения Сибири в историческом регионоведении. Для полноценного изучения спецкурса магистрантам рекомендуется ознакомиться с Интернет-публикациями источников по региональной истории, онлайн-выставками документов на официальных сайтах местных архивных учреждений, печатными сборниками документов, путеводителями архивов и другими документами.

Основные понятия

Генеральное межевание, владенная запись, землемер, казенная палата, межевой документ.

Вопросы для самоконтроля

- 1 В чем заключаются причины Генерального межевания в России и Сибири?
- 2 Какие последовательные этапы прошло Генеральное межевание в Сибири?
- 3 С какими трудностями столкнулось проведение Генерального межевания в Южном Зауралье?
- 4 Как относилось местное население и переселенцы к проведению Генерального межевания в Сибири?
- 5 Каковы основные результаты проведения Генерального межевания в России и Сибири?

Список литературы

- 1 Альманах «Тобольск и вся Сибирь». Курган. Тобольск, 2014. XXIII том.
- 2 Дуров А. Краткий исторический очерк о колонизации Сибири. Томск, 1891
- 3 Осипов Н. О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии. СПб., 1890. Т. I. 1892. Т. II.

VIII СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА И ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯН ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

И.С. Менщиков, С.Г. Федоров

В течение более двух столетий (XVIII – начало XX в.) крестьянство составляло основной слой населения Южного Зауралья. Основным регулятором жизни русского крестьянства на протяжении веков выступала община. Она контролировала и определяла земельные наделы, оплату податей (здесь и проявлялась круговая порука), вообще устанавливала «мир и порядок». Для поддержания этого порядка община могла применять полицейские меры, вплоть до высылки и меры морального воздействия (поощрения и порицания). Община вмешивалась и в сферы, в которые, согласно закону, она вмешиваться не могла. Крестьяне крайне неохотно прибегали к помощи официальной юстиции и чиновникам, которым не доверяли. Поэтому чаще всего вопросы, касающиеся имущественных и наследственных споров и уголовного преследования, решались в волостном суде или просто на сходке. Нормы, применявшиеся в таких случаях, могли заметно отличаться от норм предписанных государством. Например, в некоторых регионах России человека, попавшегося на краже коров или овец, обряжали в волчью или собачью шкуру и били до полусмерти. После этого такого вора называли «волком», и он становился своего рода изгоем. Подобные наказания рассматривались царской юстицией как самосуд, в крестьянском же сознании они вполне укладывались в представления о правде и вписывались в нормы обычного права. Интересно мнение известного юриста XIX в. С.Л. Чудновского: «С точки зрения юриста-криминалиста, многое нравственное может быть преступным, и не всё, что преступно должно быть безнравственным; с точки зрения обычного-правовых понятий народа, и в том числе алтайского населения, все преступное обязательно безнравственно; все что нравственно, не может быть преступно».

Крестьянская община Южного Зауралья имела ряд существенных особенностей отличавших ее от общин других регионов России XVIII в. Одной из существенных особенностей южнозауральской крестьянской общины являлся миграционно-колониционный характер ее формирова-

ния и развития. В освоении Южного Зауралья и формировании крестьянской общины ссылка сыграла определенную роль. Но не стоит и преувеличивать ее влияние на традиционные нормы местной общины, считать, что все русское население Сибири происходит из ссыльных. Ссыльные по отношению к добровольным переселенцам и старожилам составляли незначительную часть населения. Это было обусловлено сокращением земельных наделов из-за наплыва добровольных переселенцев. Отсюда и враждебное отношение старожильского населения к ссыльнопоселенцам и эксплуатация ссыльных со стороны местного населения. В результате следовала ответная реакция ссыльных: бегство, бродяжничество, воровство, грабежи и другие виды преступлений по отношению к местному населению. На основании статистического анализа материалов судебных дел в волостных судах Южного Зауралья наибольшее количество преступлений с участием ссыльнопоселенцев приходится на начало 80-х гг. XIX в., к началу XX в. этот процент значительно снижается, что связано как с уменьшением количества ссыльных, так и с изменениями социально-экономических условий в южнозауральской общине (капитализация трудовых отношений в деревне, движение сельского населения в город, возникновение новых форм хозяйствования и др.), которые в свою очередь вели к появлению новых правовых традиций и новых форм правового поведения в крестьянской среде.

Говоря о нормах поведения, следует отметить, что они задавались традицией, хранителем их выступали семья и община. Поведение, нарушающее эти нормы, в социологии называется криминальным и девиантным. Криминальное поведение, то есть преследуемое в уголовном порядке, определяется законом. Это наиболее тяжкие антиобщественные поступки. Состав их может меняться с течением времени. Например, преступления против чести и религии относились раньше к числу наиболее тяжких. За бесчестье могло последовать наказание более тяжкое, чем за увечье. С другой стороны, наши предки сильно бы удивились, узнав, что в современном уголовном законодательстве наказывается жестокое обращение с детьми или с животными. Девиантное (отклоняющееся) поведение обычно нарушает моральные нормы. Оно может иметь положительный характер и со временем стать нормой (например, женское образование), но чаще всего оно нарушает и разрушает установленными веками моральные нормы и тем самым – уклад жизни общества. Наконец, выде-

ляют также поведение делинквентное – противоправное, но не нарушающее уголовный закон, проступки носят относительно незначительный характер. К нему относят в настоящее время так называемые административные правонарушения.

Девиация предполагает наличие нормы. Поведение русских крестьян регулировали разные виды социальных норм. Первичным и основным регулятором выступали нормы моральные, закрепленные в коллективном сознании. В качестве осуждения могли выступать дурная слава, отказ от общения, негативные или унижающие прозвища, оскорбительные слова или действия. Проявления делинквентного поведения наказывались, как правило, общинной сходкой или волостным судом, который состоял в основном из крестьян. Однако могли наблюдаться и случаи самосуда. Основой для пресечения такого поведения служили нормы обычного права, которые могли различаться в отдельных местностях, но в целом были близки на всем ареале проживания русских. Нормы обычного права могли отличаться от норм писаного права. В тех случаях, когда обиженная сторона не жаловалась, действовали правила моральных норм, чаще всего в форме общественного осуждения. Изучая традиционные нормы, всегда следует иметь в виду сочетание социального и этнического аспектов. Классы, социальные слои и малые (контактные) группы имели свои этические традиции, реализовывавшиеся в рамках специфики конкретного этноса. Поэтому то, что в одной социальной или этнической группе считалось нормой, в другой могло рассматриваться как преступление (например, многоженство).

Итак, русская крестьянская семья и крестьянская община в Западной Сибири сумели поддерживать порядок и существующий моральный кодекс. Нарушения норм морали были явлением достаточно редким. Но, что более важно, эти нарушения решительно наказывались и пресекались. Лишь незначительная случаев выносилась за пределы узкого круга семьи и общины. И хотя в деревне все всё знали, далее разговоры не шли. Лишь в сложных и противоречивых случаях крестьяне обращались к помощи закона и неписанного обычного права.

В семье правила поведения были известны. Наказания за их нарушение были окрик или суровый взгляд старших. Нередко прибегали и к физическим наказаниям, причем и взрослых членов семьи которые совершались отцом семейства или с его согласия другими членами семьи. Млад-

ших, несовершеннолетних мог наказывать любой старший. Все отклонения от нравственных норм затрагивали прежде всего семью – родителей, мужа, жену, подрастающих детей. Семья, по русским народным представлениям, – опора нравственности, оплот её. Поэтому так дорожили общественным мнением соседей и были чувствительны к дурной славе порочающим слухам. К началу XX века отмечается число жалоб в волостные суды на оскорбления и бесчестье, причем как от мужчин, так и от женщин.

Говоря о социальных нормах и поведении человека, которое они регулировали, следует помнить, что реальное поведение неисчерпаемо и многообразно и не может быть сведено к нормативным требованиям. Упорядоченность поведения – неперемное условие социального существования человека – сама по себе не приводила к обеднению поведения личности. Поэтому важно, на наш взгляд, сохранить различие (и терминологическое и понятийное) между нормой поведения и стереотипом, или между канонem и шаблоном. Нормы упорядочивают поведение; стереотип (шаблон) стандартизирует его. На самом деле, традиционная культура допускает определенные варианты применения правила или даже возможности нарушения его. Нередко исследователи народной культуры, особенно XIX – начала XX века, принимали шаблон, идеал поведения за некую непреложную норму. Отсюда возникает тенденция изобразить народную жизнь как сплошное нарушение принятых норм, особенно заметная среди «прогрессивной интеллигенции» и некоторых служителей культа в начале XX в. Вторая тенденция, более распространенная и, на наш взгляд, более опасная – принимать эталонное, шаблонное поведение как доминирующее, единственно существующее. Отклонения от него, если и имели место, то носили случайный характер и в основном объясняются особенностями отдельной личности. Это создало основу для благостного изображения крестьянской жизни и русской культуры, которая противостояла наступлению городской культуры и «тлетворному влиянию Запада». Следует иметь в виду, что нормы поведения были более широкими и более гибкими, чем стереотип. Так, шаблон предписывал, что главой семьи должен быть непременно мужчина, а женщина находилась в подчиненном, полурабском положении. Вместе с тем случаи женского доминирования в семье не были редким исключением (вспомним сказку о золотой рыбке) и, если не нарушали общих норм, не влекли за собой осуждения со стороны общества. В иных случаях вступали в силу нормы общественного

осуждения и даже принуждения. Интересен в этой связи случай, описанный в сказке «Головиха».

Некая баба предложила себя в качестве сельского головы: «Дак что муж пошел на совет (она зла была, ему хотелось ее проучить), сказал это старикам; те тотчас бабу выбрали в головы. Живет баба, судит и рядит, и вино с мужиков пьет, и взятки берет.

Пришло время подушно собирать. Голова не успел, не мог собрать вовремя; приехал казак, стал спрашивать голову, а баба прятаться: узнала, что приехал казак, бежит скорей домой.

- Да куда же я, да куда же я спрятаюсь? – говорит мужу. – Завяжи-ка меня, батюшка-муженек, в мешок да поставь вон к мешкам с хлебом-то.

Тут стояло с ярицей мешков пять. Муж завязал голову, поставил в середку мешков. Казак пришел да говорит:

- Э, голова-то спрятался!

Давай-ка по мешку-то плетью хлестать. Баба во все горло заревела:

- Ой, батюшка, не пойду в головы, не пойду в головы!

Казак отхлестал, ушел, баба полно головой и стала после того мужа слушать.

Здесь мы не видим прямого осуждения правления женщины в семье, хотя имплицитно это и порицается («она зла была, ему хотелось ее проучить»), но резкое осуждается вмешательство женщины в дела управления «миром». В сказке, кстати сказать, показано типичное поведение сельских начальников: «судит и рядит, и вино с мужиков пьет, и взятки берет». Однако из этого не следует, что такое поведение является нормой.

К примерам девиации можно отнести отклонения от этики отношений между полами, пьянство, «буйство». Рассматривая эту сферу, следует остановиться на природе крестьянских этических представлений. Безусловно, основу составляла православное христианское учение о нравственности. Дохристианские представления относились к второй половине XIX века к сфере далеких пережитков. Основным регулятором поведения являлось понятие греха: то, что неправильно и даже преступно, не может не быть греховным и наоборот. Здесь, правда, надо отметить, что крестьянское понимание греха могло отличаться от официального церковного. Так, например, домашние работы в пятницу или в некий «заповедный день» или иные формы поведения, продиктованные предрассудками, рассматривались в народной среде как греховные, а православная

церковь могла относиться к этому безразлично или как к безобидному суеверию. Наоборот, некоторые нормы, предписанные государством и церковью, не являлись обязательными для крестьян. Отсюда некоторое противоречие между народным пониманием правильности и правомерности поступка и официальным. Отражение этого можно найти в известной пословице «закон что дышло» и в ряде других проявлениях народной мудрости.

Нередко в оправдание своего противоправного поведения или даже бунта, крестьяне приводили в качестве аргумента, что новые законы нарушают «правду». Так, в знаменитом описании картофельных бунтов, оставленном П. Деви, рассказывается, что крестьяне были убеждены, что царя-батюшку обманули министры и чиновники, а рассылаемые бумаги – подложные и составлены все теми же чиновниками, крестьяне убеждены, что писари подменили царские бумаги и хотят за деньги отдать их «под господина». Понимая, что они бунтуют и тем самым совершают преступление, его участники, тем не менее, не видят в этом нарушения «правды», а только нарушение неправового закона.

Итак, как уже говорилось, в основе взглядов русских крестьян на мораль лежали христианские представления. Вместе с тем народная этика допускала во многих отношениях значительные послабления и даже отклонения от предписаний церкви. В этих случаях отклонения являлись скорее нормой. Они были ограничены во времени и пространстве и тем самым контролировались обществом. В разряд девиантного, как казалось бы, должно относиться поведение молодежи во время различных увеселений и игр в весенне-летний и зимний периоды. Многие элементы этого поведения сохранили рудименты дохристианского общества у русских. Но сам участники этих действий едва ли осознавали древний их смысл и содержание языческой сакральности в нем. Чаще всего на вопрос, почему так поступают, отвечали: «Сами не знаем, так заведено».

В XIX веке традиционная культура русского народа сталкивается с другой культурой – письменной, городской, профессиональной, индустриальной. Одним словом её можно назвать модернизированной. Более подробный критический разбор данной проблемы можно найти у С.В. Лурье.

Наиболее остро этот процесс контакта и конфликта двух культур происходил во второй половине XIX века, а если говорить о Западной Си-

бири – в конце XIX – начале XX века. Культура русского народа в Западной Сибири была более архаичной чем в европейской России. Это нашло отражение как в материальных проявлениях (более архаичная система земледелия, постройка домов, одежда), так и в духовных (сохранились многие древние сказки, былины, легенды). Перемены происходили весьма медленно, городов было мало, многие из них сохраняли в значительной мере сельский уклад жизни.

В конце XIX в южной части Западной Сибири произошли заметные изменения, которые затронули и культурную жизнь этой части России. К наиболее важным и значимым можно отнести следующие. Во-первых, проникновение индустриальной цивилизации привело к тому, что относительная экономическая замкнутость Западной Сибири стала преодолеваться. Во-вторых, проведение Транссибирской железной дороги способствовало этому проникновению и ускоряло этот процесс. Следствием этого стал бурный рост городов вдоль железной дороги. Они стали основным транслятором новой культуры в Западной Сибири. Наконец, следует учитывать ещё один фактор – ослабление роли общины. Именно община была хранителем традиций и основ традиционной культуры. Как только этот стержень начал утрачивать свою былую жёсткость, механизм поддержания традиции стал давать сбои.

Проведение Транссибирской железнодорожной магистрали значительно увеличило переселенческие потоки в Западную Сибирь. Наряду с положительными переселенческое движение несло в этот регион и ряд отрицательных последствий, среди которых главным была проблема «земельного голода» и земельные споры между переселенцами и старожилами. При этом передельно-уравнительный принцип владения землей, который несли переселенцы, вступал в противоречие со старозаимочным принципом старожилов. Данный принцип в правовом мировоззрении зауральского крестьянина превращал землепользование в землевладение и распространялся не только на землю, но и на угодья. Многие сибирские земледельцы воспринимали госмежевание как нарушение их традиционных прав. Решение земельных споров чаще всего происходило двумя путями: обычным порядком («полюбовная» договоренность спорящих) и порядком судебным. При этом судебный порядок начинает значительно преобладать к концу XIX в. Статистический анализ решений волостных судов второй четверти XIX – начала XX в. дает картину неуклонного уве-

личения количества дел по земельным спорам в южнозауральской общине⁹⁵. К концу XIX в. в Южном Зауралье наблюдается стремление крестьян приобрести землю в частную собственность, что объясняется желанием старожилов сохранить свои наделы неприкосновенными. Стремление крестьянства зафиксировать свои наделы в частной собственности в официально-юридическом порядке указывает на то, что переселенческое движение во второй половине XIX в. привело к укреплению и значительному развитию индивидуалистических настроений в южнозауральской общине.

Свои особенности в обычноеправовых традициях существовали и в общинно-семейном быте крестьян Южного Зауралья. С социально-экономическим развитием деревни во второй половине XIX в., усиленным проникновением в нее рыночных товарно-денежных отношений существенно изменяются и обычноеправовые воззрения русского крестьянства, в том числе и южнозауральского. Трудовое начало в русском обычном праве вступает в резкое противоречие с крестьянской собственностью на землю, ее пользованием и владением в южнозауральской общине. Этому способствовало и расплывчатое российское законодательство о поземельном праве сибирского крестьянства. Но и в конце XIX – начале XX в. принцип старозаимочности оставался господствующим в поземельном праве крестьянской общины Южного Зауралья. Следует отметить минимальное вмешательство местной общины в юридические поземельные отношения крестьянства.

С конца 60 – начала 70-х гг. XIX в. в южнозауральской общине проявляется тенденция крупных покупок земли богатой частью крестьянства в частную собственность. Данные факты свидетельствуют о развитии модернизационных процессов в южнозауральской деревне: рост социально-экономического расслоения в крестьянской среде, замена общинных традиций частнособственническими настроениями и взглядами у определенной части крестьянства.

Во второй половине XIX в. характер отношений в южнозауральской семье оставался традиционно авторитарным. Крестьянская семья жила в

⁹⁵ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.43. Л.40-42, 44-46, 50-51; Д. 51. Л. 23-25, 31-32; Д.53. Л.17-18, Л. 30-32; Д.54. Л.10-12, 44-46; ГАГШ. Ф.27. Оп.1. Д.53. Л.17-19; ГУТО ГА г. Тобольска Ф.164.Оп.1.Д.48.Л.18-24; Ф.579. Оп.1.Д.10. Л. 36-40; Д.12. Л.9-12.

рамках и под опекой сельской общины, которая по обычному праву могла вмешиваться во внутрисемейные отношения и регулировать их.

Однако архивные данные свидетельствуют, что модернизационные процессы не только оказывали влияние на экономические и правовые отношения в крестьянском обществе, но и воздействовали на такой традиционный институт крестьянского мира, как патриархальная семья, в частности на половое поведение супругов, которое в рассматриваемое время стало более «свободным». Женщины Южного Зауралья выполняли важные хозяйственные функции, имели определенные имущественные права, вступали в правовые сделки по движимому и недвижимому имуществу, а после смерти мужа часто наследовали значительную часть всего нажитого семейного имущества.

Происходившие изменения носили двойственный характер. К началу XX века основные города Западной Сибири начинают постепенно утрачивать черты «большой деревни», присущие им в середине XIX века. В городах появляются, как тогда говорили, «черты цивилизованности» – тротуары, извозчики, телефон, местные газеты. Там находились силы, желавшие сломать привычную рутину. Одним из основных проводников новых веяний в области культуры были различные общественные объединения и организации. Культурная деятельность их уже получила определённое освещение в научной литературе, но не стоит преувеличивать эту степень «цивилизованности».

С другой стороны, вытеснение традиционных форм поведения, ослабление роли общины и её контрольных функций и в меньшей степени, семьи привело к появлению и развитию новых норм поведения. Такое отклоняющееся, девиантное поведение выразилось прежде всего в гипертрофированном пьянстве и тесно связанным с ним хулиганстве. Последнее явление было не знакомо русской деревне. Поэтому она оказалась неподготовленными к нему, что и нашло своё отражение в различных источниках.

В начале XX в. число исковых заявлений в волостных судах от женщин по разным имущественным спорам, гражданским и мелким уголовным проступкам в Южном Зауралье существенно возрастает по сравне-

нию со второй половиной XIX в., и к 1905 г. эти исковые заявления составляли 15% от общего числа всех заявлений⁹⁶.

Утрата традиционных ориентиров для большинства крестьян привело к уходу от быстро меняющегося мира к пьянству и развитию девиантного поведения. Многие авторы отмечали, что изменения некоторых обрядов превращает свадьбы, именины, похороны в безличное пьянство, которое эти обряды заменяет. Критический тон в публицистике и этнографических обзорах начинает сменять благостный, несколько умильный тон характерный для исследователей XIX века, особенно народнического и консервативного направлений.

Смена типов культур в Западной Сибири, точнее в южной её части, проходил особенно быстро. Однако житель западносибирской деревни оказался неподготовленным к такой смене типов культуры. К этой дезориентации прибавились и действия правительства, которое для поправки бюджета ввело во второй половине XIX века казённую винную монополию. Таким образом, пьянство если и не насаждалось, то во всяком случае поощрялось государством. Производство и потребление спиртных напитков растёт в Западной Сибири, так же как и по всей России. С. Кротков приводит следующие данные по числу продажи вина в Тобольской губернии: в 1902 году было продано вина и водки на 3 млн руб., в 1903 – на 7 млн руб., 1905 – на 9 млн руб., а в 1906 – на 10 млн руб. С началом XX века потребление спиртных напитков становится чрезмерным, приобретает уродливые формы. Играло свою роль насаждение пьянства государством для пополнения бюджета. Немалую роль играло вторжение рынка и разрушение традиционного уклада жизни.

Одновременно возникло и развилось новое явление в зауральской деревне – хулиганство, бороться с ними призывают и представители клерикального лагеря, и сторонники «прогресса». Корреспонденты отмечают появление хулиганства именно на рубеже XIX-XX веков. «Многим казалось, – пишет один из авторов «Оренбургских епархиальных ведомостей», – что это случайное явление. Оно даже отрицалось... Теперь оно растёт и ширится... Есть зло старое, от веков нажитое... Пили, били и крали – раньше. Хулиганство означает совершенно новое явление, оно выражается в малообъ-

⁹⁶ ГАКО. Ф.129. оп.1.ДД.3,27,28,34,43,298,438,494,530,560,570.

яснимом, беспричинном озорстве... Хулиганство в деревне – несомненно, зло, разъедающее совершенно общинный уклад». Далее автор статьи проводит прямую связь между ростом пьянства в деревне и хулиганства. Он отмечает, что следствием пьянства стал рост насилия, драки, кражи у своих родителей денег и вещей детьми. Священник С. Кротков пишет, что к пьянству дети приучаются о детства. Пить не только не является предосудительным, «но и возводится как бы в религиозную обязанность... Опьянение окружено каким-то ореолом удали и молодечества». Особо следует остановиться на той фразе автора, в которой он говорит, что пьянство возводится не в ранг религиозной нормы. В условиях всё большей секуляризации общества место религиозных культов оказывается вакантным. Оно замещается традиционным пьянством, которое из сопутствующего празднику постепенно становится главным ритуалом в нём, вытесняя всё остальное на периферию. Особенно бурно этот процесс пошёл после 1917 года, когда празднование многих старых праздников было просто запрещено.

К проблеме пьянства и хулиганства привлекал внимание и такой серьёзный общественно-политический журнал либерального направления, как «Сибирские вопросы». На его страницах отмечается, что «драки под пьяную руку бывали и раньше, но всегда имели под собой какую-то подкладку». Теперь же развилось озорство ради озорства, носящее все черты хулиганства. Причина этого кроется в том, что досуг крестьян ничем полезным не занят: «Водки, в самой деле, разводится всё больше, а жизнь всё голоднее, скучнее... Крестьяне смутно сознают чего им не хватает. И всё-таки в последнее время не в редкость услышать: "книжек бы нам, библиотеку бы завести"».

Проявления нового типа культуры, девиации, стали заметны и в семейной жизни. В последней трети XIX – начале XX в. можно говорить о постепенном ослаблении власти главы семьи над домочадцами, мужа над женой и родителей над детьми в среде крестьянства. Одновременно ослабевала возможность социализации молодого поколения в прежних традициях, что вело к асоциальному поведению молодежи: наблюдается рост случаев пьяного хулиганства, драк, непочтительного отношения к родителям и т.д. Все чаще происходит нарушение традиционного обычая, запрещающего отделяться при жизни родителей. Наблюдается рост семейных разделов. Малая семья, как более пластичная, была лучше приспособ-

соблена к развивающемуся товарному хозяйству, ориентированному на рынок, к колебаниям экономической конъюнктуры.

Большую роль в правовой жизни южнозауральского крестьянства играли волостные суды, которые являлись как проводниками общеправовых традиций крестьянской общины, так и низшей ступенью государственной официально-нормативной системы.

В решениях волостного суда отразились и юридическое поведение крестьянства, и влияние обычного права на это поведение. Проявлениями общеправовых традиций в процедурной деятельности южнозауральских волостных судов являлись: подача исковых заявлений в основной своей массе в устной форме, обязанность истца представить доказательства вины ответчика и подтверждения их (жалоба без доказательств расценивалась как клевета и наказывалась), неявка ответчика признавалась доказательством его вины, отмена искового заявления в случае неявки истца, решение тяжб с помощью обычая «грех пополам» и даже жребия. Однако примеры такого действия обычного права характерны только для начального периода существования волостных судов. В решениях волостных судов Курганского уезда 80-90-х гг. XIX в. выявлено лишь несколько примеров приговора по обычаю «грех пополам» и не обнаружено ни одного решения суда по жребию.

Волостные суды играли большую роль в правовом поведении южнозауральского крестьянства. В них разбирались наиболее распространенные правонарушения, мелкие уголовные преступления и имущественные споры и тяжбы в крестьянской среде. Волостные суды выполняли гражданско-правовую, административно-фискальную и нотариальную функции в жизни крестьянского мира.

Конец 70-х гг. XIX в. фиксирует определенный рубеж в юридических представлениях южнозауральских крестьян: включаясь в новые формы производственной и коммерческой деятельности, крестьяне осознают архаичность норм обычного права, критически к ним относятся, все большее распространение в волостных судах получают письменные документы, особенно в денежных и имущественных тяжбах. Участие значительного количества крестьян в судопроизводстве в рамках самоуправления, гласное разбирательство в суде имели большое значение в утверждении элементарных правовых знаний в среде крестьянства, изменяя юри-

дические представления крестьян, ликвидируя нормы обычного права, постепенно утверждая нормы буржуазных правовых отношений.

Архивные данные свидетельствуют, что ко второй половине 90-х гг. XIX в. каждое четвертое решение волостного суда в Южном Зауралье обжаловалось в вышестоящей инстанции, что говорит о стремлении крестьянства выйти из-под юрисдикции обычного права в сферу права нормативно-официального.

Как любая социокультурная система южнозауральская крестьянская община на протяжении конца XIX – начала XX в. претерпела существенные изменения. Определенную роль в этих изменениях сыграло переселенческое движение. В конце XIX – начале XX в. переселенческое движение было взято под контроль и направлялось государством, как и многие другие составляющие модернизационного процесса.

Зауральские крестьяне не приветствовали переселенческое движение по ряду причин. Одной из главных являлась нехватка земли. Наделение переселенцев землей в Южном Зауралье очень часто происходило за счет сокращения крестьянских наделов старожилов. Архивные данные свидетельствуют о росте преступности в крестьянской общине Южного Зауралья в 1907-1913 гг. Значительная часть правонарушений и преступлений в эти годы совершалась вновь прибывшими переселенцами и составляла в среднем около 40% всех дел, рассмотренных в волостных судах. Причинами совершения правонарушений и преступлений приезжими в Южном Зауралье являлись, прежде всего, оторванность от прежних социально-экономических корней и затрудненность слияния мигрантов с коренным населением.

Переселенческое движение способствовало росту частного землевладения в крестьянской общине Южного Зауралья, однако, в целом, результаты столыпинской аграрной реформы в регионе были неудовлетворительными. Например, в Шадринском уезде в течение 1907-1913 гг. укрепило землю в «личную» собственность лишь 3% всех крестьянских хозяйств⁹⁷. Отсутствие широкого крестьянского движения за выдел из общины на хутора и отруба в Южном Зауралье объясняется, главным образом, фактической собственностью зауральских крестьян на их наделные земли и глубоко укоренившимся представлением о земле как «своей».

⁹⁷ ГАГШ. Ф.475. Оп.1. Д.908. Л.1-198; Д.990. Л.1-93; Д.1043. Л.31-32; ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.431. Л.3-12; Ф.245. Оп.2. Д.14.

Важной составляющей модернизационных процессов в России являлась урбанизация. Городская культура в конце XIX – начале XX в. оказывала «разлагающее влияние» на сельскую. Под влиянием отходничества крестьянство знакомилось с ценностями и стилем поведения светских, секулярных людей, и это постепенно оказывало влияние не только на их материальный быт, но и на их менталитет. Обычное право в зауральской деревне, хотя и не полностью изживает себя, но уже в значительной мере заменяется официально-нормативным правом. Об этом свидетельствует архивный материал волостных судов Курганского и Шадринского уездов.

В целом модернизация региональная соответствовала модернизации общероссийской. В то же время модернизационные процессы, протекавшие в Южном Зауралье, имели свои особенности и отличия, например, в технологическом плане большое значение для данного региона имело строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Эта магистраль связала Южное Зауралье с европейским, уральским и мировыми рынками. Регион активно втягивался в товарно-денежные и рыночные отношения со всеми вытекающими последствиями: расслоением крестьянства, разорением его значительной части, возникновением новых форм хозяйствования.

Модернизационные процессы в Южном Зауралье происходят в сфере социальных трудовых отношений в крестьянском обществе, содержащих под собой и правовую основу. Происходит капитализация трудовых отношений в зауральской деревне, прежде всего, в развитии найма. Имеющиеся архивные материалы свидетельствуют о сравнительно широком применении наемного труда в зауральской деревне – к концу XIX в. число наемных работников составляло 24% от общего числа населения волостей Курганского округа⁹⁸. Развитие отношений найма влияло и на правовое поведение крестьян, заставляло их заключать между собой юридические сделки. Нарушение такого рода сделок вело к гражданским судебным разбирательствам. Массовый характер исковых заявлений о нарушениях условий найма свидетельствует о том, что крестьяне предпочитали уже не традиционный предварительный суд мирской сходки, а именно «официальный» низший волостной суд.

⁹⁸ Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и г. Кургана Тобольской губернии. Курган, 1895.

Другим примером воздействия модернизационных процессов на правовое поведение зауральского крестьянства является сибирское маслоделие и участие в нем общины. В маслодельное производство вовлекались тысячи крестьянских хозяйств по всей Западной Сибири.

Вовлечение крестьян Южного Зауралья в кооперативное движение в конце XIX – начале XX в. одновременно втягивало их в сферу новых правоотношений. В волостных судах Южного Зауралья, начиная с 1907 г., появляется довольно большое количество исковых заявлений, связанных с кооперативной деятельностью.

Модернизационные процессы в Южном Зауралье повлияли и на возникновение новых видов преступлений в крестьянской среде. Прежде всего, среди таких преступлений можно назвать самогоноварение, беспатентную продажу какого-либо товара, не возврат взятых в кредитном товариществе ссуд, растраты и мошенничества.

Самогоноварение и беспатентная торговля вином были ответной реакцией населения, в том числе и крестьянского, на акцизную политику и винную монополию государства. В Курганском окружном суде в конце XIX в. количество дел о самогоноварении и беспатентной торговле вином, в которых фигурировали представители крестьянского сословия, составляли 10% от общего количества всех дел, рассмотренных в этот период. Наиболее распространенным видом правонарушений крестьянами в кредитно-финансовой сфере являлось невозвращение кредита в установленный срок. Однако, дела против должников, возбуждались достаточно редко.

Одной из составляющих процессов модернизации в России была секуляризация крестьянской жизни. В конце XIX – начале XX в. под влиянием секуляризации авторитет церкви в крестьянской жизни существенно понизился. Определенную роль в этом сыграло и девиантное поведение части священнослужителей. Эта девиантность заключалась не только в должностных правонарушениях, но и в уголовных преступлениях, совершаемых духовными лицами, о чем свидетельствуют архивные материалы Тобольской духовной консистории и волостных судов. В этих делах отмечаются факты участия священнослужителей в воровстве и вымогательстве, несоблюдения служебного долга.

В то же время крестьянство, как одно из самых консервативных сословий, стремилось сохранить морально-религиозные традиции и инсти-

туты и в этом случае обращалось за помощью к церкви. Таким образом, в пореформенный период, хотя и происходит секуляризация массового сознания крестьян, но протекала она довольно медленно.

Во второй половине XIX в. в России многие формы традиционного образа жизни и традиционной культуры начали изживать себя. Но инновации далеко не всегда носили положительный характер. Вытеснение традиционных форм поведения и норм общения, ослабление роли общины и семьи, их контрольных функций, привели к появлению девиантных норм поведения в крестьянской среде. Такое девиантное поведение выразилось, прежде всего, в чрезмерном гипертрофированном пьянстве и тесно связанном с ним хулиганстве, проявившемся в росте насилия, драк, краж у своих родителей денег и вещей детьми. Дел, связанных с пьянством, в волостных судах Южного Зауралья наблюдается довольно большое количество. Причем это количество существенно возрастает в начале XX в. по сравнению со второй половиной XIX в.

В целом преступность в Южном Зауралье в начале XX в. имела средние показатели в сравнении со статистическими данными других российских губерний. В то же время к 1913 г. наблюдается рост исковых заявлений в волостных судах почти в 1,5 раза по сравнению с началом века. Если детализировать содержание дел, рассмотренных в волостных судах Южного Зауралья в начале XX в., то представляется следующая картина. Наблюдается рост дел по земельным спорам. Их количество по сравнению с 1890 г. их количество возросло в 6 раз к 1913 г. Судебные тяжбы по найму с 1890 г. по 1913 г. возросли в 2,5 раза. Дела, связанные с кооперацией, составили к 1913 г. 17% заявлений от общего числа исковых заявлений. Процент исковых заявлений по семейным имущественным разделам 1907-1913 гг. составлял 6%. Наибольший пик дел, связанных с хулиганством в деревне, приходился на 1900 г. – 20%⁹⁹.

Таким образом, влияние новых социально-экономических отношений на культурную среду и правовое поведение крестьянства в начале XX в. было амбивалентным.

В начале XX в. крестьяне в Южном Зауралье постепенно освобождаются от опеки общины. В волостных судах область обычного права существенно сужается. Но новые социально-экономические условия, а так-

⁹⁹ ГАКО.Ф.129.Оп.1. ДД.34,49,203,255,331,409,449.

же несформированность до конца нового правового поведения привели к неопределённости в сознании и психологии крестьянства, что сыграло свою роль в росте преступности среди крестьянского сословия, в том числе и южнозауральского.

Методические рекомендации

Изучение настоящего спецкурса не представляется возможным без понимания значения исторической локалистики в системе исторических наук, а также роли правового поведения крестьянства Южного Зауралья в системе социокультурных отношений исторического регионоведения. Для полноценного изучения спецкурса магистрантам рекомендуется ознакомиться с Интернет-публикациями источников по региональной истории, онлайн-выставками документов на официальных сайтах местных архивных учреждений, печатными сборниками документов, путеводителями архивов и другими документами.

Основные понятия

Владенная запись, волостной суд, девиантное поведение, делинквентное поведение, заимочное землепользование, кооперация, крестьянский начальник, малая семья, модернизация, обычное право, потрава, самосуд, ссыльнопоселенцы, старожилы.

Вопросы для самоконтроля

- 1 Что вы знаете о теории модернизации и ее основных концепциях?
- 2 Какое влияние оказывало обычное право на жизнь российской и южнозауральской деревни?
- 3 Какую роль играл волостной суд в жизни южнозауральской деревни?
- 4 Какие модернизационные процессы происходили в южнозауральской деревне?
- 5 Как модернизационные процессы влияли на правовое поведение и преступность в крестьянской среде Южного Зауралья?

Список литературы

- 1 Безгин В. Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX в. Тамбов, 2012.
- 2 Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.
- 3 Менщиков И. С., Федоров С. Г. Девиантное и делинквентное поведение русских крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX в. Курган, 2013.

IX РУССКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.¹⁰⁰

С.С. Коновалов

Современное состояние историографической науки таково, что провинциальное историописание в ней всё чаще выступает как самостоятельный объект изучения. В последние десятилетия отечественными историками написан ряд исследований, посвященных, главным образом, трудам провинциальных историков Европейской части России, Урала и Сибири. Провинциальная историография, в интересующем нас плане в рамках территории всей России второй половины XIX – начала XX века, до сих пор представлена фрагментарно. Она потерялась в разрозненных исследованиях по истории краеведения, истории интеллигенции, истории сообществ, общественных движений, а также в различных историографических обзорах кандидатских и докторских диссертаций, так или иначе затрагивающих проблемы региональной истории России второй половины XIX – начала XX века. Подобная распыленность затрудняет историографическое изучение данной темы, но в то же время создаёт дополнительные стимулы в активизации исследовательского поиска и более основательного «погружения» в провинциальную историческую мысль.

В процессе написания раздела и рабочей программы по данной дисциплине нами привлекались главным образом работы по историописанию Европейской России, Уральской и Сибирской историографии (список использованных материалов приводится в конце раздела). Принципиально значимым в данной ситуации представляется материал, содержащийся в историографических введениях общих работ, посвящённых истории Европейской России, Урала и Сибири.

Во второй половине XIX – начале XX в. провинциальная историческая мысль на региональном уровне, как и столичная историческая мысль, находилась на пике своего развития. Современный исследователь В.А. Бердинских выделяет несколько типов историописаний характерных для русской провинции этого времени: «краеведческие описания», «постлетописные сочинения», «научно-исследовательские историко-

¹⁰⁰ При подготовке данного раздела в значительной степени был использован материал из книги Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 528 с.

краеведческие работы». В настоящее время совершенно очевидно, что благодаря той колоссальной подвижнической, просветительской, гуманистической работе, которая была проделана русскими провинциальными историками-любителями, современная историческая наука имеет богатейшее источниковедческое и историографическое наследие, позволяющее изучать историю российских регионов начиная с XII века и заканчивая началом XX века. Поскольку территория современной Курганской области в рассматриваемый хронологический период входила в состав Пермской, Оренбургской и Тобольской губерний, представляется логичным сосредоточить наше внимание на развитии исторической науки в данных пространственных рамках.

Однако это не означает, что историческая мысль других регионов России второй половины XIX – начала XX века будет «выброшена» из поля нашего зрения. Ведь для того чтобы составить адекватное представление о развитии провинциальной исторической мысли в целом, необходимо привлечение и изучение историографических материалов по всем губерниям России рассматриваемого хронологического периода. Представляется, что в современных условиях перспективность и необходимость обобщающих научных изысканий в данном направлении назрела достаточно явственно.

Несколько слов необходимо сказать о периодизации отечественной исторической науки на провинциальном уровне во второй половине XIX – начале XX в. Наличие историографических источников позволяет выделить два этапа развития русской провинциальной исторической мысли: 1) 1860-1890-е годы (данный этап связан, прежде всего, с деятельностью губернских статистических комитетов); 2) 1890-е годы – 1917 год (данный этап связан с работой губернских ученых архивных комиссий и других исторических научных обществ и организаций, возникших в русской провинции в это время).

Интерес к истории местного края оформился как историко-культурная традиция во многих губерниях России во второй половине XIX века. Особую роль в оживлении и проявлении внимания исследователей к истории своей местности сыграла «эпоха» великих реформ 1860-1870-х годов. Провинциальная интеллигенция, разночинная по своему происхождению, формируется в этот период в весомую социальную группу, объединенную общими мировоззренческими установками. Именно в

составе этой группы появляются в широких масштабах (по меркам того времени) во всей России историки-любители, консолидирующиеся в каждой губернии в 1860-1890-х годах вокруг губернского статистического комитета. Идеиное воздействие народничества на этот круг людей выразилось, прежде всего, в обращении их к народной истории и этнографии данного региона.

Интересы русской провинциальной интеллигенции нашли яркое отражение в деятельности замечательного русского историка той эпохи А.П. Щапова. Созданная им концепция «областничества» послужила теоретическим обоснованием для занятий местной историей множества русских историков-любителей, попыток создать областную историю России.

Организационными центрами, объединяющими историков-любителей во второй половине XIX века в каждой губернии, стали губернские статистические комитеты – очень своеобразные правительственные учреждения. В этот период русская провинциальная историография смогла стать широким массовым явлением огромной культурной значимости.

В губерниях России происходило формирование уникальных научных комплексов исторических источников и материалов по истории своего края. В конечном счете, вся деятельность комитетов носила просветительский характер, ведь в историко-краеведческие интересы вовлекались широкие круги провинциального общества. Статкомитеты подготовили кадры не только для ученых архивных комиссий, но и для провинциальных исторических, археологических и этнографических обществ, чей быстрый рост начался с середины 1880-х годов. В некоторых губернских центрах было даже создано по несколько таких обществ (Тверь, Воронеж, Ярославль, Пермь), но ядро научного актива всех обществ и статкомитета составляли одни и те же люди (5-6 человек). В связи с этим с 1890-х годов многие губстаткомитеты отходят от разработки исторических проблем. Но во многих губерниях деятельность статкомитетов удовлетворяла общественность, и другие общества не возникали долго. Там, где статкомитеты оставались единственным местным научно-историческим учреждением, они дольше вели активную работу (даже в 1900-х годах).

Вторая половина XIX – начало XX в. – время сосредоточения исторических исследований в рамках научных обществ. В 1868 г. был открыт Оренбургский Отдел Императорского Российского Географического об-

щества. В 1870 г. в Екатеринбурге возникло Уральское общество любителей естествознания, а в Тобольске губернский музей (первый в Сибири). В 1877 г. открыт Западно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического Общества. В 1887 г. Оренбургская учёная архивная комиссия. В 1888 г. Пермская учёная архивная комиссия. С 1890 г. ведёт начало Пермский областной краеведческий музей. В 1912 г. открыто Пермское церковно-археологическое общество. В 1916 г. в Перми возник Кружок по изучению Северного края. Появившиеся научные общества были нацелены на изучение местной истории и получение практической пользы от исследований.

Показателем возросшего профессионализма местных историков 1880-х годов стало широкое появление местных библиографических указателей литературы, посвященных данной губернии. Это серьезно облегчало исследовательскую работу. Большое значение для пермских историков, например, имела серьезная работа Д.Д. Смышляева «Источники и пособия для изучения Пермского края» (1876). Автор в предисловии отмечал, что еще в 1859-1860 годах, издавая «Пермский сборник», он «старался тогда собрать по возможности все, что когда-либо было напечатано о Пермском крае». Уезжая надолго из Перми, он подарил свою библиотеку местной гимназии. Там она получила официальное название «Справочная о Пермской губернии библиотека Д.Д. Смышляева», и ею могли пользоваться все желающие познакомиться с Пермским краем. Министерство народного просвещения рекомендовало всем гимназиям России озаботиться созданием такого типа библиотек, но почти нигде это сделать не удалось. На основе этой своей библиотеки автор и создал свой библиографический указатель, напечатав его предварительно в «Губернских ведомостях». В указателе 8 разделов: 1) археология, история, жизнеописание; 2) этнография; 3) путешествия, народонаселение; 4) народное образование; 5) водяные пути, судоходство; 6) леса, промышленность, банки; 7) ископаемое царство, горные заводы; 8) корреспонденции, путевые заметки, смесь.

Сегодня для нас исторический интерес имеют все 1405 работ восьми разделов этого краеведческого указателя. Автор снабдил аннотациями от 3-4 строчек до страницы все указанные им статьи и книги. Вдвойне интересны нам сегодня проскальзывающие порой его личные оценки работ. Д.Д. Смышляев в поисках материалов просмотрел не только все местные

периодические и отдельные издания, но и центральную периодику: издания

Русского географического общества, журналы Министерства народного просвещения, внутренних дел, издания Московского археологического общества.

Не стесняется Д.Д. Смышляев высказать и свое личное отношение к тому или иному автору. Он, например, пишет: «Автор статьи, из которой я привел выше извлечения, Василий Алексеевич Волегов, лет десять тому назад умер. Он был главноуправляющим имениями графа Строганова в Пермской губернии. Соединяя с замечательным умом большую любознательность в отношении к своей родине, Пермскому краю, г. Волегов собрал много интересных материалов, которые отчасти напечатаны в "Пермских ведомостях", и составил замечательную коллекцию древностей пермских».

По типу смышляевского указателя были изданы указатели и в других губерниях (например, в Вятской). Но там исследователи, прежде всего, обращали внимание на роспись содержания статей неофициальной части «Губернских ведомостей», «Памятных книжек» и других изданий статкомитета, так как подавляющее большинство краеведческих работ было сосредоточено именно там. Таков «Систематический указатель статей местного отдела неофициальной части Вятских губернских ведомостей (1838-1890), созданный А.А. Спицыным и изданный в «Календарях Вятской губернии» на 1891 и 1892 годы, а затем и отдельным изданием. Вятским историком описано 2773 статьи краеведческого характера по 19 разделам. Работы местных историков дали толчок развитию краеведческой библиографии в русской провинции.

Достаточно близок к смышляевскому типу библиографического указателя, хотя и более краток, был «Библиографический указатель сочинений и статей, касающихся нынешней Оренбургской губернии», изданный Оренбургским статистическим комитетом. Издание такого рода указателей серьезно стимулировало научно-историческую работу местных исследователей.

В 1860-1890-е годы губернские статистические комитеты стали центром научно-исторической деятельности в русской провинции. Из местных любителей-историков был сформирован круг постоянных исследова-

телей – авторов провинциальных изданий: «Губернских ведомостей», «Памятных книжек», «Трудов» и «Сборников» статистических комитетов.

Определилась тематика и проблематика краеведческих работ. Огромное значение имела широкая археографическая деятельность местных историков-любителей по сохранению архивных материалов, организации при статкомитетах, а затем при ученых архивных комиссиях губернских исторических архивов.

Значительные масштабы принимает публикация исторических источников в местных изданиях, частная собирательская деятельность. Идет складывание порой значительных по объему, уникальных комплексов архивных и опубликованных материалов по истории своего края. Зарождается краеведческая библиография, и публикуются первые библиографические указатели литературы о родном крае, серьезно стимулировавшие исследовательскую работу на местах.

Конечно, не во всех губерниях процессы эти протекали с равной степенью интенсивности. Но в большинстве губерний Центра, Севера Европейской части России, Урала и Сибири вся эта деятельность в той или иной мере проявилась на местах.

В 1880-1890-е годы начинается создание особых церковно-археологических обществ, сыгравших значительную роль в охране религиозных памятников местного края. Характерно, что первые из них копировали структуру и формы работы местных статистических комитетов. Это Подольский епархиальный историко-статистический комитет (1863), Церковно-археологическое общество при Киевской духовной академии (1872), Нижегородская церковно-археологическая комиссия (1887), Могилевский археологический историко-статистический комитет (1888), Новгородское и Воронежское церковно-археологические общества (1890) и ряд других. Всего до 1900 года было создано 16 такого рода учреждений.

К концу XIX – началу XX века археологической деятельностью местных научных обществ была охвачена значительная часть территории Древней Руси, а также центральные и северные районы Европейской части России, Урала и Сибири. Действовали эти комитеты и общества, опираясь на методическую помощь центральных археологических учреждений по более или менее единообразной программе, включавшей наряду с раскопками обязательный сбор данных и составление археологических карт губерний, формирование археологических коллекций и открытие

местных музеев, широкое издание историко-археологических работ по местной тематике. В формировании кадров провинциальных историков и археологов исключительно важная роль принадлежала археологическим съездам, организуемым Московским археологическим обществом.

Достаточно значительная часть работ провинциальных исследователей во второй половине XIX – начале XX в. была представлена работами этнографического характера. Появление широкого круга исследователей-этнографов стало возможно благодаря той огромной первичной собирательской работе, которую проводили в русской провинции еще более многочисленные любители-этнографы, жившие в уездных центрах и селах, работавшие безвозмездно. «Едва ли в другой европейской стране, – подчеркивал академик В.Ф. Миллер, – этнография так мало обременяет государственный бюджет, как в нашем отечестве».

Широкий общественный интерес и альтруистический характер масштабных этнографических исследований типичны для развития этнографии в России второй половины XIX – начала XX века.

Преобладающим предметом интереса любителей-этнографов вплоть до 1870-х годов оставался народный фольклор. Значительное место занимало собирание его в трудах провинциальных деятелей статистических комитетов до самого конца XIX века, хотя уже с 1870-х годов широко исследовались проблемы народного права, с 1880-х – семейного и общественного быта, хозяйственного крестьянского уклада жизни.

В 1890-е годы этнографические работы выходят на первое место в научной деятельности многих статкомитетов. Н.А. Спасский, секретарь Вятского статкомитета, ставя задачи перед комитетом в 1896 году на ближайшие годы, особенно отмечал, что уже скоро в губернии сильно изменится «духовный и экономический строй жизни местного населения и отчасти сгладятся своеобразные особенности нашего края. Поэтому такому учреждению, как статистический комитет, близко стоящему к народной жизни, предстоит великий труд: необходимо спешить изучением губернии в этнографическом, бытовом и экономическом отношении». Организаторы этнографических исследований на местах – секретари губстаткомитетов и местные исследователи-этнографы, столичные ученые, руководители этнографических отделов научных обществ – стали широко известны в своих губерниях, а порой и по всей России. Это Д.Н. Анучин, А.П. Богданов, В.Ф. Миллер, В.И. Ламанский, П.Н. Рыбников, Е.И. Якушкин,

П.С. Ефименко, П.П. Чубинский, К.Н. Тихомиров и Я.П. Гарелин (Владимир), А.С. Гациский (Нижний Новгород), Н.К. Чупин и Д.Д. Смышляев (Пермь), Н.Н. Блинов, Н. А. Спасский, Н. Романов, Г.Е. Верещагин (Вятка), Н. Богословский (Новгород), А.С. Посников (Ярославль), В.И. Покровский (Тверь), Р.Г. Игнатов (Уфа), С.М. Шпилевский и Е.Т. Соловьев (Казань), И.И. Дубасов (Тамбов), А.В. Селиванов (Рязань), Н. Середа и В. Витевский (Оренбург), А. Сементовский (Витебск), И. Красноперов (Смоленск), В.Г. Пирогов (Кострома), Е.В. Барсов, И.С. Поляков и А.И. Иванов (Олонец).

Основными направлениями этнографической деятельности губернских статистических комитетов являлись: 1) участие и содействие в работе центральных научных обществ и учреждений (прежде всего, РГО) путем сбора в губерниях по присланным программам и вопросам первичного этнографического материала; 2) участие в научных выставках путем представления на них этнографических коллекций и материалов из своих губерний; 3) широкая просветительская и научная работа путем публикации в провинциальных изданиях («Губернских ведомостях», изданиях статкомитетов) этнографических статей и материалов самого разного уровня – от простейших «описаний» до серьезных научных исследовательских трудов; 4) массовое формирование любителей-этнографов из представителей провинциальной разночинной интеллигенции: духовенства, учителей, чиновников, врачей; 5) создание на этой основе узкого круга исследователей-этнографов, чьи работы регулярно печатались в местной печати; 6) накопление ценнейшего комплекса опубликованных источников по этнографии местного края.

Издательская деятельность стала едва ли не важнейшим видом научной работы провинциальных краеведческих организаций. Направленность всех изданий провинциальных историков – историко-краеведческая широкого профиля. Почти все исследования исторических обществ и организаций, а также работы провинциальных историков, археологов, этнографов-любителей помещались в губернских периодических изданиях, а иногда издавались отдельно.

Многие издания стали библиографической редкостью сразу после выхода в свет, а в настоящее время немало из дореволюционных изданий полностью утеряно. Многие из них, сохранившиеся в единичных экзем-

плярах, перешли по значимости в разряд архивных источников. Но в целом размах издательской деятельности во многих губерниях Европейской части России, Урала и Сибири привел к созданию там очень значительных по объему научных комплексов краеведческих материалов, которые стали фундаментальной базой для работы местных ученых-гуманитариев в XX веке.

Одновременно с началом издательской деятельности складывается система обмена опытом статкомитетов России. Система обмена изданиями статкомитетов окончательно сложилась в 1870-1880-е годы, позволив широко использовать накопленный в самых разных концах России опыт, а также сформировать значительные по тому времени научные библиотеки статистических комитетов, ставшие серьезной подмогой в работе местных историков-любителей. Конечно, полного и всеобъемлющего обмена изданиями между всеми статкомитетами России не было, да и быть не могло в силу разного уровня и интенсивности издательской деятельности. Но значительному большинству статкомитетов удалось создать основу своих библиотек только за счет обмена изданиями.

Предметом постоянного внимания и забот статистических комитетов был неофициальный отдел «Губернских ведомостей».

Помимо небольших информативных краеведческих заметок в «Губернских ведомостях» печатались и большие работы местных авторов исследовательского характера. Иногда после «Губернских ведомостей» последние публиковались и в «Памятных книжках». Секретарь губернского статкомитета нередко совмещал также должность редактора неофициального отдела «Губернских ведомостей», что позволяло ему успешно публиковать поступающие в комитет с мест материалы.

Замечательный пермский историк конца XIX века А.А. Дмитриев в числе главных неудобств для историка, работающего в провинции, отмечал отсутствие или недостаточность научной литературы. Библиотеки многих губстаткомитетов уже в 1880-е годы насчитывали от нескольких сот до нескольких тысяч книг, в подавляющем большинстве провинциальных изданий. Безусловно, по своему составу это была специальная научная библиотека. В ряде губерний библиотеки статкомитетов несколько раз в неделю были открыты для всех желающих, но в основном в них занимались только члены статистических комитетов.

Активно вели обмен своими изданиями с губстаткомитетами ведущие научные общества России: РГО, МАО, ОЛЕАЭ, РАО и ряд других. При некоторых библиотеках были созданы рукописные отделы, пополнявшиеся уникальными местными историческими источниками: писцовыми книгами, местными летописцами, рукописями религиозного характера, грамотами и актами в основном XVII-XVIII веков, частными архивами провинциальных собирателей.

Нередко библиотеки пополнялись коллекциями книг своих действительных членов. В 1882 году пермский собиратель Д.Д. Смышляев пожертвовал в библиотеку комитета более 100 томов, часть своей коллекции книг о местном крае. При этом, стремясь сохранить их, он поставил условием не выдавать книги из библиотеки на дом. При нередкой смене секретарей статкомитетов страдали в первую очередь местные музеи, библиотеки и архивы статкомитетов. Малый тираж местных изданий (протоколы статкомитетов зачастую издавались тиражом 100-120 экземпляров, а «Памятные книжки» и «Труды» – 500-600 экземпляров) и плохая сохранность архивов приводили к тому, что полного комплекта изданий статкомитета не было на местах даже в конце XIX века.

В условиях хронической нехватки средств для пополнения своих библиотек литературой и недостаточного количества библиотек в российской провинции ряд статкомитетов сделали свои библиотеки публичными и платными для читателей.

В библиотеке комитета занимался любитель-исследователь с широким кругом интересов, который одновременно мог быть историком и географом, этнографом, статистиком и археологом. В широте и нерасчлененности его научных интересов скрывались сила и слабость провинциального исследователя-любителя тех лет.

Любители-историки из среды разночинной провинциальной интеллигенции: священники, учителя, чиновники – вели большую работу по созданию комплексов архивных и опубликованных источников о местном крае, провинциальных музеев и библиотек, археологических и этнографических коллекций; активно участвовали во всероссийских археологических съездах и научных выставках. В России был создан тип исследователя-краеведа, интерес к истории родного края стал общественно значимым явлением в конце XIX – начале XX века. Во многих губернских центрах формируется устойчивая краеведческая культурная традиция (в Твери, Ря-

зани, Тамбове, Пензе, Вятке, Перми, Новгороде, Нижнем Новгороде, Владимире и многих других городах), в определенной мере сохранившаяся до наших дней. Огромные комплексы созданных и опубликованных в российской провинции второй половины XIX – начала XX века исторических, археологических и этнографических источников и материалов в значительной мере остались невостребованными в науке последующего времени.

Методические рекомендации

Сюжеты, связанные с русской провинциальной историографией второй половины XIX – начала XX в., как впрочем, более раннего и более позднего периода, крайне редко попадают в учебники историографии и изучаются на учебных занятиях по истории исторической науки. Между тем важность и необходимость изучения данных вопросов совершенно очевидна и не вызывает сомнений. Сложность заключается ещё и в том, что пока не создано ни одного учебника, в котором отечественная провинциальная историческая мысль была бы представлена полностью или хотя бы в основных своих проблемных «эскизах». Созданные в последние десятилетия работы охватывают лишь некоторые регионы России и выходят, как правило, незначительными тиражами. Они зачастую недоступны интересующейся аудитории. Поэтому во многом при изучении данного раздела студенческий исследовательский поиск ориентирован на самостоятельное выявление историографических источников и литературы в Интернете.

При написании раздела использовались следующие сокращения: РГО – Русское географическое общество, МАО – Московское археологическое общество, ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, РАО – Русское археологическое общество.

Основные понятия

Краеведческие описания, постлетописные сочинения, концепция «областничества».

Вопросы для самоконтроля

1 Назовите основные типы исторических произведений, которые были характерны для русской провинции второй половины XIX – начала XX в.

2 На какие периоды может быть разделена русская провинциальная историческая мысль во второй половине XIX – начале XX вв.? Дайте краткую характеристику каждому из периодов.

3 Какие факторы сыграли определяющую роль в развитии отечественного местного историописания во второй половине XIX века?

4 Какие исторические научные общества были созданы на Урале и в Сибири во второй половине XIX – начале XX в.?

5 В чём заключались основные направления деятельности губернских статистических комитетов?

6 Какую роль сыграло Московское археологическое общество в формировании кадров провинциальных историков?

7 Кто из русских провинциальных историков-любителей выступил инициатором разработки библиографических пособий по местной истории?

8 Что являлось важнейшим видом научной работы провинциальных краеведческих организаций?

9 Каков был социальный статус историка-любителя в русской провинции второй половины XIX – начала XX в.?

10 В чём заключалась сила и слабость отечественных провинциальных историков второй половины XIX – начала XX в.?

Список литературы

1 Аверина Н. Ф. Настоящий город : краеведческий очерк : [1871-1900]. Пермь : Пушка, 2013. Ч. 1. 313 с.

2 Бердинских В. А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 528 с.

3 Усанов В. И. К 60-летию со дня рождения. Избранные произведения и библиографический указатель. Куртамыш : ГУП «Куртамышская типография», 2003. 122 с.

4 В. О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии : материалы науч. конф. (Пенза, 25-26 июня 2001 г.) : в 2 кн. М. : Наука, 2005. Кн.1. 467 с. Кн.2. 279 с.

5 Данилов Н. Ф. Пермская школа историков-краеведов XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2002. 30 с.

6 Дианова К. А. Организация и деятельность краеведческих обществ Европейского Севера России первой четверти XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013.

7 Деятели социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни Урала и Зауралья XVII-XX вв. : сб. материалов межрегиональной научной конференции (Курган, 30 мая 2002 г.). Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004. 111 с.

8 Зорина Л. И. Уральское общество любителей естествознания. 1870-1929. Из истории науки и культуры Урала / Учёные записки Свердловского областного краеведческого музея. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1996. Т.1. 208 с.

9 История Курганской области (с древнейших времён до 1861 года). Т.1. Кург. гос. пед. ин-т. Курган, 1995. 370 с.

10 История Курганской области (1861-1917 гг.). Т. 2. Курган, 1996. 488 с.

11 История Урала с древнейших времён до 1861 г. М., 1989.

12 История Урала в период капитализма. М., 1990.

13 Кожевникова Т. Г. Печатные издания научно-краеведческих обществ Пермской губернии как источник по истории Урала (вторая половина XIX - начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.

14 Краеведы и краеведческие организации Перми: Библиографический справочник / сост. Т. И. Быстрых, А. В. Шилов. Пермь : Курсив, 2000. 360 с.

15 Пашков А. М. Историческое краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века как социокультурное и историографическое явление : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

16 Первушкин В. И. Становление и развитие провинциального краеведения в России во второй трети XIX – начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Пенза, 2008.

17 Сафонов Д. А. Очерки историографии оренбургской истории. Оренбург : Изд-во «Оренбургская губерния», 2005. 364 с.

18 Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. Екатеринбург : Академкнига УрО РАН, 2000. 750 с.

19 Усанов В. И., Валеев В. Р. История Пермского края XII-XX вв. в отечественной революционно-демократической историографии. Курган : Центр «Отклик», 2013. 156 с.

20 Штергер М. В. Провинциальная историческая мысль последней трети XIX – начала XX вв. (По материалам Тобольска и Омска) : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003. 289 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (В.В. Менищиков)	3
I АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ (В.В. Менищиков)	4
II АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (Т.В. Козельчук)	20
III ТЮРКО-ТАТАРСКИЕ ГОСУДАРСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябинина)	37
IV РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В РЕГИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ (В.В. Пестерев)..	77
V ГОСУДАРЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII В. (С.В. Путилин)	90
VI СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДОВ ЗАУРАЛЬЯ В XVII – НАЧАЛЕ XX В. (М.Ф. Еришов)	108
VII ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В. (Г.Г. Павлуцких, С.Г. Федоров)	124
VIII СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА И ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯН ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. (И.С. Менищиков, С.Г. Федоров)	141
IX РУССКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. (С.С. Коновалов)	158

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИСТИКА УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Учебное пособие

Отв. редактор В.В. Менщиков

Редактор Н.М. Быкова

Подписано к печати 12.10.15	Формат 60x84 1/16	Бумага 80 г/м ²
Печать цифровая	Усл. печ. л.10,75	Уч.-изд. л. 10,75
Заказ № 230	Тираж 100	

РИЦ Курганского государственного университета.

640000, г. Курган, ул. Советская, 63/4.

Курганский государственный университет.